

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (6)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2010**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 2 (6)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2010**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Рябов В.В.

председатель

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Атанасян С.Л.

Русецкая М.Н.

ректор ГОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

проректор по научной работе ГОУ ВПО МГПУ, доктор
экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО

проректор по учебной работе ГОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор

проректор по инновационной деятельности ГОУ ВПО МГПУ,
доктор педагогических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

Данилов А.А.

Кириллов В.В.

Корнилов В.А.

Карпачев С.П.

Леванов Б.В.

Митрофанов К.Г.

Михайловский Ф.А.

составитель

Пашенцев Е.Н.

Ртищева Г.А.

Уколова В.И.

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

доктор исторических наук, профессор

директор Института гуманитарных наук,
кандидат исторических наук, профессор

заведующий кафедрой отечественной истории,
кандидат исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

заведующий кафедрой методики преподавания истории,
кандидат исторических наук, доцент

доктор исторических наук, профессор

доктор исторических наук, профессор

кандидат исторических наук, доцент

доктор исторических наук, профессор

заведующий кафедрой всеобщей истории,
доктор исторических наук, профессор

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Революционные движения

- Ушаков А.А.* Рабочее движение и интеллигенция России
в конце XIX – начале XX веков 8
- Касаров Г.Г.* Стачки рабочих Царицына (июль 1914 г. –
февраль 1917 г.)..... 19

История России советского периода

- Боева Л.А.* Идеологическое обеспечение НЭПа..... 31
- Супрун М.Н.* Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз 42

История культуры

- Давыдова А.Б.* Роль бога Сараписа в греко-египетской магии
римского периода..... 53
- Крыкин С.М.* Реликты духовной культуры автохтонов
Восточных Балкан 61
- Платонова А.А.* Браки московских мещанок и крепостных
в начале XIX века..... 72

Из истории современности

- Рагимова А.Ф.* Россия и СНГ: аспекты гуманитарного
сотрудничества (на примере Азербайджана) 79

Историография

- Михайловский Ф.А.* Магистратские компоненты власти Августа в оценке отечественной историографии..... 93

Методика преподавания истории

- Агуреев С.А.* Историография зарубежной истории в системе комплексной подготовки профессионального историка..... 103

Исторические портреты

- Афанасьев А.Г.* Александр Дубчек: человек на перепутье 110

Научная жизнь

- Захаров К.А.* Отстоять правду истории..... 118
- Базаркина Д.Ю., Полунина О.С.* Актуальность проблемы информационных войн в мировой науке 121

Аннотации и ключевые слова 125

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки». 2010, № 2 (6)..... 131**

CONTENTS

Revolutionary Movements

- Ushakov A.V.* Working-class Movement and Intelligentsia of Russia
at the Turn of the XX-th Century8
- Kasarov G.G.* Strikes of Workers of Tsaritsyn
(July 1914 – February 1917)19

History of Russia of the Soviet Period

- Boeva L.A.* Ideological Support of NEP31
- Suprun M.N.* The Strategy of the Anti-Hitler Coalition and Lend-lease42

History of Culture

- Davydova A.B.* Sarapis' Role in Graeco-Egyptian Magic
in Roman Egypt53
- Krykin S.M.* Relics of Spiritual Culture of Autochthons
of the Eastern Balkan61
- Platonova A.A.* Marriages Between Moscow Bourgeoises
and Serfs in the Beginning of the XIX-th Century72

Contemporary History

- Ragimova A.F.* Russia and the CIS: Aspects of Humanitarian Cooperation
(for Example Azerbaijan) 79

Historiography

- Mikhailovsky F.A.* Magisterial Components of Augustus' Power:
Some Appraisals of the Native Historiography 93

Methods of Teaching History

- Agureev S.A.* The History of Historical Science
in a Preparation System of Historical 103

Historical Profiles

- Afanasiev A.G.* Alexander Dubchek: the person at the crossroads 110

Scientific Events

- Zakharov K.A.* To Defend the Truth of the History 118
- Bazarkina D.Yu., Polunina O.S.* Actuality of the Problem
of Information Warfare in the World Studies 121

Annotations and Key-words 125

- Authors of «Vestnik of MCPU», Series «Historical Studies»,
2010, № 2 (6)** 131

А.А. Ушаков

Рабочее движение и интеллигенция России в конце XIX – начале XX веков

Проблема взаимодействия рабочих и интеллигенции почти всегда рассматривалась в нашей литературе с позиции влияния рабочих на интеллигенцию [1; 2; 7; 9; 14; 26 и др.]. О влиянии же интеллигенции на рабочих появились работы в последние годы [3; 4; 5; 10; 11; 12; 27; 28].

Рабочими выступлениями руководили в основном революционные организации социал-демократические и эсеровские. Но большинство их членов были интеллигентами.

Из 53 членов ЦК РСДРП (1898–1910) был только один рабочий (Л.И. Гольдман). В ЦК Партии социалистов-революционеров, насчитывавшего 74 человека, имелись двое рабочих (Л.Я. Герштейн и И.И. Тетеркин). Остальные были интеллигентами (к ним мы относим также учащиеся высших учебных заведений) [13: с. 768–774].

В ЦК РСДРП входили врачи А.А. Богданов, Ф.В. Гусаров, Г.Д. Лейтензен, В.Н. Розанов, Н.А. Семашко, Б.Л. Эйдельман, инженеры Л.Б. Красин, Г.М. Кржижановский и Ф.В. Ленгник, адвокаты К.М. Ермолаев, В.И. Ленин (Ульянов), В.Л. Шанцер, учителя Я.А. Берзин, И.Г. Исув, статистики И.Ф. Дубровинский, П.Н. Колокольников и П.П. Румянцев, историк Н.А. Рожков и др. Членами Центрального комитета Партии социалистов-революционеров были публицисты Н.А. Авксентьев, А.А. Аргунов, В.Г. Архангельский, Н.С. Русанов и В.В. Сухомлин, писатель Б.В. Савинков, адвокаты М.Я. Гендельман и Н.Н. Фоейлих, врачи А.И. Потапов, А.В. Прибылов, В.В. Руднев, А.Ю. Фейт, А.А. Бельский, Д.Д. Донской, И.Н. Коворский и А.В. Фрейфельд, студенты Ф.В. Волховский, С.Ф. Михалевич, М.А. Натансон и М.Р. Гоц, биохимик академик А.Н. Бах, математик А.О. Бонч-Осмоловский и др. [13: с. 768–774].

Членами местных комитетов партий были также главным образом интеллигенты. Центральная организационная группа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» состояла из интеллигентов: В.И. Ленина,

С.И. Радченко, Н.К. Крупской, З.П. Невзоровой, С.П. Невзоровой, А.А. Якубовой, А.А. Ванеева, П.К. Запорожца, Н.А. Сильвина и др. Членами руководящих органов московской социал-демократической организации были врачи Д.И. Ульянов, Н.Э. Бауман, В.Ф. Владимирский, инженеры П.Г.Смидович и М.Т. Елизаров, студенты А.А. Ванновский, В.А. Ванновский, Н. Малинин, журналистки А.И. Ульянова (Елизарова) и М.И. Ульянова, писатель А.В. Луначарский и др. В Костромском комитете «Северного рабочего союза» было шесть интеллигентов и двое рабочих; Владимирская социал-демократическая организация (комитет не был создан) целиком состояла из интеллигентов; в Донской комитет РСДРП входили пять интеллигентов и двое рабочих.

Хроника рабочего движения в России, изданная Институтом российской истории РАН, позволяет подсчитать, что в 1895 г. имелось 20 революционных организаций (комитетов, групп, кружков), принадлежавших социал-демократам, эсерам, национальным социал-демократическим организациям, в которые преимущественно входили интеллигенты. В 1900 г. было 40 таких организаций, а в 1904 г. — уже 144 [15: с. 104–121; 20: с. 173–248; 24: с. 178–378]. Членами ряда революционных объединений были одни интеллигенты (без рабочих, ремесленников и др.). Среди них следует отметить Ковенский кружок Литовской социал-демократической партии (ЛСДП), Батумский социал-демократический кружок, Орловскую социал-демократическую группу, Саратовскую группу РСДРП, Херсонскую группу Партии социалистов-революционеров, Виленскую группу «Белорусской социалистической громады» (БСГ), Объединенную группу РСДРП «Буревестник» (Москва) и др.

Таким образом, революционной деятельностью среди рабочих руководили интеллигенты. Они вели большую пропагандистскую, агитационную и организационную работу в массах.

Революционные организации, большей частью интеллигентские, руководили выступлениями рабочих. Они готовили стачки и демонстрации и возглавляли их, устраивали собрания и сходки. Хроники рабочего движения позволяют подсчитать, что в 1895 г. в этой работе участвовали 12 таких организаций, а в 1900 г. — 28 [15; 20].

Согласно Хроникам, стачечное движение в конце XIX в. расширилось, о чем свидетельствует табл. 1 [15; 16; 17; 18; 19; 20].

Таблица 1

Год	Количество стачек	Число стачечников
1895	281	67248
1896	282	56826
1897	613	132282
1898	673	130914
1899	784	136585
1900	576	87080

Стачки второй половины 90-х гг. отличались от предыдущих. Стачечники выставляли определенные требования; рассчитывали, какой момент для стачки удобнее выбрать; обсуждали случаи забастовок в других местах. От предыдущих стачки отличались также тем, что на помощь рабочим пришла социал-демократическая интеллигенция.

Осенью 1895 г. вспыхнула забастовка на текстильной фабрике Торнтон. Когда 5 ноября члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» распространили на фабрике листовку с изложением требований к хозяевам и призывом к забастовке, на следующий день 500 ткачей бросили работу. Несмотря на аресты рабочих, стачка закончилась лишь после удовлетворения требований стачечников и освобождения арестованных товарищей. Под влиянием этой стачки и при активном участии «Союза борьбы» забастовали рабочие табачной фабрики Лаферм и Путиловского завода.

В Москве под руководством интеллигентов-социал-демократов стачки проходили на Прохоровской Трехгорной мануфактуре, Даниловской мануфактуре, заводах Густав Лист, Гужон, Бромлей, в мастерских Московско-Курской и Московско-Рязанской железных дорог.

Особенно широкая работа осуществлялась интеллигенцией на Прохоровской Трехгорной мануфактуре. Там в большом количестве распространялась нелегальная литература. Кроме того, социал-демократы для рабочих фабрики стали издавать гектографическую газету «Волна». Вышли три ее номера (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 89. Д. 9. Л. 179–195).

Под руководством «Московского рабочего союза» в 1895 г. состоялась первая сходка (200 человек). Весной этого года произошла стачка на Ярославской большой мануфактуре. Был вызван Фанагарийский гренадерский полк. По приказу офицеров солдаты стреляли в бастующих. Были убиты 15 человек. Убийцы заслужили благодарность Николая II, пославшего им приветствие: «Спасибо, молодцы, фанагарийцы». В октябре 1895 г. две недели бастовали рабочие Иваново-Вознесенска, выступившие против снижения заработной платы.

1896 г. принес новые успехи рабочему движению. Энергичная деятельность Петербургского «Союза борьбы» дала плодотворные результаты. Летом 1896 г. под его руководством произошла общая стачка 30 тысяч ткачей. «Союзом борьбы» было выпущено 14 листовок. Под его руководством непрерывно проходили собрания и митинги. Помимо текстильщиков стали волноваться рабочие металлисты на Александровском, Семенниковском, Обуховском, Путиловском заводах. Везде забастовщики выдвигали требования сокращения рабочего дня.

Петербургская стачка была поддержана в Москве. 16 июня, когда было получено известие о событиях в Петербурге, под руководством «Московского рабочего союза» состоялась сходка, на которой присутствовали 300 человек. На ней было решено в знак солидарности с петербургскими товарищами объявить всеобщую забастовку. Согласно этому решению 3 июля забастовали мастерские Курской же-

лезной дороги, поднялись рабочие фабрики Грессара, металлообрабатывающих заводов Перенуда, Гужона и др. Еще несколько дней и в Москве разразилась бы всеобщая забастовка, но ее предотвратили массовые аресты (Работник. – 1897. – № 3–4. – С. 35–36, 38–40).

В 1897 г. опять начали борьбу петербургские рабочие. В январе в столице бастовали две фабрики Максвелла, Александровский, Невский, отчасти Путиловский заводы.

Непрерывно происходили забастовки в 1897 г. и в Центральном промышленном районе. Правда, при отсутствии руководства со стороны революционных организаций, они носили стихийный, иногда бунтарский характер. Так было в Серпухове на мануфактуре Коншина, на которой было занято 7 тыс. человек. Когда хозяева отказались выполнить требования рабочих об увеличении заработной платы, те стали бить стекла в кабинете директора, громить фабричные лавки и трактиры. На фабрику были посланы 500 казаков и солдат. Вооруженные кирками и топорами, забастовщики оборонялись, однако были побеждены и многих из них арестовали. 40 «зачинщиков» были отданы под суд.

Большое значение для развития пролетарского движения имела всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих, продолжавшаяся свыше трех недель — с 23 декабря 1897 г. по 14 января 1898 г. В ней участвовали 14 тысяч человек. Этой исключительно упорной борьбой руководили социал-демократическая организация Иваново-Вознесенска и пришедшие ей на помощь члены «Московского рабочего союза».

В 1898 г. обозначился новый подъем рабочего движения. Поводом для него было сокращение до минимума числа праздничных дней по закону 2 июня 1897 г. В конце января 1898 г. произошла забастовка 600 рабочих Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Она была организована и проходила под руководством социал-демократического кружка, тесно связанного с центром московской организации (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 48. Д. 14. Л. 99-105; Жизнь. – 1902. – № 1. – Апрель).

Под руководством «Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1898 г. прошли также забастовки на Даниловской мануфактуре, фабриках Зедиха и Бутикова. Многие текстильные предприятия бастовали в Московской губернии: фабрики Кацепова, Щербакова, Грязнова, Коншина и др. Широкою известность получили стачки во Владимирской губернии: на фабрике Нечаева-Мальцева, в Гусь-Хрустальном, на предприятиях Ясюнинских в Кохме и Дербенева в Александровском уезде (ГАРФ. Ф. ДП. Оп. 168. Д. 30. Л.55; 7 д-во Д. 128. т.I. Л. 137; Ф. 63. Оп. 9. Д. 14. Л. 4-6.; ГАВО. Ф. 704. Оп. I. Д. 217; Д. 238. Л.290).

Из центра России стачечное движение перекинулось на Украину. Забастовали 10 тыс. рабочих Юзовки, 2 тыс. горняков Рутченковских рудников. Стихийно, при отсутствии руководства со стороны революционной интелли-

генции произошла стачка на Брянском заводе в Екатеринославле. Во время забастовки были разгромлены и подожжены контора, будки сторожей, винные лавки, избит помощник директора.

В конце 1898 г. волна стачечного движения докатилась до Закавказья. В декабре под руководством социал-демократической организации произошла крупная забастовка в Тифлисских железнодорожных мастерских.

В 1899 г. рабочее движение продолжало расширяться. Значительной силы достигли выступления металлистов на Сорновском заводе, руководимые социал-демократической интеллигенцией, Брянском рельсопрокатном заводе «Првиданс» Никополь-Мариупольского общества. Ряд забастовок вспыхнул на шахтах и заводах Донбасса.

В 1900 г. рабочее движение получило дальнейшее развитие. Наметился переход от борьбы экономической к борьбе политической. В этом году произошла знаменитая Первомайская политическая демонстрация в Харькове, руководимая социал-демократами-интеллигентами. Харьковская социал-демократическая организация заранее распространила свои прокламации и брошюры и составила план демонстрации.

Экономическая борьба рабочих, которую они вели в 1895–1900 гг. имела большое значение. Она способствовала переходу рабочих к политической борьбе, так как они при помощи пропаганды революционной интеллигенции убеждались, что вся государственная машина (полиция, войска, казаки, суд, тюрьмы и т.п.) направлены против них и, только уничтожив самодержавие, можно добиться лучшей жизни.

В годы, непосредственно предшествовавшие первой российской революции (1901–1904) борьба приняла преимущественно политический характер.

О росте стачечного движения свидетельствуют данные хроники рабочего движения [21: с. 516; 22: с. 736; 23: с. 1148; 25: с. 712].

Таблица 2

Год	Количество стачек	Число стачечников
1901	771	135436
1902	589	130058
1903	2099	329503
1904	419	132828

Количество политических стачек возрастало и в 1903 г. превысило число стачек экономических [6: с. 357].

Таблица 3

Год	политические стачки(в %)	экономические стачки(в %)
1901	22.1	77.9
1902	20.4	79.6
1903	53.2	46.8

В начале 1900-х начались массовые политические демонстрации, организованные революционной интеллигенцией. Об увеличении их числа свидетельствует таблица 4, составленная Ю.И. Кирьяновым [8: с. 239].

Таблица 4

Годы	1901	1902	1903	1904	1901–1904
число демонстраций	51	61	142	178	432

Демонстрации имели большое значение, создавая уличную агитацию, выходящую непосредственно за пределы манифестаций.

Репрессии против студенчества вызвали в начале 1901 г. крупные антиправительственные демонстрации в Петербурге, Москве, Харькове, Белостоке и в некоторых других городах. Вместе со студентами в них участвовали рабочие, откликнувшиеся на призыв социал-демократов придти на помощь учащейся молодежи.

Политическая борьба продолжалась и в последующие месяцы. Важным ее проявлением стали первомайские выступления, которые были организованы социал-демократической интеллигенцией и проходили под ее руководством. Чиновник Департамента писал, что социал-демократы стремятся провести политические праздники «в небывалом размере» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 16. Л. 72 об.). Опасения правительства подтвердились. Крупные первомайские забастовки и политические демонстрации произошли в Петербурге, Тифлисе, Харькове, Варшаве, Вильно, Симферополе, Керчи, Саратове, Туле и других городах.

Очень важное значение для развития движения имела «Обуховская оборона». Под руководством социал-демократов 1 мая 1901 года забастовали 1 200 рабочих, а 7 мая работу оставили все рабочие завода (15 тыс. человек). Они потребовали объявления 1 мая праздничным днем, введения 8-часового рабочего дня, учреждения на заводе института уполномоченных и т.д. Против обуховцев были двинуты войска и полиция, но на головы карателей посыпался град камней. По стачечникам был открыт огонь. Трое из них были убиты. Однако обуховцы сопротивлялись в течение целого дня. Только к вечеру их сопротивление было сломлено. Начались массовые аресты (800 человек). 37 человек были осуждены на каторгу.

Под влиянием борьбы обуховцев забастовали рабочие Невского, Александровского, Семянниковского, Франко-русского, Гвоздильного заводов, фабрики Гука и др.

Пролетариат, перейдя под руководством революционной интеллигенции к открытой политической борьбе с самодержавием, продолжал вести и стачечную борьбу. В 1901 г. стачки происходили в Петербурге, Москве, Центральном промышленном районе, в Поволжье, на Украине, в Прибалтике, на Урале, в Сибири и даже в далекой Якутской области (Искра. – 1901. – Ноябрь. – № II).

В 1902 г. во всех концах страны по-прежнему происходили массовые политические демонстрации, которые теперь уже сочетались с политическими стачками и часто вырастали из них.

1902 г. начался февральскими политическими демонстрациями студентов и рабочих. Они прошли в Киеве, Петербурге, Москве, Екатеринославле, Ростове-на-Дону. Везде ими руководили социал-демократические организации.

В ноябре 1902 г. разразилась знаменитая ростовская стачка. Ею руководили интеллигенты социал-демократы С.И.Гусев и др. Ежедневно во дворе Главных мастерских Владикавказской железной дороги происходили многотысячные митинги. Так как двор не мог вместить всех желающих, митинги были перенесены в Камышевахскую балку. Здесь продолжались призывы к борьбе с самодержавием. Почти ежедневно происходили столкновения рабочих с полицией и казаками (Искра. – 1903. – Январь – № 31). Ростовская стачка оказала огромное влияние на рабочий класс, пробуждая к политической борьбе все новые слои пролетариата.

В 1902 г. социал-демократическая интеллигенция продолжала вести активную работу на многих фабриках и заводах. Так, в Москве она проводилась на Прохоровской Трехгорной мануфактуре, Даниловской мануфактуре, фабриках Бутикова, Шрадера, Гандшина и Верц, заводах Гужон, Альтфабер, Доброва и Набгольц, Анонимного русско-бельгийского общества, в мастерских Московско-Брестской железной дороги, типографии Чичерина и на других предприятиях (ГАРФ. Ф.63. Оп.12. Д. 25/902. Л. 40, 41, 44; ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 91. Д. 178. Т. II. Л. 100).

Крупная забастовка в Москве, руководимая социал-демократами, произошла в марте на Даниловской мануфактуре. В ней участвовали 3 530 рабочих (ГАРФ. Ф. ДП. 3 делопр. Д. I. ч. 52. Л. А/903. Л. 7-9).

В 1903 г. рабочее движение в России сделало новый громадный шаг вперед. От отдельных политических стачек и демонстраций рабочие перешли к массовым всеобщим политическим стачкам, сопровождавшимся политическими демонстрациями.

Летом 1903 г. под руководством социал-демократической интеллигенции вспыхнула всеобщая политическая стачка на юге России. В ней приняли участие более 200 тыс. человек.

Первыми начали борьбу рабочие Баку, руководимые Бакинским комитетом РСДРП, создавшим забастовочный комитет. Стачка сопровождалась ежедневными политическими сходками. В них участвовали по 20–30 тысяч человек (Искра. – 1903. – Август. – № 45).

Бакинских рабочих поддержал рабочий класс Тифлиса. 1 июля под руководством Тифлисского социал-демократического комитета произошла десятитысячная политическая демонстрация, сопровождаемая столкновениями

с полицией. 14 июля по призыву социал-демократов началась всеобщая стачка солидарности с бакинскими рабочими.

Из Тифлиса стачка перекинулась в Батуми. 17 июля прекратили работу рабочие порта и заводов. К ним присоединились рабочие Закавказской железной дороги, Поти, Чиатур и т. д.

Всего в июле 1903 г. в Закавказье бастовали до 100 тысяч человек.

Под влиянием всеобщей стачки в Закавказье всеобщая стачка охватила города Украины — Одессу, Киев, Николаев, Елисаветград, Харьков и другие. Большой силы достигли выступления одесских рабочих. К 18 июля в Одессе не работал ни один завод, ни одна мастерская, остановились конка, трамвай, поезда, пароходы. Стачка сопровождалась мощными политическими демонстрациями, митингами и собраниями, на которых выступала революционная интеллигенция, призывавшая к борьбе с самодержавием.

Под влиянием борьбы рабочих Юга в сентябре 1903 г. в Москве вспыхнула всеобщая стачка печатников. Прекратили работу 67 типографий и литографий с 15 тыс. рабочих (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 13. Д. 667. Л. 301–335). «Искра» отмечала: «Выдержка поразительная для русских рабочих» (Искра. — 1903. — Октябрь. — № 49). 10 сентября стачка печатников стала перерастать во всеобщую московскую стачку. Забастовали рабочие фабрики Жако и Бонакера, начались волнения на Прохоровской и Измайловской мануфактурах, среди булочников, кондитеров, коробочников. Опасаясь всеобщей стачки, московские власти поспешили заставить хозяев пойти на уступки. Владельцы типографий объявили о прибавке сдельной платы. Это внесло раскол в ряды стачечников. Рабочие, работавшие сдельно, начали с 13 сентября становиться на работу. Прекращение забастовки типографчиков и спешные уступки хозяев привели к окончанию стачки и на других предприятиях (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 13. Д. 667. Л. 61).

Грозным признаком назревавшей революции стала всеобщая политическая стачка в Баку, разразившаяся в декабре 1904 г. Она проходила при активном руководстве бакинской социал-демократической организации, в которую входили интеллигенты П.А. Джапаридзе, А.М. Стопани, И.Т. Фиолетов, Ц.С. Зеликсон-Бобровская и др. Был создан стачечный комитет. Он выработал как экономические, так и политические требования: 8-часовой рабочий день, прекращение работы в день 1 мая, созыв Учредительного собрания, свобода слова, собраний союзов и т. д. Во время забастовки происходили многотысячные демонстрации и митинги.

Бакинская стачка закончилась победой: нефтепромышленники согласились ввести 9-часовой рабочий день, оплатить дни забастовки и т. д. [9: с. 306].

Стачка в Баку с большим воодушевлением была поддержана рабочим других городов (Москвы, Ростова-на-Дону, Саратова, Тулы и т. д.)

В ходе борьбы постепенно, иногда незаметно для самих рабочих под влиянием революционной интеллигенции происходили глубокие изменения во всем

их психическом складе и сознании, свидетельствующие о воспитании пролетариата как сознательного борца с самодержавием.

Таким образом, в конце XIX – начале XX веков интеллигенция выступила руководителем и организатором освободительного движения. Объединились две силы: интеллектуальная (интеллигенция) и массовая (рабочие). Это был союз работников умственного труда с рабочим классом.

Литература

1. Булдаков В.П. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои / В.П. Булдаков, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, В.В. Шелохаев. – М.: Мысль, 1981. – 304 с.
2. Гегемония пролетариата в трех русских революциях. – М.: Мысль, 1975. – 351 с.
3. Дышлова А.Н. Московские предприниматели и просвещение рабочих / А.Н. Дышлова // Гуманитарные науки: сб. ст. – Вып. 19. – М.: МАДИ. 2002. – 144 с.
4. Дышлова А.Н. Московский кинематограф и рабочие в начале XX века / А.Н. Дышлова. – М.: Изд-во МАДИ НИИГИ, 2001. – 145 с.
5. Дышлова А.Н. Просвещение рабочих в области гигиены и физического воспитания в Москве в начале XX века / А.Н. Дышлова // Гуманитарные науки: сб. ст. – Вып. 16. – М.: Изд-во МАДИ-НИИГИ, 2001. – 152 с.
6. История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. I. – М.: Политиздат, 1964. – 633 с.
7. Кабаков П. Очерки истории российского пролетариата / П. Кабаков, Р. Ерман, Н. Кузнецов, А. Ушаков. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 389 с.
8. Кирьянов Ю.И. Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне первой российской революции / Ю.И. Кирьянов. – М.: Наука, 1987. – 357 с.
9. Краткая история рабочего движения в России (1861 — 1917 годы). – М.: Политиздат, 1962. – 687 с.
10. Никен Н. Московский университет в жизни профессорской интеллигенции Москвы второй половины XIX – начала XX вв. (на основе документов личного происхождения) / Н. Никен // Проблемы отечественной истории: сб. ст. – Вып. 2. – М.: МГПУ, 2003. – 116 с.
11. Поликарпова М.А. Издательская и просветительская деятельность И.Д. Сытина в конце XIX – начале XX вв. / М.А. Поликарпова // Вопросы отечественной истории: межвузовский сборник работ молодых ученых. – М.: Альфа, 2002. – 151 с.
12. Поликарпова М.А. Народные театры в жизни московских рабочих в конце XIX – начале XX вв. / М.А. Поликарпова // Вопросы отечественной истории: межвузовский сборник работ молодых ученых. – М.: Альфа, 2003. – 169 с.
13. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
14. Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции. – М.: Политиздат, 1975. – 300 с.
15. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. I: 1895 год. – М.: ИРИ РАН, 1992. – 174 с.

16. Рабочее движение в России 1895 г. – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. II: 1895 год. – М.; СПб.: ИРИ РАН, 1993. – 246 с.
17. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1897 г. Хроника. – Вып. III: 1897 год. – М.; СПб.: ИРИ РАН, 1995. – 240 с.
18. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. IV: 1898 год. – М.; СПб.: ИРИ РАН, 1997. – 351 с.
19. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. V: 1899 год. – М., 1998. – 390 с.
20. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. VI: 1900 год. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 411 с.
21. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. VII: 1901 год. – СПб.: ИРИ РАН, 2000. – 601 с.
22. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. VIII: 1902 год. – Ч. II. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 834 с.
23. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. IX: 1903 год. – Ч. IV. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 1304 с.
24. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. X: 1904 год. – Ч. II. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 716 с.
25. Рабочее движение в России 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. X: 1904 год. – Ч. III. – М.: ИРИ РАН, 2008. – 810 с.
26. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. – М.: Наука, 1983. – 310 с.
27. Трофимова Ю.Н. Меценатская деятельность М.К. Морозовой / Ю.Н. Трофимова // Некоторые проблемы отечественной и зарубежной истории: сборник научных работ аспирантов и соискателей. – М.: Альфа, 1995. – 162 с.
28. Ушаков А.В. Интеллигенция и рабочие Москвы в конце XIX – начале XX вв. / А.В. Ушаков // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка: сб. ст. к 100-летию со дня рождения. – М.: РОССПЭН, 2009. – 271 с.

Literatura

1. Buldakov V.P. Bor'ba za massy' v trex revolyuciyax v Rossii. Proletariat i srednie gorodskie sloi / V.P. Buldakov, A.E. Ivanov, N.A. Ivanova, V.V. Sheloxaev. – М.: My'sl', 1981. – 304 s.
2. Gegemoniya proletariata v trex russkix revolyuciyax. – М.: My'sl', 1975. – 351 s.
3. Dy'shlova A.N. Moskovskie predprinimateli i prosveshhenie rabochix / A.N. Dy'shlova // Gumanitarny'e nauki: sb. st. – Vy'p. 19. – М.: MADI. 2002. – 144 s.
4. Dy'shlova A.N. Moskovskij kinematograf i rabochie v nachale XX veka / A.N. Dy'shlova. – М.: Izd-vo MADI NIIGI, 2001. – 145 s.
5. Dy'shlova A.N. Prosveshhenie rabochix v oblasti gigieny' i fizicheskogo vospitaniya v Moskve v nachale XX veka / A.N. Dy'shlova // Gumanitarnye nauki: sb. st. – Vy'p. 16. – М.: Izd-vo MADI-NIIGI, 2001. – 152 s.
6. Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. – Т. I. – М.: Politizdat, 1964. – 633 s.
7. Kabakov P. Ocherki istorii rossijskogo proletariata / P. Kabakov, R. Erman, N. Kuznecov, A. Ushakov. – М.: Soce'kgiz, 1963. – 389 s.
8. Kir'yanov Yu.I. Perexod k massovoj politicheskoy bor'be. Rabochij klass nakanune pervoj rossijskoj revolyucii / Yu.I. Kir'yanov. – М.: Nauka, 1987. – 357 s.

9. *Kratkaya istoriya rabocheho dvizheniya v Rossii (1861–1917 gody')*. – M.: Politizdat, 1962. – 687 s.
10. *Niken N. Moskovskij universitet v zhizni professorskoj intelligencii Moskvyy' vtoroj poloviny' XIX – nachala XX vv. (na osnove dokumentov lichnogo proisxozhdeniya) / N. Niken // Problemy' otechestvennoj istorii: sb. st. – Vy'p. 2. – M.: MGPU, 2003. – 116 s.*
11. *Polikarpova M.A. Izdatel'skaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' I.D. Sy'tina v konce XIX – nachale XX vv. / M.A. Polikarpova // Voprosy' otechestvennoj istorii: Mezhvuzovskij sbornik rabot molody'x ucheny'x. – M.: Al'fa, 2002. – 151 s.*
12. *Polikarpova M.A. Narodny'e teatry' v zhizni moskovskix rabochix v konce XIX – nachale XX vv. / M.A. Polikarpova // Voprosy' otechestvennoj istorii: mezhvuzovskij sbornik rabot molody'x ucheny'x. – M.: Al'fa, 2003. – 169 s.*
13. *Politicheskie partii Rossii. Konec XIX – pervaya tret' XX veka: e'nciklopediya. – M.: ROSSPEN, 1996. – 800 s.*
14. *Problemy' gegemonii proletariata v demokraticheskoj revolyucii. – M.: Politizdat, 1975. – 300 s.*
15. *Rabochee dvizhenie v Rossii. 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. I: 1895 god. – M.: IRI RAN, 1992. – 174 s.*
16. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. II: 1895 god. – M.; SPb.: IRI RAN, 1993. – 246 s.*
17. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1897 g. Xronika. – Vy'p. III: 1897 god. – M.; SPb.: IRI RAN, 1995. – 240 s.*
18. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. IV: 1898 god. – M.; SPb.: IRI RAN, 1997. – 351 s.*
19. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. V: 1899 god. – M., 1998. – 390 s.*
20. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. VI: 1900 god. – M.: IRI RAN, 1999. – 411s.*
21. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. VII: 1901 god. – SPb.: IRI RAN, 2000. – 601 s.*
22. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. VIII: 1902 god. – Ch. II. – M.: IRI RAN, 2002. – 834 s.*
23. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. IX: 1903 god. – Ch. IV. – M.: IRI RAN, 2005. – 1304 s.*
24. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. X: 1904 god. – Ch. II. – M.: IRI RAN, 2008. – 716 s.*
25. *Rabochee dvizhenie v Rossii 1895 – fevral' 1917 g. Xronika. – Vy'p. X: 1904 god. – Ch. III. – M.: IRI RAN, 2008. – 810 s.*
26. *Rabochij klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v. – M.: Nauka, 1983. – 310 s.*
27. *Trofimova Yu.N. Mecenatskaya deyatel'nost' M.K. Morozovoj / Yu.N. Trofimova // Nekotory'e problemy' otechestvennoj i zarubezhnoj istorii: sbornik nauchny'x rabot aspirantov i soiskatelej. – M.: Al'fa, 1995. – 162 s.*
28. *Ushakov A.V. Intelligenciya i rabochie Moskvyy' v konce XIX – nachale XX vv. / A.V. Ushakov // Leonid Mixajlovich Ivanov. Lichnost' i nauchnoe nasledie istorika: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya. – M.: ROSSPEN, 2009. – 271 s.*

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих Царицына (июль 1914 г. – февраль 1917 г.)

Рабочие Царицына и Царицынского уезда Саратовской губернии принимали активное участие в стачечной борьбе с царизмом и буржуазией в годы Первой мировой войны. Их борьба носила острый наступательный характер, борьба за выживание рабочих в экстремальных условиях мировой войны. Однако, надо отметить, что до настоящего времени всестороннего изучения и обобщения опыта стачечного движения в Царицынском уезде периода той войны еще нет. Исследователи анализировали революционную борьбу отдельных отрядов рабочих Саратовской губернии, рассматривали отдельные стачки рабочих Царицына, Камышина и Бекетовки, но всестороннего их анализа не проводилось [1; 2; 3]. Следовательно, актуальность изучения истории стачечного движения в данном регионе не вызывает сомнений.

Накануне Первой мировой войны в Царицыне и уезде был ряд крупных промышленных предприятий. Здесь находились металлургический завод «Урал-Волга» с 4 тыс. рабочих, нефтеперегонный завод Нобеля, металлообрабатывающие заводы Серебряковых, Грабилина, «Гардиен и Валлос», 46 лесопильных заводов, три железнодорожных мастерских и депо, горчично-маслобойные заводы, две паровые мельницы, три кондитерских фабрики и много других предприятий. Особенностью царицынского региона было то, что здесь рядом с крупными промышленными предприятиями было много мелких и мельчайших заведений, где работали по несколько десятков рабочих. В 1914 г. в Царицыне работали до 40 тыс. рабочих [6: с. 77; 9: с. 17]. Естественно, такое соотношение рабочих отражалось на размахе стачечной борьбы.

Положение царицынских рабочих было тяжелое. Почти на всех фабриках и заводах, была низкая заработная плата, длинный рабочий день, вводились сверхурочные рабочие часы. Стачечной борьбой рабочие стремились добиться снижения рабочего времени, повышения заработной платы, улучшения условий труда и своего материального положения [1: с. 376–377; 4: с. 91–93]. Не случайно, поэтому, царицынские рабочие проявили высокую активность в стачечной борьбе.

Начало Первой мировой войны вызвало большой протест народных масс. 22 июля произошло кровавое столкновение в Царицыне между женами и родственниками, призываемых в армию рабочих новобранцев, потребовавших выдать пособие, и конвойной командой. Последние открыли огонь по безоружной толпе. В результате были 19 человек убиты и 25 ранены. Антивоенное

выступление произошло в Камышине [2: с. 109; 10: с. 17]; (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 370. Л. 4, 6).

Как и во всей России в начале Первой мировой войны стачечное движение спало. Сказалась усталость революционного пролетариата, участвовавшего в революционной стачечной борьбе весной и летом 1914 г.; массовые репрессии царизма, использовавшего начало войны как средство для объявления промышленных центров на положении чрезвычайной охраны. Не последнее место занял и шовинистический угар, охвативший значительные слои населения. И все же стачечная борьба рабочих России не прекратилась. С 11 по 17 августа была забастовка 400 рабочих на Лесопильном заводе Максимовского лесопромышленного и торгового акционерного общества, расположенном на железнодорожной станции Ельшанка, Царицынского уезда Саратовской губернии. Забастовщики потребовали увеличить зарплату с 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. в день. Администрация отказала рабочим, закрыла завод и снизила заработную плату до 1 руб. 15 коп. в день [5: с. 21]; (ГАСО. Ф.20. Оп. 1. Д. 1133. Л. 68-71, 74 об.-75). С 16 по 20 сентября 1914 г. бастовали рабочие лесопильного завода Бауэра в Сарепте Царицынского уезда. Они потребовали увеличить зарплату с 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 85 коп. в день. Владелец предприятия удовлетворил требования забастовщиков (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 59).

В октябре 1914 г. в Саратовской губернии стачек не было. 20 октября губернатор писал в Департамент полиции, что наблюдаемое спокойствие «нельзя считать прочно утвердившимся», что патриотические настроения довольно скоро улягутся и на их место снова вернется прежнее настроение, «способное при первом удобном случае перейти в открытые выступления», что подпольные организации уже предприняли попытку возобновить революционную деятельность (ГАРФ. Ф 102. ДП 4Д. 1914. Д. 108, ч. 62. Л. 16).

Зимой и весной 1915 г. особенно остро встал вопрос с продуктами питания. Сообщая об этом в Департамент полиции, саратовский губернатор писал, что в марте злободневным повсеместно вопросом, привлекавшим к себе внимание и волновавшим общественное мнение, «был вопрос о борьбе с возрастающей дороговизной предметов первой необходимости» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1915. Д. 108, ч. 62. Л. 3, 3 об.). Сложившаяся продовольственная ситуация заставляла рабочих защищать свои интересы стачечной борьбой. Так, В середине марта забастовали 15 рабочих, грузившие в вагоны лес на заводе Лапшина в Царицынском уезде. Они потребовали улучшить их материальное положение, но подрядчик отказал им и уволил их, заменив другими (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9374. Л. 25).

13–14 апреля бастовали 300 человек на территории Плугаревского казенного питомника около села Липовки Царицынского уезда. Рабочие запротестовали против уменьшения заработной платы с 50 коп. до 35 коп. в день. Однако администрация отказала рабочим и оставила новую оплату в размере

35 коп. Работы возобновились на новых условиях (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 36-36 об.).

13 апреля вечером забастовали 32 рабочих немцев-колонистов, высланных из Прибалтийского края, на лесопильном заводе Торгового дома братьев Бауэр в колонии Сарепта Царицынского уезда. Стачечники потребовали увеличить зарплату с 80 коп. до 1 руб. 25 коп. в день. После переговоров рабочие стали получать по 1 руб. в день. С 14 апреля работы на заводе возобновились (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 27).

13 апреля забастовали грузчики лесопильных заводов при железнодорожной станции Бекетовке Царицынского уезда: в стачке участвовали рабочие заводов Батаева, Шлыкова, Вараксина, князя Голицына, Бондарчука, Башенина, Долбежева, Левашова, Эпштейна, 200 рабочих лесопильного завода Кистова. Все забастовавшие рабочие предъявили требования об увеличении зарплаты на 20%. Стачка продолжалась 6 дней. Забастовавшие в этот день 146 рабочих лесопильного завода С. И. Пулика протестовали против вычетов денег из зарплаты в больничную кассу. Все стачки окончились победой рабочих [5: с. 58; 7: с. 122–123; 8: с. 80–82]; (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 26).

В этот же день 98 женщин и девиц лесопильных заводов Максимовского лесопромышленного и торгового акционерного общества, работающих по укладке и погрузке леса в вагоны, потребовали увеличения заработной платы за погрузку в вагоны за 1 пуд на 1 коп. и за укладку леса на 13 руб. за каждые 1 000 вершков. Администрация отказала работницам. 14 апреля началась забастовка, которая продолжалась до 30 апреля. 1 мая работы возобновились (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 23, 24, 58).

В течение мая экономические стачки рабочих нарастали. Так, с 4 мая бастовали 34 рабочих на лесопильном заводе Шлыкова в Царицыне. Забастовщики отказались платить из своей зарплаты 1,5% в больничную кассу. Стачка затянулась до 8 мая (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 64).

В конце мая – начале июня 1915 г. провели ряд забастовок рабочие лесопильных заводов в Царицынском уезде Самарской губернии. 26 и 27 мая бастовали 80 человек завода торгово-промышленного товарищества «Лапшин и кампания» в Царицыне. Рабочие потребовали увеличить поденную плату с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день. Утром 28 мая требования рабочих были удовлетворены и работы возобновились (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 77, 78); [5: с. 65]. С 27 мая по 6 июня 1915 г. бастовали рабочие лесопильных заводов расположенных в Бекетовке Царицынского уезда С.Н. Кистова, Н.В. Бараксина и 24 рабочих В.П. Бондарчука. Рабочие всех заводов потребовали увеличить зарплату с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 22; Д. 1211. Л. 7). С 29 мая до 2 июня бастовали 46 рабочих лесопильного завода А.А. Пишкова в Царицыне. Рабочие предъявили тоже требование об увеличении зарплаты с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день. Владелец удовлетворил просьбу забастовщиков и с 2 июня работы возоб-

новились (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1205. Л. 72, 73). 1 июня началась забастовка рабочих на трех лесопильных заводах Максимовского акционерного общества. В стачке участвовали 451 человек. Рабочие предъявили требование об увеличении зарплаты с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день. Рабочим было отказано. Стачка затянулась на целый месяц. После прибавки к заработку поденным рабочим по 25 коп. и месячным 10% к зарплате рабочие приступили к работам 2 июля (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 91; ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1193. Л. 22). 2 июня 1915 г. забастовали 90 рабочих лесопильного завода Дедушенко в Царицыне. Рабочие добивались увеличения зарплаты с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день. В этот же день забастовали 66 рабочих завода Лапшина в Царицыне, предъявив те же требования, что и рабочие остальных лесопильных заводов (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 98).

Сообщая старшему фабричному инспектору Саратовской губернии о стачечной борьбе рабочих лесопильных заводов в конце мая – начале июня 1915 г., фабричный инспектор Царицынского уезда писал, что стачки на лесопильных заводах происходили потому, что различные группы рабочих (поденные, станковые, укладчики и др.), работающие в «разных условиях, предъявляют свои требования в разное время, забастовки повторяются на одном и том же заводе по нескольку раз, приобретая таким образом хронический характер» (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1211. Л. 9).

24 июня 1915 г. в городе Царицыне на горчичном заводе торгового дома В. Воронина забастовали 29 женщин, потребовав увеличить зарплату с 45 до 50 коп. в день. Дирекция отказала женщинам. После обеда забастовщицы приступили к работам (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 104).

7 июля около 9 часов утра 72 рабочих дневной смены среднесортного цеха Французского металлургического завода «Урал-Волга» в Царицыне забастовали, потребовав увеличить зарплату. Дирекция рабочим отказала, 22 человека уволила. Остальные 9 июля на старых условиях приступили к работе (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 106, 112, 114–114 об.).

14 июля 1915 г. 27 рабочих по укладке бревен на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества при хуторе Ново-Никольском забастовали, потребовав увеличить зарплату. 15 июля к ним присоединились 30 человек второй смены, предъявив те же требования и 38 рабочих по выгрузке бревен из реки Волги. Последние предъявили требование об увеличении платы на 1 коп. за каждое выгруженное бревно. Владелец отказал забастовщикам (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 116, 117).

30 июля в Царицыне на лесопильном заводе Кистова забастовали 20 рабочих, потребовав увеличить плату на 2 коп. с бревна. Владелец фабрики отказал всем бастующим рабочим. В этот же день забастовали 23 рабочих на лесопильном заводе Сыроватского. Рабочие добивались увеличения платы с 22 до 24 коп. за каждое распиленное бревно. Хозяин всех их уволил (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 4; ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 119).

20 августа на лесопильном заводе Максимовского лесопромышленного акционерного общества при хуторе Ново-Никольском Царицынского уезда 40 рабочих артели по укладке бревен в привалы обратились к администрации с просьбой отдать им работы по подкатке бревен к заводу. Артели было отказано. После чего рабочие забастовали. Администрация уволила забастовщиков и на их место поставила других рабочих (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 122).

Положение в Царицынском уезде в сентябре 1915 г. стало принимать сложное социальное положение. Летние стачки рабочих носили острый наступательный характер. Рабочие боролись за увеличение зарплаты, улучшение своего материального положения и условий труда, за политическую свободу. Они реагировали на социально-экономическую и политическую ситуацию в стране. По этому поводу 9 сентября 1915 г. царицынский уездный исправник доносил Саратовскому губернатору, что «настроение населения уезда, и в частности Французского металлургического и орудийного завода в связи с последними событиями на театре военных действий, роспуском Государственной думы и событиями в Москве — нервное и раздраженное. Такое настроение усугубляется еще возрастающей дороговизной всех предметов первой необходимости». Исправник писал, что царицынский купец Лапшин стал продавать из своего магазина в Царицыне по пять фунтов сахара на семью, а мучной торговец Гергардт и товарищество Паровой мельницы «объявили пекарям Французского завода, что у них нет муки для заводов».

Все торговцы уезда «находятся в прямой и непосредственной зависимости от крупных торговцев города Царицына, которые без всякой видимой причины непомерно повышают цены на все продукты и предметы первой необходимости». Заработок рабочих остался почти без изменений, «почему жизнь рабочего класса с каждым днем делается трудней» (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 18-18 об.).

В середине сентября началась одна из крупнейших забастовок рабочих лесопильных заводов Царицына и Царицынского уезда. С 16 по 21 сентября бастовали рабочие лесопильных заводов при станции Бекетовка. В стачке участвовали 56 человек завода Н.В. Вараксина, 70 человек завода Ц.Ц. Эпштейна, 12 человек завода Башенина, 30 человек завода Голицына, рабочие завода Долбежкина. К ним примкнули рабочие завода Бауэра. Забастовавшие рабочие заводов в Бекетовке потребовали увеличить зарплату с 2 до 3 руб. в день, на заводе Бауэра с 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 85 коп. Бауэр сразу удовлетворил требования рабочих, и они приступили к работам. На остальных заводах рабочим было отказано. Работы на них начались 21 сентября.

В Бекетовке в сентябре 1915 г. 1,5 дня бастовали 47 рабочих лесопильного завода «П.И. Пименов и Долбежкин и сын», добивавшихся увеличения зарплаты с 2 до 3 руб. в день, 110 рабочих завода С.И. Пулик, 65 рабочих завода В.Ф. Сероватского. В это же время 4 дня бастовали 155 рабочих лесопильного завода С.И. Клестова и 5 дней 38 рабочих лесопильного завода В.В. Левашева,

предъявивших те же требования (ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 57, 72; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 3, 4, 9, 13, 18, 19, 20, 21). С 17 сентября в течение 5 дней бастовали 26 человек лесопильного завода Ф. С. Дедушенко в селе Ельшанка Царицынского уезда. Забастовщики потребовали увеличить заработную плату с 1 руб. 75 коп. до 2 руб. в день. Администрация отдельным рабочим зарплату увеличила, а части отказала (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1). Всего по сведениям фабричного инспектора с 16 и 17 сентября в стачке участвовали до 1 тыс. рабочих (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 144).

В эти же дни началась забастовка рабочих лесопильных заводов в городе Царицыне. Так, 17 сентября забастовали 120 поденных рабочих на лесопильном заводе торгового дома «Лапшин и компания», предъявивших требование о повышении заработка с 2 до 3 руб. в день. Администрация отказала поденщикам, уволила их и на их место наняла других рабочих. На заводе во время забастовки работала только одна лесопильная рама. 22 сентября работы возобновились на старых условиях (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 57, 58).

19 сентября 36 поденных рабочих предъявили владельцу лесопильного завода И.М. Богатенко требование об увеличении зарплаты на 50 коп. в день. Рабочим было отказано. 21 сентября они забастовали. В этот и в последующие дни с аналогичными требованиями выступили 26 рабочих лесопильного завода Карпова, 20 рабочих завода Белоусова, 32 рабочих завода «Любины и Белкин», 46 рабочих завода Люпшина. Из солидарности с рабочими, бастующих лесопильных заводов, не предъявив никаких требований, забастовали 40 человек на заводе Якова, 51 человек на заводе № 1 и 27 рабочих на заводе № 2, принадлежащих А.И. Мыльцыну, 40 человек на заводе Семиколенова и с 9 утра 22 сентября забастовали из солидарности 10 рабочих завода Костюкова. Всего по сведениям фабричной инспекции в городе Царицыне бастовали 269 человек 9 лесопильных заводов (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 58, 65; Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 211, 213, 214, 215, 216, 217; ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 125, 126–128 об.). Из солидарности с забастовавшими рабочими царицынских заводов бастовали в течение 5 дней 18 человек на лесопильном заводе торгового дома «В. Калашников и В. Першинов» (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 12).

Во время всеобщей забастовки рабочих лесопильных заводов 18 рабочих, подростков 14–16 лет, Товарищества царицынских лесопромышленников по вывозке бревен от городской лесотаски до заводов потребовали увеличить оплату труда с 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 50 коп. в день или до 45 руб. в месяц. Им было отказано. 21 сентября подростки забастовали (ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 63).

В конце сентября бастовали рабочие трех лесопильных заводов в селе Дубовке Царицынского уезда. Еще 2 сентября 1915 г. рабочие лесопильных заводов торгового дома Н.П. Старцева и компании наследников И.И. Шемарина предъявили требование об увеличении зарплаты с 1 руб. 50 коп. до 2 руб. в день. Но администрация им отказала и рабочие продолжали работать на ста-

рых условиях (ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 26). Узнав о забастовке рабочих лесопильных заводов в Бекетовке и Царицыне, 4 дня бастовали в Дубовке 30 рабочих на заводе И.И. Шемарина, 5 дней 31 человек на заводе Н.П. Старцева и 2 дня 42 рабочих на заводе А.М. Грязева. Рабочие потребовали увеличить зарплату, но владельцы заводов отказали им. Работы возобновились на старых условиях (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1192. Л. 5, 6, 7). Таким образом, в Царицыне и в Царицынском уезде в сентябре 1915 года забастовками были охвачены 28 лесопильных заводов, в них приняли участие 1234 человек.

В октябре – декабре 1915 г. накал стачечной борьбы начал спадать. Сказались напряженная стачечная борьба рабочих летом 1915 г. сентябрьские стачки царицынских рабочих. Отвлекла внимание пролетарских масс и выборная кампания в рабочие группы Военно-промышленных комитетов, массовые аресты организаторов стачечной борьбы. В определенной степени была повышена и заработная плата рабочих.

1 октября 1915 г. забастовали 39 рабочих по выгрузке леса из реки Волги на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества при хуторе Ново-Никольском. Забастовщики потребовали увеличить плату за каждое выгруженное бревно с 5 до 6 коп. и за выгрузку подтоварника с 2 до 6 коп. Дирекция отказалась удовлетворить требования рабочих (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 137; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9638. Л. 89).

27 октября забастовали 105 вагоновожатых и кондукторов царицынского трамвая. Они потребовали увеличить зарплату до 45 руб. в месяц. Служащим было отказано. После двухчасовой забастовки администрация приняла решение удовлетворить требования, пообещав с 1 октября платить на 5 рублей больше в месяц. Трамвайное движение возобновилось (ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 402. Л. 137, 141).

В 1916 году стачечную борьбу начали рабочие лесопильных заводов в Бекетовке. 4 января забастовали 86 рабочих завода П.А. Башенина. Стачка продолжалась 12 дней. Забастовщики добивались увеличения зарплаты на 50%. Администрация в зависимости от выполняемой работы согласилась повысить зарплату на 20–50%. В этот же день забастовали 35 рабочих лесопильного завода В.В. Левашова. Они предъявили те же требования, что и рабочие завода П.А. Башенина. Стачка продолжалась 11 дней. Зарплата была повышена на 20%. 11 дней бастовали 86 рабочих завода «П.И. Пименов и Долбежкин и сын». И на этом заводе требования были как и на других заводах. Владельцы увеличили зарплату на 20% всем рабочим (РГИА Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 2 об.-3). С 5 по 11 января бастовали 78 рабочих на лесопильном заводе торгового дома В.Ф. Сыроватского. Рабочие потребовали увеличить зарплату до 2 руб. 50 коп. в день. После переговоров зарплата была увеличена до 2 руб. 40 коп. Рабочие согласились и приступили к работе на этих условиях (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 7 об.-8).

7 января забастовали еще три лесопильных завода в Бекетовке. 72 рабочих завода Н.В. Вараксина бастовали 10 дней, 65 рабочих завода Ц.Ц. Эпштейна бастовали 10 дней и 75 рабочих завода Лолоцкого лесопромышленного товарищества 11 дней. На всех заводах были одинаковые требования, увеличить зарплату от 20 до 50%. Требования забастовщиков были удовлетворены (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4).

18–19 января бастовали 30 рабочих лесопильного завода торгового дома «Любины и Белкин» в Царицыне. Было предъявлено требование о повышении зарплаты. Администрация отказала рабочим. 19 и 20 января бастовали 28 рабочих лесопильного завода С.П. Богатенкова в Царицыне, потребовавших увеличить заработок на 25%. И здесь рабочим отказали (РГИА Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4).

В последние дни января снова начались забастовки рабочих лесопильных заводов в Царицыне. С 20 января в течение 6 дней бастовали 53 человека на заводе торгового дома «Наследники А.Н. Мыльцина» и 7 дней 36 рабочих завода торгового дома И. Карпова. Рабочие предъявили требования о повышении зарплаты с 2 руб. до 2 руб. 50 коп. в день. 22 января бастовали в течение четверти дня 24 рабочих завода Н.Р. Пишковой, предъявивших те же требования. Владелец завода увеличила заработок рабочим до 2 руб. 25 коп в день. 25–26 января бастовали 32 рабочих завода «Любины и Белкин» и в эти же дни снова забастовали 24 рабочих завода Н.Р. Пишковой. Владельцы всех заводов увеличили заработную плату до 2 руб. 40 коп. в день (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 3 об.-4, 4 об.-5).

С 23 по 27 февраля бастовали 35 рабочих лесопильного завода Е.Д. Алабушева и А. А. Горбунова в Камышине Царицынского уезда. Рабочие требовали увеличить зарплату. Дирекция частично удовлетворила их просьбу (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 10 об.-11).

2 марта 4 часа бастовали 1469 рабочих завода Донецко-Юрьевского металлургического общества в Царицыне, потребовавших увеличить зарплату на 50%. Дирекция завода пообещала ее увеличить (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 14).

13 апреля 1916 г. началась забастовка 109 рабочих на лесопильном заводе «Ц.Ц. Эпштейн и сыновья» и 52 рабочих на лесопильном заводе «А. Башенин и сыновья» в Бекетовке. Забастовщики настаивали на увеличении зарплаты с 2 руб. 40 коп. до 3 руб. в день. Только через 5 дней владельцы заводов удовлетворили предъявленное им требование. Забастовщики приступили к работе (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 20).

18 апреля полдня бастовали 44 рабочих лесопильного завода товарищества «Лапшин и компания» в Бекетовке. Рабочие потребовали увеличить зарплату с 2 руб. до 3 руб. в день. И здесь владелец удовлетворил просьбу забастовщиков (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17).

18 апреля начались стачки на ряде лесопильных заводов в Царицыне. Полдня бастовали 27 рабочих завода товарищества «Лапшин и компания», целый

день бастовали 70 рабочих завода «Наследники А.Н. Мыльцина», 1 и четверть дня (18–19 апреля) бастовали 36 человек на заводе торгового дома «И. Карпов и сыновья», 1,5 дня бастовали 65 рабочих завода С.Л. Танхиловича и 2 дня (18 и 19 апреля) 30 человек завода «Любины и Белкин». Рабочие всех заводов предъявили требование об увеличении зарплаты с 2 руб. 40 коп. до 3 руб. в день. Владельцы всех заводов повысили зарплату до 3 рублей (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 16 об.-17, 17 об.-18).

Сообщая о забастовках рабочих лесопильных заводов Старший фабричный инспектор писал саратовскому губернатору: «В последнее время произошло ряд забастовок на лесопильных заводах Царицынского района, где бастовали рабочие, участвовавшие в распиловке леса. На всех заводах требования об увеличении зарплаты были удовлетворены и после 20 апреля стачки прекратились» (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 23).

28 апреля Старшему фабричному инспектору Саратовской губернии сообщили о забастовке укладчиков распиленного леса в штабели и в вагоны на лесопильном заводе Башенина в Бекетовке. Забастовщики потребовали увеличить зарплату на 50% и больше. Им было отказано. Ввиду забастовки укладчиков прекратилась погрузка теса, что могло привести к переполнению всей свободной площади около завода распиленными материалами Это представляло большую опасность, так как могло повлечь остановку лесопильного завода, рабочие которого заявили, что через две недели уволятся. «Считаю, — пишет фабричный инспектор Царицынского уезда, — что забастовка грузчиков может распространиться и на другие заводы» (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 23).

13 мая началась забастовка 565 рабочих на лесопильном заводе Максимовского акционерного общества в деревне Ново-Никольское. Рабочие добились увеличения зарплаты. Через 5 дней, они вынуждены были приступить к работам на старых условиях (ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 23).

24 мая в 8 часов утра забастовали 1 305 рабочих (из 3234) Царицынского завода Донецко-Юрьевсклого металлургического общества. В 11 часов рабочие предъявили в письменном виде требования, главным из которых было повышение заработной платы. После переговоров администрация обещала дать ответ через две недели, Забастовщики согласились подождать. Стачка продолжалась полдня. После обеда работы на заводе возобновились (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 17 об.-18; ГАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1296. Л. 34).

1 июня 1916 г. бастовали рабочие трех кожевенных заводов в Царицыне. На заводе Д. М. Кузнецова в стачке участвовали 30 человек, на заводе П.Н. Гуляева 12 человек и на заводе Д.Г. Коротина 10 человек. Забастовавшие рабочие на всех заводах добивались увеличения заработной платы (ГАРФ. Ф. 102. 1916. Д. 101. Л. 66).

9–10 июня снова забастовали 3 076 рабочих Царицынского завода Донецко-Юрьевского металлургического общества. Рабочие напомнили, что еще

24 мая дирекция завода обещала рассмотреть требование рабочих о повышении заработной платы. После переговоров зарплата была частично повышена. Рабочие с 11 июня приступили к работе (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4Д. 1916. Д. 101. Л. 66 об.; РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 43. Л. 54; РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 26 об.-27); [5: с. 173].

Таким образом, весной и в начале лета 1916 г. царицынские рабочие проявили активное участие в стачечной борьбе, неоднократно добиваясь улучшения своего материального положения в условиях мировой войны. Новый предреволюционный этап стачечной борьбы начался для них в октябре 1916 г. и завершился победой Февральской буржуазно-демократической революции в России.

С 1 по 4 октября бастовали 36 рабочих лесопильного завода торгового дома «А. Башенин сыновья» в Бекетовке. Рабочие добивались увеличения платы с 3 до 5 руб. в день. Забастовщикам было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 38 об.-39); [5: с. 193].

Во второй половине октября, в начале ноября в Бекетовке и Царицыне было 11 забастовок на лесопильных заводах на экономической почве. С 20 по 29 октября в Бекетовке бастовали 40 рабочих лесопильного завода Лолочского акционерного общества и по 1 ноября 66 рабочих лесопильного завода торгового дома «Ц.Ц. Эпштейн и сыновья». С 24 по 30 ноября бастовали 72 рабочих лесопильного завода «А. Башенин и сыновья», 16 рабочих лесопильного завода В.П. Бондарчука и 18 рабочих лесопильного завода торгового дома братьев Бабаевых. Рабочие на всех заводах предъявили требования увеличить зарплату с 3 до 4 рублей в день. Владельцы заводе Лолочского акционерного общества увеличили заплату на 50 коп. в день, на заводе А. Башенина увеличили плату на 15–20%, а на остальных заводах требования рабочих не были удовлетворены (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 41 об.-42, 45 об.-46).

В Царицыне 31 октября три четверти дня бастовали 10 рабочих лесопильного завода В.И. Якимова, потребовавших увеличить зарплату. Владелец отказал рабочим. В этот же день бастовали 64 рабочих лесопильного завода А.М. Мыльцина. Рабочие тоже добивались увеличения зарплаты, но и им было отказано. 31 октября и 1 ноября бастовали 24 рабочих лесопильного завода И.М. Богатенкова. Здесь тоже забастовщики предъявили требования о повышении платы, но и им было отказано. 1–2 ноября была стачка 16 рабочих на лесопильном заводе торгового дома «Любины и Белкин» и с 1 по 5 ноября бастовали 26 рабочих лесопильного завода С.Л. Танрилевича. Рабочие потребовали увеличить зарплату, но им было отказано (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 41 об.-42). 9 и 10 ноября бастовали 72 рабочих лесопильного завода Ф. С. Дедушенко в селе Ельшанке. Рабочие предъявили требование об увеличении заработной платы, но владелец завода им отказал (РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 182. Л. 42 об.-43).

В конце декабря 1916 г. в Царицыне была экономическая стачка рабочих трамвайного парка. Рабочие собрались во дворе, выработали требования

об увеличении зарплаты к администрации городского самоуправления. Собрание было окружено полицией. После переговоров городской голова повысил зарплату на 5 рублей в месяц (ГАРФ. Ф 6935. Оп. 5. Д. 34. Л. 1).

В Царицыне 25 января 1917 г. в 9 часов 30 минут утра забастовали 136 человек котельного цеха царицынского завода Донецко-Юрьевского металлургического общества. Рабочие избрали комиссию уполномоченных в количестве 6 человек, которая разработала требования к администрации завода, главными из которых были повышение заработной платы на 50 коп. всем рабочим цеха и выставить на видном месте расценки на работы. После переговоров в 10 утра забастовщики приступили к работе, заявив, что будут ждать ответ до 28 января. Работающие в цехе 104 военнопленных в стачке не участвовали (ГАВО. Ф.6. Оп. 1. Д. 462. Л. 1; ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10110. Л. 11 об.).

Подведем некоторые итоги. Во время Первой мировой войны царицынские рабочие принимали активное участие в стачечной борьбе. Они боролись с виновниками народных страданий, с беспощадной эксплуатацией трудящихся масс. Всего в Царицынском уезде в годы войны было 106 стачек, в которых приняло участие более 7864 рабочих. Основную массу забастовщиков представляли рабочие лесопильных заводов. Участвовали в забастовках рабочие металлургического завода и заводов, выпускающих военную продукцию. Они, как и рабочие всей России, приближали победу буржуазно-демократической революции.

Литература

1. Балабанов М. От 1905 к 1917: Массовое рабочее движение / М. Балабанов. – М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. – 456 с.
2. Волгоградская областная организация КПСС в цифрах 1917–1983. – 2-е изд., доп. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1983. – 160 с.
3. Мантуров С. Из истории революционного прошлого Камышина (1905–1920) / С. Мантуров. – Волгоград: Волгоградское книжное изд-во, 1963. – 148 с.
4. Очерки истории Волгоградской организации КПСС. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1977. – 704 с.
5. Рабочее движение в годы войны. Центрархив. – М.: Вопросы труда, 1925. – 364 с.
6. Российская империя: словарь-справочник. – СПб.: Изд-во им. А.С. Суворина, 1992. – 96 с.
7. Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 г. – январь 1917 г. – М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1986. – С. 3–144.
8. Стачки в России в 1914 г. – феврале 1917 г. Хроника / Сост.: Г.Г. Касаров. – Ч. 1. – М.: Изд-во Института истории СССР АН СССР, 1989. – 298 с.
9. Томарев В.И. Большевики Поволжья во главе борьбы пролетариата против царизма / В.И. Томарев. – Волгоград: Нижнее-Волжское книжное изд-во, 1977. – 344 с.
10. Томарев В.И. Пролетариат Царицына в борьбе против самодержавия / В.И. Томарев. – Волгоград: Волгоградское книжное изд-во, 1967. – 20 с.

Literatura

1. *Balabanov M.* Ot 1905 k 1917: Massovoe rabochee dvizhenie / M. Balabanov. – M.; L.: Gosudarstvennoe izd-tvo, 1927. – 456 s.
2. Volgogradskaya oblastnaya organizaciya KPSS v cifrax 1917–1983. – 2-e izd., dop. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1983. – 160 s.
3. *Manturov S.* Iz istorii revolyucionnogo proshlogo Kamy'shina (1905–1920) / S. Manturov. – Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izd-vo, 1963. – 148 s.
4. Ocherki istorii Volgogradskoj organizacii KPSS. – Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1977. – 704 s.
5. Rabochee dvizhenie v gody' vojny'. Centrарxiv. – M.: Voprosy' truda, 1925. – 364 s.
6. Rossijskaya imperiya: slovar'-spravochnik. – SPb.: Izd-vo im. A.S. Suvorina, 1992. – 96 s.
7. Stachechnoe dvizhenie rabochix Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny'. Materialy' oficial'noj statistiki za avgust 1914 g. – yanvar' 1917 g. – M.: Izd-vo Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1986. – S. 3–144.
8. Stachki v Rossii v 1914 g. – fevrale 1917 g. Xronika / Sost.: G.G. Kasarov. – Ch. 1. – M.: Izd-vo Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1989. – 298 s.
9. *Tomarev V.I.* Bol'sheviki Povolzh'ya vo glave bor'by' proletariata protiv carizma / V.I. Tomarev. – Volgograd: Nizhnee-Volzhskoe knizhnoe izd-vo, 1977. – 344 s.
10. *Tomarev V.I.* Proletariat Caricy'na v bor'be protiv samodержaviya / V.I. Tomarev. – Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izd-vo, 1967. – 20 s.

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Идеологическое обеспечение НЭПа

Самой серьезной проблемой большевиков на момент окончания гражданской войны был надвигающийся внутренний кризис. В начале 1921 г. оба участника «ленинской смычки» — революционного союза рабочих и крестьян — были готовы предать революцию. В марте петроградские забастовки переросли в Кронштадтское восстание. Крестьяне тоже «вышли из под контроля». Восстания охватили значительные территории. 1921 год был ознаменован вооружённым подавлением большевиками массового сопротивления власти.

Недовольство рабочих и крестьян, переросшее в активное сопротивление правящему режиму, лишило большевиков иллюзий в отношении «военного коммунизма» как реального и скорого пути к социализму. Советский режим был на грани крушения, так как большевики не могли продолжать взятый ими курс без реальной материальной и социальной основы страны. Российская революция вынуждена была отступить от своей «якобинской фазы», сохранив власть в руках большевиков, превратив их в невольных реформаторов.

На X съезде большевиков в марте 1921 г. принимается новая экономическая политика. Именно это спасло Россию от неминуемой экономической катастрофы. Нэп мог стать длительным этапом развития в рамках смешанной, многоукладной экономики. Как стратегия, нэп предусматривал и частичную денационализацию, и далеко идущую программу дебиюрократизации управления, свертывания чрезвычайных органов, укрепления законности и правопорядка. Нэп открывал перспективу достижения среднемирового уровня производительности труда и постепенного включения России в качестве равноправного партнера в мировое хозяйство. К этому времени уже отпала необходимость в авторитарно-бюрократическом обеспечении перехода страны от войны к миру. В повестку дня вставляли демократические преобразования как обязательное условие дальнейших экономических реформ.

Но развитие нэпа пошло по другому сценарию. Толчок такому развитию был дан в 1921 г., когда Ленин на X съезде партии четко заявил, что экономический нэп не повлечет за собой нэп политический. Это привело к тому, что разросшийся в годы революции и гражданской войны партийно-государственный бюрократический слой похоронил под предлогом борьбы с фракционностью зарождавшийся политический плюрализм в РКП (б) — единственно реальный в то время политический инструмент согласования различных социальных интересов. Та же участь постигла, в конце концов, и половинчатые попытки демократических преобразований в общеполитической жизни. Партийно-государственная бюрократия фактически взяла на себя — от имени диктатуры пролетариата — функцию представления интересов всех классов и слоев послереволюционного общества. Партийная дисциплина еще более ужесточилась, а политический контроль над страной — усилился.

Ввиду всех этих обстоятельств можно ли удивляться, что в нэповской России партия никогда не играла в экономические игры по правилам рынка. Ее основными методами руководства были политические директивы или прямое принуждение. Вмешательство со стороны государства в рыночные механизмы на протяжении 1920-х гг. было постоянным и повсеместным. Причины этого были всегда политические — их целью была борьба с якобы враждебными классами общества ради укрепления власти партии, хотя это пагубно влияло на реальное производство и распределение товаров.

Отсюда нестабильная экономическая ситуация в годы нэпа. С 1921 по 1924 гг. российская экономика, прежде чем стабилизировалась и заработала, пережила серьезный дисбаланс промышленных и сельскохозяйственных цен. А именно, в 1922 г. новый рынок был выбит из равновесия дороговизной сельскохозяйственных продуктов и избытком промышленных товаров, в результате чего резко упала государственная прибыль. В следующем, 1923 г. рынок качнуло в другую сторону из-за «кризиса ножниц», когда у крестьян было перепроизводство, а фабрики снизили выпуск продукции, что лишило крестьян прибыли и, следовательно, стимулов к производству на нужды городов. К 1924 г., однако, государственное манипулирование кредитами «закрыло ножницы», заставив цены на промышленные товары опуститься, а цены на сельскохозяйственные продукты подняться, тем самым, стабилизируя ситуацию. В результате экономика страны три года с 1924 по 1926 гг. была относительно стабильной. Это и были годы так называемого «высокого нэпа».

Нестабильность экономики порождала, в свою очередь, неоднозначное отношение к нэпу в обществе. С точки зрения одних, нэп — это «откат назад», «предательство интересов революции». По мнению других, нэп — панацея от всех экономических невзгод и новых потрясений.

Между тем на смену «высокого нэпа» зимой 1927–1928 гг. пришел новый кризис. Государство оказалось не в состоянии справиться с усиливающимися

ся из года в год хлебозаготовительными кризисами. Теперь условия торговли были явно не в пользу деревни: сельскохозяйственные цены упали на фоне дефицита промышленных товаров в результате переориентирования экономики с легкой промышленности на тяжелую. С февраля 1927 г. партия все чаще искусственно завышала цены на промышленные товары для того, чтобы понизить спрос на них у крестьян и тем самым уменьшить потребность в инвестициях, одновременно снижая закупочные цены с целью сократить государственные затраты на продовольствие. Причиной, разумеется, были те политико-идеологические приоритеты, что ставили плановую индустриализацию во главу угла пролетарского режима. В ответ на возникший «товарный голод» крестьяне отказывались продавать по государственным ценам зерно в размере квот, что были установлены для урожая того года. Вместо этого они предпочитали продавать зерно по более высоким ценам нэпманам на параллельном рынке — или же выращивать и продавать государству более дорогое сырье для промышленности.

Этот «снабженческий кризис» столь жестоко ударил по устоям режима потому, что совпал с началом первой пятилетки, план которой был утвержден на XV съезде партии в декабре 1928 г. К лету того года ситуация ухудшилась настолько, что в городах ввели карточную систему. В 1929 г. Россия вынуждена была импортировать зерно. Поэтому с практической точки зрения к 1929 г., по мнению большевиков, нэп «провалился». Снова режим столкнулся с кризисом выживания. Опасность состояла в том, что продолжение политического курса в неизменном виде грозило выбить из-под партии ее экономическую базу. И потому нэп закончился подобно «военному коммунизму» — провалом политики партии, в результате чего возникла проблема — как ей сохранить власть. Надо было либо изменить политику, либо уничтожить рынок и его проявления. Таким образом, кризис конца десятилетия был политическим, и получил он политическое разрешение в форме «великого перелома» 1929 г.

Такую оценку провала нэпа дают многие историки. Вместе с тем в последнее время все больше внимания историков привлекают и другие факторы, способствовавшие кризису и последующему свертыванию нэпа. Речь идет о недовольстве ходом и результатами нэпа, общее неприятие нэповской политики в основных социальных группах российского общества на протяжении 1920-х гг. Отмечается обострение конфликта между проповедующей социалистические цели властью и подавляющим большинством общества, сохранившим многие черты своей традиционной крестьянской ментальности. Питательной почвой для такого обострения были социально-экономические процессы, происходившие тогда в стране. В ряде исследований последних лет показано, что процесс восстановления российской экономики в 1920-х гг. не сопровождался изживанием архаичности, а иногда имел место и прямо противоположный процесс. Пример развития сельского хозяйства свидетельствовал о том, что восстанавливающееся крестьян-

ское хозяйство более органично воспроизводило натуральные, нежели товарно-рыночные формы. Земельные общества, то есть традиционные общины в лице их сельских сходов, даже во второй половине 1920-х гг. играли в деревне гораздо более значительную роль, нежели сельские Советы, часто оказывавшиеся, по сути, зависимой от сельских сходов структурой. Сохранились и традиционные формы крестьянского быта, так что «качественного изменения в повседневной жизни крестьянства в период нэпа не произошло».

Рабочий же класс в промышленности по своему общему социально-культурному уровню и мотивации поведения плохо соответствовал большевистской иллюзии о пролетарии как носителе «передового классового сознания». 1920-е гг. были отмечены для пролетариата «преобладанием традиций, лишь поверхностно затронутых новыми веяниями». Новое большевистское чиновничество стремительно воспроизводило все прежние пороки старой российской бюрократии [5: с. 149–157].

Современные исследования социальных процессов того времени показывают, что для настроения пролетарских и полупролетарских групп было характерно недовольство своим положением, разочарование, усталость. Накопившаяся негативная социальная энергия затуманивала психологию масс. Идея новой «жертвы во имя будущего» незаметно, но неуклонно захватывает все больший плацдарм в картине мира людей нэповской эпохи. Кроме того, более явственные черты стал приобретать моральный кризис общества [4: с. 110]. К моменту начала сталинского «большого скачка» в неоднородной структуре массовой психологии проявлялось не просто нарастающее неприятие нэпа, а готовность поддержать его замену молниеносным рывком в «светлое будущее». Выдвижение и принятие на вооружение в 1925 г. в качестве главного партийного лозунга идеи «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» как нельзя лучше соответствовало именно таким настроениям.

Одной из особенностей и нарастающей тенденцией нэпа было мощное и хорошо организованное идеологическое обеспечение. Оно показало умение большевиков энергично «работать в массах» в критической обстановке.

На разъяснение политики новой власти были брошены все наличные пропагандистские и агитационные силы партии, которые на сотнях и тысячах рабочих собраний и крестьянских сходов, на конференциях красноармейцев и безработных, собраниях и митингах женщин, комсомольцев, членов профсоюзов активно добивались поддержки действий советской власти, одобрения, как ее общего курса, так и мероприятий начавшейся осуществляться новой экономической политики.

И власть преуспела в этой своей работе, обеспечив поддержку значительной части трудящихся или нейтрализацию недовольных. «С окончанием гражданской войны, — свидетельствует бывший меньшевик Вольский, — с переходом к НЭПу эта власть (речь идет о советской власти) стала много сильнее,

чем когда-либо до этого. Никакой другой власти не было и не предвиделось» [2: с. 56].

Прежде всего, большевики полагали, что надо разъяснить рабочим и крестьянам, что от их энтузиазма, самоотверженности, самодеятельности, активности, преданности, организованности и дисциплинированности зависит успех в реализации новой экономической политики. А для этого предстояло показать трудящимся массам сущность и значение новой экономической политики, ее необходимость для победы нового общественного строя.

В.И. Ленин считал, что личное воздействие и выступления на собраниях и митингах руководителей РКП (б) и Советского правительства перед трудящимися «в политике страшно много значит» [3: т. 47. с. 54]. Сам он часто выступал с докладами и речами на митингах трудящихся, на заседаниях МК РКП (б) и на партийных конференциях, на пленумах Моссовета и т.д. Неоднократно он выступал перед московскими рабочими, призывая их вести решительную борьбу с противниками советской власти.

В 1921 г. для проведения политической работы только на предприятия Москвы было направлено свыше 800 человек партийно-советского актива.

«Политическим воспитанием» рабочих занимались несколько организаций, из которых ведущими были агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) и Главный политико-просветительный комитет Народного комиссариата просвещения (Главполитпросвет). Возникшие соответственно в августе и ноябре 1920 г. они стали преемниками ранних политико-пропагандистских структур ЦК компартии и профсоюзов и на протяжении 1920-х гг. не раз подвергались значительной трансформации. На первых порах (1920–1921 гг.) они в какой-то мере даже мешали друг другу. Более четкому размежеванию их функций предшествовала дискуссия в печати, затянувшаяся вплоть до перестройки Главполитпросвета. Плюралистичность идеологических приемов приводила в итоге к многовариантности пропагандистского воздействия на граждан, делая его масштабным и разветвленным.

И в это время, и позднее у партии большевиков существовало четкое и ясное представление о том, что может создать «нового советского человека». Этому должна была способствовать небывалая в истории кампания по обеспечению населения единственно «верным» мировоззрением — марксизмом. На протяжении 1920-х гг. марксизм был преобразован из идеологического инструмента большевиков, стремившихся понять мир для того, чтобы изменить его, в схоластическую систему, манипулируемую государством по своему желанию, для оправдания собственной политики на данный момент.

Особую роль в этом сыграла создаваемая партией большевиков система политпросвещения. Политшколы и кружки, клубы и «красные уголки», листовки и газеты и т.п. Значимость системы идеологического воздействия для «перековки» масс была не только в том, что она охватывала и «просвещала» тысячи людей. Ка-

чество такого обучения, как свидетельствуют источники, очевидно, не было высоким, и не все получали в сети партийной или комсомольской учебы те знания, которые им хотели дать. Особое значение имело то, что такое обучение становилось расширяющейся, регулярной и обязательной практикой. Система политобразования постоянно разветвлялась и вследствие этого видоизменяла просвещенческие установки, усложняла их методически. Ее составной частью были многочисленные проверки, экзамены и зачеты, в ходе которых оценивался не только уровень знаний обучаемых, но и их общественное и бытовое поведение — эти формы побуждали и приучали демонстрировать свою лояльность. Партийно-комсомольская учеба все прочнее и глубже втягивала в свои границы все более широкий круг людей. Политическое просвещение становилось не только формой образования, но и формой выражения политической преданности, формой проверки политических убеждений — школой, где заучивались образцы нормативного поведения и даже нового словаря. Словарь новообразованного марксизма-ленинизма был стандартизован и ритуализирован, превратившись в то, что именовалось «деревянным языком» или «новоязом». Каждая группа или отдельная личность получила свой фиксированный ярлык — от «жадных кулаков» до «мелкобуржуазных предателей», от «акул империализма» до «героических ударников»: мир был разделен на друзей и врагов, и все текущие события — как внутри страны, так и за рубежом — пропускались через призму классовой борьбы. Эти новые категории затем вбивали в массовое сознание с помощью ежедневной прессы, нового искусства кино, а потом и радио. В.И. Ленин не случайно назвал газету — первую в этом ряду — «коллективным агитатором» и «коллективным организатором».

Чтобы заложить основы государственной монополии на печать, несколько ведомственных и кооперативных издательств были в мае 1919 г. объединены в Госиздат. Главным инструментом контроля над всей издательской деятельностью стал Главлит — Главное управление по делам литературы и искусства, созданное 6 июля 1922 г. для «объединения всех родов цензуры», а за ним и Главрепертком (февраль 1923 г.) — для контроля над репертуаром театров и радиовещания. Так была введена государственная цензура. Цензурный контроль существовал и в 1917–1921 гг., но он не был ни регламентированным, ни систематическим, а иногда и просто отсутствовал. С образованием Главлита этому был положен конец. Были созданы центральный и местный аппараты управления, следовавшие детально разработанной инструкции и менее склонные к либерализму, чем грешила цензурная практика прошлых лет [6: с. 163–174].

С тех пор более шести десятилетий ни одно печатное издание, ни одна театральная или кинематографическая постановка не могли увидеть свет без одобрения соответствующих инстанций, тесно связанных с ГПУ-ОГПУ. Главлит составлял списки запрещенных книг, отправленных в «спецхраны», правила работы библиотек и типографий, правила книготорговли и т.п.

Центральным эпизодом идеологического реагирования на нэп, пожалуй, может считаться кампания против «оживления буржуазной идеологии» в начале 1920-х годов. Запущенный на полные обороты механизм выявления и подавления «чуждых» политических воззрений среди рабочих стал работать все более учащенно. Возглавивший борьбу с «буржуазной идеологией» заведующий агитотделом ЦК КРП (б) А.С. Бубнов откровенно говорил: «Мы знаем, какая литература в Петербурге, Москве и других крупных городах выбрасывается на рынок. Она, конечно, непосредственно не достигает массы пролетариата и крестьянства, но свое влияние она оказывает на широкую аудиторию наших учебных заведений, служит лабораторией выработки идеологии самых разнообразных буржуазных элементов, расходится по различным группам советской интеллигенции, создает в обществе соответствующую, или, вернее, весьма несоответствующую нашим намерениям атмосферу, которая через тысячи каналов проникает дальше, в толщу масс» [1: с. 6].

Проявления «буржуазной идеологии» стали искать и видеть всюду: в театре и кино, в развлекательной беллетристике. Кафе, пивные, рестораны, кабаре и даже танцклубы вполне серьезно начали рассматриваться в числе проводников буржуазного влияния на массы.

Стремление к развлечениям считалось искажающим тот нравственный идеал, который, соответствуя тогдашним условиям, должен выражаться в форме революционного аскетизма. Возникновения примата материальных интересов над политическими идеалами как возможный итог нэповских тенденций не допускалось. Во-первых, потому, что сами эти интересы не могли быть реально удовлетворены. В результате увеличилось бы число недовольных существующим положением, выражавших это в различных, зачастую непредсказуемых формах. Во-вторых, «деполитизация» рабочих могла бы усилить разговоры о неоправданности жестких политических и экономических мер и сузила бы базу их массовой поддержки. Аномалии в быту поэтому оценивались как ступень к «аномалиям» политического сознания. Но поскольку цензура на развлечения не могла быть осуществлена столь легко и эффективно, как печатная цензура, то уже сам досуг использовался в целях «политического просвещения» масс. Пришлось изменить характер развлечений, резко политизировав их.

Важнейшей формой массово-политической работы выступали агитационные кампании, включавшие митинги, конференции, собрания, беседы, тематические вечера, индивидуальную агитацию. Митинги и собрания в годы нэпа в Москве, как и в целом по стране, проводились в огромном количестве, созывались часто и были многлюдными. На обсуждения митингов и собраний выносились вопросы политики партии, международного положения, хозяйственного строительства. Большевики разъясняли трудящимся очередные задачи, вскрывали причины трудностей, которые переживала страна, призывали стойко бороться за восстановление и развитие хозяйства, крепить дисциплину.

Политическая аргументация коммунистов в годы нэпа претерпела мало изменений по сравнению с предыдущей эпохой. Основные ее блоки сформировались, с одной стороны, на основе теоретических постулатов РКП (б), а с другой — как итог последовательных идеологических реакций властей на различные явления жизни страны, требовавших подробного истолкования и особой системы доводов. Канон идеологической догматики по сути уже был создан — позднее допускалась лишь его модернизация. Поэтому идеологические кампании, в общем, проводились по схеме, ставшей традиционной уже в 1918–1920 гг. А именно:

1) Разъяснение объективных причин возникновения какой-либо проблемы, причем как часть кампании, направленной против политических противников;

2) Упоминание об отсутствии альтернативы намеченному для решения проблем курсу;

3) Указание на неизменность целей вне зависимости от необычности пролагаемых к ним путей. Схема эта возникла как итог агитационной обработки явлений «военного коммунизма» и в какой-то степени окостенела. Она широко использовалась при объяснении непростых событий 1920-х годов [7: с. 127–137].

Одним из важных направлений утверждения идейной монополии РКП (б) была выработка и укрепление политических приоритетов в области культуры. С точки зрения В.И. Ленина, новое общество невозможно было построить без учета и овладения культурным наследием прошлого. Однако этот, на первый взгляд, позитивный процесс должен был соответствовать идеологическим доктринам партии. Несколько иных воззрений в этом вопросе придерживался А.А. Богданов, один из идеологов Пролеткульта, считая, что пролетариат должен иметь самостоятельную культурно-творческую организацию, нацеленную на его приобщение к духовному наследию. Уже в декабре 1920 г. ЦК принял решение «О пролеткульте». Оно сводилось к тому, что вопросами пролетарской культуры ни пролетариат, ни деятели культуры заниматься не должны — это дело партии. Она лишила Пролеткульт автономного существования, в полной мере подчинив его своему контролю и руководству. Но линия партии не была еще унифицированной.

Культурной революцией ведал Народный комиссариат просвещения. С 1917 по 1929 гг. им руководил А.В. Луначарский. Поначалу он поощрял новаторские и экспериментальные течения. Призывы А.В. Луначарского разграничить в деятельности цензуры политическую и художественную стороны не свидетельствуют о ясности позиции партийного руководства. Еще не были определены эстетические требования к художественным произведениям. Наркомпрос поощрял авангардное искусство, от чего впоследствии отказался. Не случайно на протяжении первого послереволюционного десятилетия то Пролеткульт, то РАПП пытались взять на себя идейное и политическое лидерство в художественной жизни. В первое послереволюционное десятилетие превалировала демократическая тенденция, в результате чего общий тип преобразований носил демократический характер. Некоторая свобода творчества при этом сохранялась до начала 1930-х гг.

Но вскоре партия решила, что пролетариату эксперименты не нужны. Власть отдавала приоритет классовому подходу, который предопределил «формирование культуры в антидемократическом духе». Таким образом, на фоне широких демократических преобразований в качестве главной тенденции в развитии культуры выступало формирование культуры диктатуры — зародыша тоталитарной культуры. «Достижением» этой культуры стала нравственная деформация личности, превращение ее в «человека-винтика». На рубеже 1927–1928 гг., с началом реконструкции народного хозяйства, развитие культуры перешло в новую фазу, завершившуюся победой социалистической культурной революции.

Естественно, что идеологическое обеспечение нэпа осуществлялось через всю политическую систему, которая представляла жестко централизованную структуру, каркас ее являл собой иерархию партийных комитетов. Выстроенные по такому же типу иерархические структуры советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских, карательных и других органов повсеместно копировали иерархию партийных комитетов, находились под их непосредственным надзором. Естественно, с точки зрения большевиков, что все они поддерживали и проводили в жизнь большевистскую идеологию. Попытки создания каких-либо других общественных организаций находились под пристальным вниманием спецслужбы. Эта деятельность ОГПУ сосредоточивалась в Секретном отделе. Здесь имелось досье на любую организацию «несоветского» типа. Среди таких организаций были, например, научно-технический кружок по изучению Палестины, осведомительное бюро «Посредник», совет лесоведов-экспертов по лесному хозяйству и лесопромышленности, торговое товарищество «Аккорд», ассоциация изобретателей, промышленное кооперативное товарищество под наименованием «Подряд и поставки», художественный музыкально-педагогический союз, общество владельцев чайно-столовых и чайных лавок для снабжения населения кипятком и др. Об этих организациях было известно практически все: цели, задачи, учредители (фамилии, адреса, должности, краткие характеристики и т.д.) (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 81–87.).

Центральные органы ОГПУ координировали и направляли деятельность местных спецслужб. Для этой цели проводились конференции органов ГПУ, где подробно обсуждались формы и методы в деятельности оппозиционных организаций, отслеживались изменения в их деятельности за определенный отрезок времени, намечались совместные действия по предотвращению антисоветских действий со стороны этих организаций (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 87, 131.)

Таким образом, необходимо отметить, что, находясь под пристальным вниманием ОГПУ, создание демократических механизмов было замедлено, а впоследствии и вообще остановлено. Везде действовали только организации, утвержденного типа: профсоюз, комсомол, партийные ячейки РКП (б), которые работали по утвержденным директивам ЦК РКП (б). Все это дополняло формирование идеологической «машины» правящей партии. Набирала

обороты пропаганда идей советской власти (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 79–82.).

Большевики продолжали поддерживать иллюзии деятельного участия трудящихся в политической жизни страны. Это также многократно усиливалось пропагандой идеократического характера. Пропаганда велась не только через средства массовой информации, находившиеся под жестким контролем партийного руководства, но и через школу, армию, комсомол, вуз и т.п. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 79–82.).

Несмотря на усиление и укрепление пропагандистского аппарата ЦК РКП (б), этого явно было недостаточно для воспитания советских граждан в духе верности идеям большевизма и советской власти. Агитация и пропаганда, проводимая непосредственно ЦК РКП (б) и местным партийным руководством, в годы нэпа не была еще настолько действенной, как в последующие годы. Это было обусловлено, на наш взгляд, в том числе и такими причинами:

Во-первых, сам по себе пропагандистский аппарат еще формировался, и не мог быть массовым из-за ограниченных технических возможностей того времени. Во-вторых, кроме большевистских средств массовой информации, существовали и оппозиционные издательства. При этом необходимо отметить, что все они находились под наблюдением спецслужбы, то есть о них имелась полная информация в ВЧК-ОГПУ. Тем не менее, они работали, хотя мешало наличие цензуры, ограничение тиража, специальные разрешения на издание печатной продукции и краткий период их существования (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 592. Л. 84–87). В-третьих, в партии еще не было полного единства. Существовали различные взгляды, допускалась борьба мнений, свобода высказываний и т.д. Различные точки зрения, дискуссии в партии отражались в партийной печати, что, безусловно, подрывало монолитность партийной пропаганды. Хотя и этот процесс практически прекратился к концу 1920-х гг.

Годы нэпа нередко считают эпохой культурного плюрализма, авангардного искусства и смелых дискуссий о долгожданном социалистическом будущем. Это было время, когда беспартийные, принимающие идеи Революции, приветствовались партией как «попутчики» в создании новой культуры. Таким образом, великий «серебряный век» дореволюционной России продолжал цвести еще несколько лет в нескольких отдельных областях жизни. Однако общей тенденцией десятилетия было неуклонное движение в противоположном направлении: к еще большему идеологическому единomyслию и государственному контролю над образованием, культурой и искусством. Прежде всего шла активная борьба со всеми культурными течениями, объявленными враждебными Революции. Все политические движения — от меньшевизма до монархизма — были запрещены. Религия стала мишенью массовой репрессивной кампании под руководством «Лиги воинствующих безбожников».

На протяжении 1920-х гг. большевистское руководство все больше и больше осознавало, что надеяться только на помощь мощного пропагандистского аппарата не приходится. Укрепление режима коммунистической партии идет недостаточ-

но быстро. В таких условиях большевики обращают особое внимание на усиление и укрепление спецслужбы. Гипертрофированное стремление быстрее и активнее укреплять коммунистическую идеологию обуславливало особое отношение к спецслужбам как главному инструменту в партийном арсенале большевиков.

Литература

1. Бубнов А.С. Буржуазное реставраторство на втором году НЭПа / А.С. Бубнов. – М.: Госиздат, 1922. – 73 с.
2. Валентинов Н.В. (Вольский Н) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина / Н.В. Валентинов. – М.: Мысль, 1994. – 365 с.
3. Ленин В.И. Письмо А.В. Луначарскому 20 июля (2 августа) 1905 г. / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 47. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 52–54.
4. Лившин А.Я. Гражданское конституционное сознание: обладало ли им советское общество в годы гражданской войны и нэпа? / А.Я. Лившин // Отечественная история. – 2001. – № 7. – С. 94–111.
5. Надеждина В.А. Нэповская Россия в зеркале социальной истории / В.А. Надеждина // Российская история. – 2007. – № 4. – С. 149–157.
6. Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу / С.А. Федюкин. – М.: Наука, 1977. – 180 с.
7. Яров С.В. Политические взгляды рабочих на раннем этапе НЭПа: механизмы унификации и контроля (1921–1923 гг.) / С.В. Яров // Клио. – 1997. – № 3. – С. 127–137.

Literatura

1. Bubnov A.S. Burzhuaznoe restavradorstvo na vtorom godu NE'Pa / A.S. Bubnov. – M.: Gosizdat, 1922. – 73 s.
2. Valentinov N.V. (Vol'skiy N) Novaya e'konomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina / N.V. Valentinov. – M.: My'sl', 1994. – 365 s.
3. Lenin V.I. Pis'mo A.V. Lunacharskomu 20 iyulya (2 avgusta) 1905 g. / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij. – T. 47. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1974. – S. 52–54.
4. Livshin A.Ya. Grazhdanskoe konstitucionnoe soznanie: obladalo li im sovetskoe obshhestvo v gody' grazhdanskoy vojny' i ne'pa? / A.Ya. Livshin // Otechestvennaya istoriya. – 2001. – № 7. – S. 94–111.
5. Nadezhdina V.A. Ne'povskaya Rossiya v zerkale social'noj istorii / V.A. Nadezhdina // Rossijskaya istoriya. – 2007. – № 4. – S. 149–157.
6. Fedyukin S.A. Bor'ba s burzhuaznoj ideologiej v usloviyax perexoda k NE'Pu / S.A. Fedyukin. – M.: Nauka, 1977. – 180 s.
7. Yarov S.V. Politicheskie vzglyady' rabochix na rannem e'tape NE'Pa: mexanizmy' unifikacii i kontrolya (1921–1923 gg.) / S.V. Yarov // Klio. – 1997. – № 3. – S. 127–137.

М.Н. Супрун

Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз

Нет более серьезного заблуждения в историографии Второй мировой войны, чем стремление исследователей вычленить из ее истории историю отдельных государств без учета общей, генеральной стратегии коалиций, в которые эти страны были вовлечены. В большей степени это заблуждение характерно для отечественных исследователей, для многих из которых Великая Отечественная война стала изолированной войной одного СССР против Германии и ее сателлитов. В лучшем случае — войной Советского Союза против фашистского блока при *некоторой поддержке союзников*. Отсюда — невозможность более-менее внятно объяснить причины затягивания открытия второго фронта, категорического запрета на использование химического оружия (хотя оба блока имели таковое в избытке) или, скажем, причины огромного количества поставок невоенного назначения (более 90% от общего тоннажа), направленных в СССР безвозмездно в конце войны; равно как и многочисленные проблемы, то и дело возникавшие между союзниками на протяжении войны, и их разрешение, часто в нарушение норм международного права.

Вторая мировая война — это *прежде всего война коалиций, каждая из которых действовала в рамках собственной генеральной стратегии*. Как правило, такая стратегия разрабатывалась, углублялась и корректировалась на совместных ежегодных саммитах, на которые приглашались все заинтересованные стороны. Выработанных на саммитах решений надлежало придерживаться каждому из государств — участников блока. Советский Союз как член Антигитлеровской коалиции не стал в этом отношении исключением.

Между тем в стратегии Антигитлеровской коалиции весьма отчетливо просматриваются три важнейших составляющих. *Первая* из них, кратко сформулированная У. Черчиллем, — «to get Hitler first» (или «Germany — first», то есть «сначала – Германия»), предусматривала *приоритет Европейского театра военных действий (ТВД) перед всеми остальными*. Данное положение было принято на одной из первых военных англо-американских конференций АВС (American-British Conversation) в начале 1941 г. и регулярно подтверждалось на последующих саммитах вплоть до разгрома Германии [8: р. 367–368; 9: р. 210, 736–738; 10: р. 831; 11: р. 222–237]. В рамках этого положения планировались и проводились все стратегические операции коалиции с января 1941 по май 1945 гг. После разгрома Германии приоритетным стало Тихоокеанское направление (по У. Черчиллю — «to get Japan first»).

Вторая составляющая стратегии Антигитлеровской коалиции включала одну из национальных доктрин участников блока. С 1939 г. и до осени 1943 г. это была предложенная Великобританией *стратегия «непрямых действий»* (или «стратегия периферийной войны», «стратегия стягивания кольца»). Она, с учетом опыта Первой мировой войны, предусматривала путем экономической и морской блокады, массированных бомбардировок и локальных атак на периферии малой кровью заставить руками немцев сменить нацистское руководство в Германии. При этом Британия сохраняла и по возможности расширяла свои зоны влияния на «периферийных» территориях — на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Балканах, в Скандинавии, то есть по обозначенной на Первой Вашингтонской конференции (январь 1942 г.) «линии: Архангельск – Черное море – Анатолия – Север Средиземноморья – Западное побережье Европы» [9: р. 213].

Так случилось, что именно Великобритания, вступившая в войну уже в сентябре 1939 г. и до 1941 г. несшая основную ее тяжесть, как никакая другая страна претендовала на лидерство в коалиции, а стало быть — на право выдвижения собственной национальной доктрины «стягивания кольца» в качестве единой стратегии для всех остальных членов блока. С ней, безусловно, соглашались и европейские правительства в изгнании, и США, не участвовавшие в войне до декабря 1941 г. и признававшие до разгрома Германии приоритет Европейского ТВД. С ней вынужден был согласиться и другой лидер коалиции, Советский Союз, роль которого вплоть до перехода Красной армии в наступление в 1943 г. сводилась к удержанию Восточного фронта как одного из сегментов кольца, стягиваемого вокруг Германии. Данное принципиальное положение совместной стратегии было разработано и принято на Атлантической конференции (август 1941 г.) [8: р. 341–379] подтверждено на Вашингтонских (1941–1942 гг.) и Касабланкской (январь 1943 г.) конференциях. [9: р. 213, 740, 774]. Следовательно, открытие второго фронта в эти годы было возможно лишь в экстренном случае, как, например, в случае гипотетического выхода СССР из войны в ходе летне-осеннего 1942 г. германского наступления. Кстати, чтобы выяснить это, У. Черчилль и приезжал в Москву в августе 1942 г. Однако тогда Сталин сообщил Черчиллю о том, что под Сталинградом Красная армия не только продержится до зимы, но и предпримет «широкомасштабное контрнаступление» [3: с. 276; 4: с. 324; 7: р. 445].

Победа на Волге, свидетельствующая о возросшей мощи советской армии, а также желание США поскорее перенести основной удар на Тихоокеанский ТВД обусловили изменение британского положения стратегии коалиции о «периферийной войне». На Каирской и, главным образом, на Тегеранской конференциях 1943 г. стратегия «стягивания кольца» была вытеснена *стратегией «прямых действий»*, предусматривавшей открытие второго фронта в Нормандии, быстрый вывод Германии из войны и перенос удара всей коалиции на Дальний Восток для разгрома Японии [10: р. 448, 831]. Именно на этом на протяжении всей войны настаивали СССР и США. Все последующие после Тегеранской союзные конференции утверждали операции в рамках уже данного принципа стратегии, то есть в рамках стратегии «прямых действий».

Наряду с указанными двумя важнейшими составляющими коалиционной стратегии не менее важным было и *третье* ее положение — **создание в ходе войны экономической модели сплочения наций, воюющих против нацизма**, и разработка механизма наиболее быстрого и эффективного применения военно-экономического потенциала коалиции. Такой моделью, своего рода цементирующим фактором Антигитлеровского блока стал ленд-лиз (от англ. *lend* — сдавать в аренду, *lease* — давать взаймы). В широком смысле ленд-лиз являлся концепцией экономического сплочения коалиции, выработанной на основе американского закона от 11 марта 1941 г., который, как известно, предусматривал передачу другому государству на время ведения военных действий взаймы или в аренду необходимых оружия и материалов. Изменения условий предоставления такой помощи определяли изменения и самой концепции ленд-лиза. На протяжении войны эта концепция менялась трижды.

Поначалу ленд-лиз был провозглашен президентом США как форма помощи любой из стран, чья оборона была признана жизненно важной для Соединенных Штатов. Эту концепцию ленд-лиза можно условно назвать концепцией «*участия США в войне без участия в военных действиях*». «Американские парни никогда не будут направлены участвовать в чужих войнах», — обещал президент Ф.Д. Рузвельт матерям Америки (цит. по: [1: с. 399]). Однако Соединенные Штаты, несмотря на их географическую удаленность от театра военных действий и официально занятую позицию «нейтралитета», не могли остаться в стороне от войны в Европе. Сначала они оказывали помощь дружественным государствам за плату («*cash and carry*»), причем часто обходя собственные и международные законы. Но когда стало ясно, что война угрожает кризисом британской экономике, США пошли на принятие закона о ленд-лизе. Со времени принятия закона и до февраля 1942 г. отношения между США и государствами-реципиентами строились на кредитной основе. Первоначальная концепция билля о ленд-лизе позволяла Соединенным Штатам отстаивать «*собственные интересы*» без ведения военных действий и на весьма выгодных для американцев условиях. Но после Пёрл-Харбора эта концепция была изменена. При этом не противоречила американским интересам и британская стратегия «*стягивания кольца*».

Нападение Германии на Советский Союз объективно включало последний в антифашистскую коалицию. Уже в самом начале Великой Отечественной войны лидеры Великобритании и США заявили о стремлении оказать СССР всемерную поддержку. Спустя месяц в Россию стала поступать реальная помощь. Наряду с серией операций, проведенных британцами в Арктике, в Архангельск были отправлены первые суда с военными грузами. Они-то и проложили первый и самый важный северный маршрут поставок.

Сначала грузы поступали только из Англии и в обмен на товары или драгоценные металлы. Формально эти поставки и экономические отношения с Британией были закреплены 18 августа 1941 г. соглашением «*О товарообороте, кредите и клиринге*». 6 сентября 1941 г., в ответ на тревожное послание

из Москвы, И. Сталину было сообщено о возможности отправки стратегических материалов на основе ленд-лиза [4: с. 117]. Это означало, что американский президент распорядился распространить закон от 11 марта 1941 г. на СССР, но поначалу осторожно, через Великобританию. Поэтому, подписывая 1 октября на Московской конференции Первый протокол о поставках, советская сторона уже знала, на каких условиях будут поступать оружие и другие военные материалы из США. И формальное объявление 7 ноября 1941 г. переноса действия закона о ленд-лизе (также пока на кредитной основе) на Советский Союз уже не было новостью для Москвы. При этом советско-британское соглашение от 18 августа 1941 г. оставалось в силе.

Подписание первых союзных соглашений имело целью удержать Советский Союз в войне, по крайней мере, до наступления холодов, то есть до вынужденного прекращения наступления не готового к зиме Вермахта. Поэтому многие обещания давались Сталину авансом, без учета неизбежных трудностей становления новых отношений или издержек, вызванных войной. Между тем именно они во многом определили недопоставку или изменение графика завоза и номенклатуры грузов.

Эскалация мировой войны, вступление в нее США, оказавшихся на равных условиях с другими воюющими странами, потребовали консолидации антифашистских государств и внесения дополнений в союзную стратегию. С этой целью в январе 1942 г. в Вашингтоне был проведен ряд встреч на высшем уровне. Их результатом стало декларирование образования Организации Объединенных Наций. Тогда же были заложены основы военно-политического и экономического союза: разработана экономическая и военно-стратегическая платформа коалиции, созданы объединенные органы управления и контроля.

С расширением состава коалиции и осложнением обстановки на европейском фронте британская стратегия «сжимания кольца» была с весны 1942 г. подвергнута корректировке с позиций стратегии «прямых действий», на которой настаивали США и СССР. Одновременно с корректировкой союзнической стратегии вступление в войну Соединенных Штатов повлекло за собой и изменение концепции ленд-лиза. Из метода оказания помощи без участия в военных действиях он стал гигантским «снабженческим резервуаром», в который каждое из союзных государств «вливало» по возможности свои ресурсы и брало то, что ему было необходимо для ведения войны («*концепция пула*» от англ. «pool» — резервуар) (President's Letter of Transmittal. 3rd Report to Congress on Lend-lease Operations. P. 5 // F.D. Roosevelt Library, OF4193. Lend-lease Agreement, September 1941 – December 1944). Эти условия оговаривались в специальных соглашениях о взаимопомощи. Подобные соглашения между СССР и США, СССР и Великобританией были подписаны соответственно 11 и 27 июня 1942 г. Следствием принятия «концепции пула» стал перевод в конце февраля 1942 г. поставок по ленд-лизу на бескредитную основу, а спустя четыре месяца — и списание большей части долгов за поставки началь-

ного периода войны. Это означало, что все поставки направлялись в СССР и другие страны бесплатно (если иные условия не были специально оговорены в дополнительных соглашениях). Достигнутые в это время решения закрепили не только политико-правовую, но и экономическую основу коалиции.

Перевод поставок по ленд-лизу на бескредитную основу стал важнейшим условием реализации одной из трех стратегических задач, принятых Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) на 1942 г.: сохранить «русский» фронт, оказать, согласно Меморандуму стратегического планирования ОКНШ, «помощь русскому наступлению всеми имеющимися средствами» (U.K. Historical Branch of Ministry of Defense (HBMD). File BR 1736 (44). Battle Summery Nr 22. – P. 2.). Важнейшими среди них были стратегические поставки.

1943-й стал решающим годом войны. Победы союзников определили полную утрату Вермахтом стратегической инициативы. Положение на фронтах определяло содержание общей союзной стратегии, а в конечном счете — и характер межсоюзнических отношений. Закономерным поэтому стало вытеснение в 1943 г. британской стратегии «периферийной войны» советско-американской стратегией «прямых действий». И по мере наступления союзников происходило укрепление межсоюзнических отношений: от холодной встречи Черчилля и Сталина в Москве в августе 1942 г., повлекшей за собой отказ от открытия второго фронта, а вскоре и отзыв советских послов в Лондоне и Вашингтоне, до дружеской конференции «Большой тройки» в ноябре 1943 г. в Тегеране.

Важнейшим инструментом США и Великобритании в проведении национальной политики по-прежнему были поставки по ленд-лизу. В условиях нестабильной военно-политической обстановки лишь они продолжали оставаться гарантом коалиции, важнейшим фактором удержания в войне остальных участников блока, в том числе СССР. Поэтому при подписании Второго протокола (6 октября 1942 г.) Советскому Союзу были предложены оружие и другие материалы, вчетверо превышавшие объем поставок по Московскому протоколу [13: р. 17, 19, 20, 32, 46–47]. Правда, при этом союзники обязались перевезти своим транспортом не более 4,4 млн. тонн, то есть немногим более половины. С началом действия Второго протокола к поставкам подключилась и Канада. 8 сентября 1942 г. она подписала с СССР кредитное соглашение на поставку пшеницы на сумму 10 млн. канадских долларов («пшеничное соглашение»).

И хотя по Второму протоколу союзники вновь выполнили свои обязательства лишь частично, импортные оружие и другие материалы сыграли весьма важную роль в наступлении коренного перелома в Великой Отечественной войне. Поставленных по Вашингтонскому протоколу самолетов вполне хватило, чтобы возместить потери советской авиации во всех основных сражениях этого периода. Импортного производства был и каждый десятый танк действующей армии. Примечательно, что советское командование по-прежнему держало большую часть английских и американских машин на самых важных фронтах: Юго-Западном, Брянском и Западном.

Решительное наступление Красной армии в 1944 г. на востоке и высадка десанта во Франции лишили фашистское руководство последнего шанса на раскол коалиции и достойный выход из войны. В мае 1945 г. Германия, а спустя четыре месяца и Япония вынуждены были капитулировать. Самая кровопролитная в истории человечества война завершилась. Именно в это время происходит корректировка «концепции пула».

Успехи союзных войск на фронтах в 1944 г. обусловили необходимость решения политических проблем, и в первую очередь — вопросов послевоенного устройства мира. Каждое из государств предлагало собственную концепцию международного сотрудничества после войны. Для США она сводилась к обновлению традиционной политики «открытых дверей» через снятие торговых барьеров, а в области политической — к созданию более авторитетной, чем Лига Наций, всемирной организации. Основу идеологии должны были составить принципы либерализма, противостоящие любой, и прежде всего фашистской, тирании. Британское руководство предлагало более традиционный подход, основанный на стремлении защитить интересы империи и Содружества, сохранить равновесие сил в Европе. Поэтому наиболее серьезные противоречия с США, если и могли возникнуть, то прежде всего в области экономической и, в частности, в сфере торговых преференций.

И. Сталин, известный своим прагматизмом, ставил перед собой более приземленную задачу: создать вокруг Советского Союза «пояс дружественных государств». И стремления советского руководителя находили поддержку у союзников. Возникновение сложностей в отношениях с СССР можно было ожидать либо из-за столкновения идеологий, либо из-за нарушения участниками коалиции договоренностей по проблемам послевоенного устройства мира. Именно эти причины и стали вскоре основными в развязывании войны «холодной».

Однако еще во время Второй мировой войны стороны прекрасно понимали, что от их взаимодействия зависит будущее планеты. И ключевым вопросом для налаживания этого взаимодействия было установление самых дружеских отношений с Россией, желательно с включением ее в мировую политическую и экономическую системы. Важнейшая роль в реализации союзнических концепций завершения войны и послевоенного устройства мира принадлежала системе экономической помощи на принципах ленд-лиза. Поэтому союзники делали все возможное для того, чтобы полностью выполнить свои обязательства по поставкам. Этому способствовало и снятие многочисленных барьеров, вызванных как объективными, так и субъективными обстоятельствами. В полной мере заработали маршруты, отладили свою работу административные структуры, увеличилось производство оружия и других материалов.

На 1944–1945 гг. пришелся основной объем взаимопомощи союзников. Особенно серьезно это ощутил Советский Союз. В СССР было поставлено 9,9 млн. тонн, или 3/5 всех грузов военного времени. В состав этих поставок включены и грузы, ввезенные Канадой, подписавшей самостоятельно Третий протокол. В отличие от поставок по Второму и особенно Первому (часто на-

зываемому «Британским») протоколам почти 90% всех материалов и оружия поступило в конце войны из США [5: с. 348–349].

Кораблей и самолетов, переданных по последним протоколам, хватило бы для того, чтобы полностью восполнить потери в ходе всех стратегических операций, проведенных советскими Вооруженными силами в конце войны, артиллерийских стволов — на четверть, танков — на 11%. Каждая вторая бронемашина и каждый десятый танк, направленные в этот период во фронтовые соединения, были импортного производства. Благодаря союзным поставкам, по сути, были созданы еще два флота, равные по составу Северному и Тихоокеанскому. Почти вся поставленная техника была испытана на фронтах войны и с учетом этого заказывалась советскими специалистами. Высоким качеством отличались средства связи и специальная аппаратура, поэтому они занимали в советских заявках особое место. Радиостанциями и телефонными аппаратами, поставленными в СССР в 1944–1945 гг., можно было бы оснастить от 300 до 500 дивизий. Свыше 80% радиолокационной аппаратуры в войсках и на флоте также было англо-американского производства [5: с. 309–318].

Однако самолеты, танки, корабли и другие военные грузы в общем объеме ввезенных в СССР в конце войны материалов по-прежнему занимали незначительную часть тоннажа — всего лишь 9% (!). Остальная часть была отведена под промышленное оборудование, продовольствие, металлы, нефтепродукты. Четверть всего тоннажа занимало продовольствие. Его в калорийном исчислении было бы достаточно для содержания 10-миллионной армии в течение более чем трех лет. Другая четверть была отведена под средства транспорта: автомобили, локомотивы, вагоны и специальное оборудование. Во многом благодаря им значительно возросла скорость продвижения Красной армии по Европе, наладились устойчивые связи регионов в тылу.

Возникает вопрос: почему США, понимая, что до окончания войны остается всего несколько месяцев, тем не менее, готовы были предоставить Советскому Союзу все, что он ни запросит, включая даже компоненты ядерного оружия (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 440. Л. 19), а также «гражданское» оборудование и материалы, необходимые для восстановления народного хозяйства, которые составили более 90% всего объема тоннажа в 1944–1945 гг.? Более того, в октябре 1944 г. США пошли на подписание дополнительного «Пятого протокола» («Программы «Майлпост», или «Программы 17 октября»), взяв на себя обязательства обеспечить требуемым вооружением советские дальневосточные армии и Тихоокеанский флот. Именно тогда Советскому Союзу было предложено вступить как в действующие, так и во вновь созданные всемирные финансовые, торговые и транспортные организации (Международный банк реконструкции и развития, Европейская экономическая организация, Европейская континентальная транспортная организация, Объединенная морская администрация и др.) (Public Record Office (PRO). Foreign Office (FO). 371. № 47882. P. 10).

Ответ — в явном изменении политики США в конце войны, причем не только в отношении СССР. Важнейшим инструментом этой политики был ленд-лиз, ко-

торый с конца 1944 г. постепенно трансформируется из «концепции пула» в *концепцию «глобального сотрудничества»*, в настоящее время часто именуемую «*глобализацией*» (17th Report to Congress on Lend-lease Operations. P. 8 // F.D. Roosevelt Library, OF4193). Концепция ленд-лиза как «пула» оказалась настолько действенной, что за годы войны численность государств, вовлеченных в коалицию, увеличилась с 26 в январе 1942 г. до 44 в конце войны. Причем ни одна из стран, вовлеченных в «пул», из него не вышла. Более того, инерция поставок оказалась столь велика, что большинство государств предпочли сохранить свое участие в «пуле» и после войны. Поэтому не стало случайным образование в 1945 г. ООН и других всемирных экономических, политических и культурных организаций. Впрочем, и «доктрина Трумэна», и «план Маршалла», и другие доктрины консолидации наций во всем мире берут свое начало из концепции ленд-лиза.

США, предложив коалиции концепцию ленд-лиза как «пула» и сознавая свою возросшую военно-экономическую мощь, создали уникальную модель консолидации наций, которой грех было бы не воспользоваться для получения определенных преференций в послевоенном мире. Обладая экономической доминантой в «пуле», США, естественно, претендовали на увеличение политического влияния в мире. Насколько возросло это влияние, показали все послевоенные события.

Таким образом, поставки по ленд-лизу представляли собой составную часть глобальной стратегии стран Антигитлеровской коалиции. Играя в начале войны роль фактора удержания СССР в войне, впоследствии они были призваны стать средством интеграции советской экономики в мировую. В зависимости от расстановки сил на мировой арене менялась и концепция ленд-лиза: от инструмента ведения войны без участия в военных действиях к «концепции пула» и фактору *вовлечения СССР в мировую экономику*. Но какую бы политическую оценку ни давали ленд-лизу специалисты, остается бесспорным большое значение, которое сыграли союзные поставки для победы Советского Союза в войне.

До сих пор не удалось выработать приемлемую методику оценки союзнической помощи СССР. Большинство специалистов пытаются оценить ее, апеллируя к материальной ценности ленд-лизовских грузов. При этом подсчеты велись двумя основными путями. Первый предполагал проведение расчетов в валютном исчислении. По нему все поставленные в СССР грузы были оценены в 13,3 млрд. долларов США (U.S. Congressional Record, 82nd Congress, 1st Session, 1951, ХСVII, Part 9. P. 12472); [12: p. 496; 6: p. 7]. Сумма весьма внушительная, если иметь в виду, что стоимость всех промышленных предприятий США в 1939 г., по оценке НКВД СССР, составляла около 50 млрд. долларов (АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 172. Л. 25). Однако, сопоставить ее с материальным ущербом, нанесенным СССР войной, или сравнить с объемом советского производства военных лет не представляется возможным из-за несопоставимости курсов рубля и доллара того времени.

Большинство исследователей пытаются определить роль ленд-лиза по общему объему и по количеству отдельных наименований оружия и материалов

[2: с. 156–158]. Однако называемые 17,5 млн. тонн ввезенных в СССР грузов также создают лишь общее представление и с трудом поддаются сопоставлению. Что касается отдельных видов поставок, то проследить применение, а потому значение, даже одного вида весьма затруднительно, в то время как номенклатура ввозимых грузов включала тысячи наименований.

Несомненно, что исчисление материальной ценности помощи указывает на значимость ленд-лиза в победе. Благодаря помощи союзников в СССР были высвобождены для фронта миллионы граждан, почти полностью была обеспечена продовольствием и средствами связи армия, в два-три раза повысилась ее мобильность, в определенной степени были восполнены потери боевой техники.

Между тем эта *помощь нужна была Советскому Союзу ровно настолько, насколько союзники нуждались в «русском фронте»*. Данное утверждение вытекает из самой концепции ленд-лиза, разработанной в Соединенных Штатах в начале 1942 г. Она предполагала объединение усилий всех стран во имя общей цели. Каждая нация вносила в «резервуар» то, в чем нуждалась коалиция, что традиционно составляло доминанту вклада в войну каждого из союзных государств. Обратное оно получало то, что ему было необходимо для ведения войны. Главным арсеналом оружия, военных материалов и продовольствия стали могущественные в экономическом отношении Соединенные Штаты. На них пришлось 4/5 всех военно-экономических поставок. Владычица морей Британия обеспечивала господство коалиции на важнейших океанских маршрутах. России, как и в годы предшествовавших коалиционных войн, была отведена роль основного поставщика «людских ресурсов» на европейском фронте, Китаю — на азиатском. Кровь русского солдата, таким образом, в изобилии наполняя «резервуар Победы», становилась своеобразной платой за оказанную союзниками помощь. Утрата в этой цепи одного из звеньев нарушала баланс сил, что вело к затягиванию войны.

Впрочем, подобное сравнение в рамках концепции «пула» некорректно, поскольку предполагает сопоставление (или противопоставление) материальных затрат и общечеловеческих ценностей, а потому автоматически ведет к переводу дискуссии в область этики как человеческих, так и межгосударственных отношений и требует апелляции к иным категориям. И как бы ни продолжалась далее дискуссия, одно остается бесспорным: нет, и не может быть ничего ценнее в этом мире, чем жизнь человека.

Литература

1. *Гарднер Л.С.* Демократическая дипломатия / Л.С. Гарднер, У.Ф. Кимболл // *Союзники в войне, 1941–1945.* – М.: Наука, 1995. – 452 с.
2. *Северные конвои: исследования, воспоминания, документы* / Отв. ред. М.Н. Супрун. – Архангельск, 1991. – 174 с.
3. *Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны.* – М.: Терра, 1995. – 799 с.

4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: в 2-х тт. – Т. 1: 1941–1943 гг. – М.: Изд-во полит. литературы, 1983. – 542 с.
5. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 / М.Н. Супрун. – М.: Андреевский флаг, 1997. – 364 с.
6. Balawyder A. Canada in the Uneasy War Alliance / A. Balawyder // Canadian-Soviet Relations, 1939–1980. – Oakville: Mosaic Press, 1981. – 222 p.
7. Churchill W.S. The Second World War / W.S. Churchill. – Vol. IV. The Hinge of Fate. – L., 1951. – 445 p.
8. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. 1941: in 7 volumes. – Vol. 1. General. The Soviet Union. – Washington: U.S. Government Press, 1958. – 750 p.
9. Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca, 1943. – Washington, 1968. – 895 p.
10. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. – Washington, 1968. – 955 p.
11. Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences at Washington and Quebec, 1943. – Washington, 1970. – 657 p.
12. Munting R. Lend-Lease and Soviet War Effort / R. Munting // Journal of Contemporary History. – Vol. 19 (1984). – P. 495–510.
13. Soviet Supply Protocols. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1947. – 158 p.

Literatura

1. Gardner L.S. Demokraticeskaya diplomatiya / L.S. Gardner, U.F. Kimboll // Soyuzniki v vojne, 1941–1945. – М.: Nauka, 1995. – 452 s.
2. Severny'e konvoi: issledovaniya, vospominaniya, dokumenty' / Otv. red. M.N. Suprun. – Arxangel'sk, 1991. – 174 s.
3. Sekretnaya perepiska Ruzvel'ta i Cherkhilliya v period vojny'. – М.: Terra, 1995. – 799 s.
4. Sovetsko-anglijskie otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1945. Dokumenty' i materialy': v 2-x tt. – Т. 1: 1941–1943 gg. – М.: Изд-во полит. литературы, 1983. – 542 s.
5. Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 / М.Н. Супрун. – М.: Андреевский флаг, 1997. – 364 с.
6. Balawyder A. Canada in the Uneasy War Alliance / A. Balawyder // Canadian-Soviet Relations, 1939–1980. – Oakville: Mosaic Press, 1981. – 222 p.
7. Churchill W.S. The Second World War. – Vol. IV. The Hinge of Fate / W.S. Churchill – L., 1951. – 445 p.
6. Balawyder A. Canada in the Uneasy War Alliance / A. Balawyder // Canadian-Soviet Relations, 1939–1980. – Oakville: Mosaic Press, 1981. – 222 p.
7. Churchill W.S. The Second World War / W.S. Churchill. – Vol. IV. The Hinge of Fate. – L., 1951. – 445 p.
8. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. 1941: in 7 volumes. – Vol. 1. General. The Soviet Union. – Washington: U.S. Government Press, 1958. – 750 p.

9. Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences at Washington, 1941–1942 and Casablanca, 1943. – Washington, 1968. – 895 p.
10. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. – Washington, 1968. – 955 p.
11. Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conferences at Washington and Quebec, 1943. – Washington, 1970. – 657 p.
12. *Munting R.* Lend-Lease and Soviet War Effort / R. Munting // Journal of Contemporary History. – Vol. 19 (1984). – P. 495–510.
13. Soviet Supply Protocols. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1947. – 158 p.

А.Б. Давыдова

Роль бога Сараписа в греко-египетской магии римского периода

К магии во все времена прибегали для того, чтобы избавиться от какой-либо болезни, решить финансовые и семейные проблемы, преуспеть в любовных отношениях, расправиться с врагами и т.п. Огромное значение она приобрела в греко-римском Египте. Особенно популярной магия стала в первые века нашей эры, когда из-за социальных неурядиц люди потеряли уверенность в завтрашнем дне.

Источников, при помощи которых можно было бы составить представление о магии римского периода, не так много. В основном это геммы-амулеты, использовавшиеся в качестве подвесок или вставок в перстни, и так называемые магические папирусы.

Магических папирусов сохранилось мало — многие из них были уничтожены после того, как христианство стало ведущей религией в Средиземноморье в целом и Египте в частности. Большинство сохранившихся до наших дней магических текстов входит в собрание Ж. д'Анастаси (1780?–1857 гг.). По словам коллекционера, некоторые из них он приобрел в Фивах. Впоследствии папирусы были распроданы. Часть из них оказалась в Британском музее, часть — в Лувре и парижской Национальной библиотеке, другие — в Государственных музеях в Берлине и Амстердаме (Рейксмузеум) [3: р. XLII].

Об обстоятельствах находки текстов ничего не известно, но большинство исследователей считают, что основная часть папирусов из коллекции д'Анастаси была обнаружена в одном и том же месте — возможно, в гробнице или в храмовой библиотеке. Полагают также, что по крайней мере шесть папирусов из этого собрания некогда принадлежали жителю Фив, который собирал магические тексты для себя и, судя по всему, был не только магом, но и ученым, философом, а также библиофилом [3: р. XLII].

Авторы магических папирусов, очевидно, считали Сараписа всемогущим трансцендентным божеством, способным влиять на судьбу. Так, во второй

версии фрагмента одного из подобных текстов, получившего название «Монада», или «Восьмая Книга Моисеева», призывая Сараписа, маг называет его «тем, кому посвящены многие гимны», «величайшим», «правителем космоса, обладающим десятью тысячами имен» (PGM XIII. 619–640¹). Человек просит у бога защитить его от судьбы, наделить его гороскоп «хорошими вещами» и улучшить его жизнь. Магия как таковая была способом преодоления предсказанной астрологами судьбы еще в эллинистический период [2: с. 228]. Однако это не умаляет значения Сараписа, отразившегося в перечисленных выше эпитетах.

Издатели текста считают имя бога более поздней вставкой, однако сам факт его наличия свидетельствует о том, что Сарапис считался величайшим божеством, более могущественным, чем сама судьба.

Представление о всемогуществе бога было, очевидно, широко распространено в Египте римского периода. В частности, он вопреки судьбе исцеляет некоего ливийца по имени Фрасон [7: s. 31]. Сарапис вместе с Исидой или отдельно от нее изображался на некоторых египетских зодиаках римского периода [5: Taf. XLIV, s. 79], пребывая таким образом в самом центре вселенной. Примерно так же представлял себе Сараписа Макробий. В «Сатурналиях» он цитирует предсказание, полученное кипрским тираном Никокреоном от Сараписа (Macrob. Saturn. I, 17–23):

Я бог, который следующему научил, пожалуй, только я сказал:
Небесный порядок — голова, а море — живот;
Земля же есть мои ноги, уши же находятся в эфире,
А глаз лучезарный великолепным светом сияет на солнце

О могуществе Сараписа можно судить и по подписям к геммам, на которых вырезались изображение бога и обращенное к нему заклинание с просьбой о защите и милости. По крайней мере, судя по сохранившимся источникам, Сараписа, в отличие от других божеств, не просили о мелочах вроде обретения благосклонности возлюбленной (или возлюбленного).

Один из способов использования этих амулетов выглядит таким образом: «На яшмоподобном агате вырежи сидящего Сараписа, смотрящего вперед (?), держащего в руках египетский царский скипетр, а на скипетре — ибиса; на обратной стороне камня — магическое имя Сараписа, спрячь его. В случае необходимости возьми кольцо в левую руку, а в правую — ветвь оливы и лавровые ветки. Маши ими в сторону лампы, семь раз произнося при этом заклинание. И надевая кольцо камнем внутрь на указательный палец левой руки, не снимай его и, уходя спать, ничего никому не говори и спи, приложив камень к левому уху» (PGM V. 447–458).

¹ Переводы греческих магических папирусов цитируются по изданию: Betz H.D. (ed.). *The Greek Magical Papyri in Translation* / H.D. Betz. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1986. – P. xli-liv.

Изображение на гемме, очевидно, описанное в приведенном выше тексте, носит смешанный, греко-египетский характер. С одной стороны, иконография Сараписа оставалась чисто античной (таким же образом бог изображался и на других аналогичных амулетах, сохранившихся до наших дней), а с другой — Сарапис держит в руках египетский скипетр с ибисом, символом Тота — бога знаний, связанного с магией.

На многих сохранившихся амулетах бог также часто держит скипетр, правда из-за небольших размеров гемм сложно разобрать, похож ли тот на царский египетский. В одном случае издатель геммы К. Боннер указывает, что верхушка скипетра напоминает плод граната. Такое предположение вполне логично: несколько зерен этого плода, символизовавшего брак, Аид, которого отождествляли с Сараписом, дал проглотить своей супруге Персефоне.

На геммах Сарапис часто предстает в облике Гадеса. В частности, он, одетый в тунику и гиматий, с модием на голове, на некоторых из них стоит или сидит, положив руку (обычно левую) на голову Цербера.

Сарапис на геммах нередко изображался вместе с Исидой. Правда, К. Боннер на некоторых из них видел Персефону. Так, на одном амулете помещено изображение сидящего Сараписа, слева от которого стоит богиня, держащая в правой руке длинный факел (или скипетр?), а левой касающаяся головы Цербера. Позади трона бога стоит еще одна богиня, которую автор назвал Деметрой. Правда, в другом месте своей монографии он пишет, что бог сидит между Исидой и Нефтидой [4: р. 176]. К сожалению, амулет частично поврежден (отбита голова стоящей справа богини), поэтому точно утверждать что-либо сложно.

На другом аналогичном амулете, приведенном тем же автором (№ 20), перед Сараписом стоит похожая богиня, держащая в одной руке длинный факел или скипетр, а другую опустила на голову сидящего рядом с тронном Цербера. Гемма раскололась на две части, поэтому изображение не всегда четко просматривается. Позади Сараписа сидит некий человек, в котором К. Боннер видит Харпократа. Предположение о том, что перед богом стоит не Персефона, а Исида, а позади него действительно изображен Харпократ, подтверждается подписью, помещенной под изображением: $\alpha\theta\theta\alpha\beta\alpha\theta[\theta\alpha]$. Эта формула использовалась, как правило, вместе с изображением Исиды и юного Хора.

Другие аналоги также подтверждают, что на амулете изображена именно Исида. Так, на гемме из карнеола, хранящейся в Национальной библиотеке Франции (Париж), помещено изображение сидящего Сараписа и двух стоящих рядом с ним ипостасей Исиды-Тюхе, одна из которых держит весло, а вторая — рог изобилия [5: Taf. CXCIV; s. 321, 322]. Скорее всего, в нашем случае за тронном бога также стоит не Нефтида, а Исида.

Заклинание, которое должен был прочитать владелец амулета, описанного выше, вероятно, было вырезано на самой гемме. По крайней мере, на большинстве из них, помимо изображения, помещались и надписи. Они представ-

ляют собой либо обращение к божеству, либо непереводаемый набор греческих букв и схематических изображений.

Сараписа, как уже было сказано выше, не беспокоили по мелочам. К нему обращались с просьбой быть милостивым к владельцу геммы, защитить его от дурного глаза. Помимо этих формул, на амулетах с изображениями Сараписа встречается и другая – $\iota\kappa\tilde{\alpha} \circ \epsilon\lambda\eta\kappa\circ\circ\varsigma$ (θεός). Именно такой текст содержится на упомянутой выше гемме (№ 19) из собрания К. Боннера. Правда, на ней он вырезан с ошибкой – $\iota\epsilon\iota\kappa\tilde{\alpha} \circ \epsilon\lambda\eta\kappa\circ\circ\varsigma$. На реверсе другой геммы, на аверсе которой изображены голова Сараписа, звезда и орел (вероятно, символизировавший Зевса), содержится «победная» формула $\iota\kappa\tilde{\alpha} \eta \text{E}\tilde{\iota}\sigma\iota\varsigma$, еще раз свидетельствующая о тесной связи между Сараписом и Исидой. Очевидно, смысл этой формулы заключается в том, что божество, внемлющее молитвам носящего амулет, способно помочь ему преодолеть все его трудности.

Нередко на геммах с изображением Сараписа встречаются на первый взгляд бессмысленные сочетания букв. Так, на гемме №17 из коллекции Боннера содержится следующая надпись: $\iota\omega\alpha\nu\alpha\rho\alpha\beta\alpha\rho\alpha\nu\alpha\omega\iota$ (палиндром) $\sigma\theta\omicron\mu\beta\alpha\omicron\lambda\eta$ $\beta\alpha\omicron\lambda$ $\sigma\theta\omicron\mu\beta\alpha\lambda\alpha\alpha\kappa\alpha\mu$ $\sigma\theta\omicron\mu\beta\alpha\lambda\eta$. Владелец собрания отмечает, что формула, стоящая после палиндрома, встречается в основном на геммах с изображениями солярных богов (Гелиоса, Харпократа, Сараписа) [4: р. 206]¹. Существует предположение о том, что подобные заклинания представляют собой набор искаженных семитских и древнеегипетских слов.

Маги, очевидно, тщательно подбирали эти сочетания букв. При произношении они звучат довольно мелодично и ритмично, а, как известно, заклинания должны отличаться от повседневной речи, из-за чего их, вероятно, произносили нараспев [4: р. 206]. К тому же нужно было сделать так, чтобы эти «слова» выглядели и звучали как можно более непонятно. Ведь мистификация и загадочность – неотъемлемая часть магического действия.

Такие же заклинания присутствуют и в магических папирусах. В качестве примера можно привести текст, в котором описана процедура получения оракула от синкретического божества Зевса-Гелиоса-Митры-Сараписа (PGM V. 1–53). Для совершения ритуала требуются мальчик, лампа, блюдце и скамья, хотя о том, каким образом их необходимо использовать, в папирусе не говорится.

Очевидно, мальчик в данном случае выступает медиумом, через которого бог передает предсказание. При этом как маг, так и медиум должны быть заранее подготовлены – помимо молитвы и трехдневного соблюдения чистоты, им следовало надеть специальную одежду и прийти в особое место [1: с. 48]. Судя по перечню магического инвентаря, можно предположить, что получение оракула осуществлялось при помощи изучения поведения масла в воде. Маг, очевидно, наливал жидкость, добавлял в нее масло, призывал бога, произнося молитву, и задавал

¹ Дж. Пинч в работе, посвященной древнеегипетской магии, указывает на то, что криптограммы по большей части представляли собой зашифрованные имена божеств и демонов [6: р. 68]. Вероятно, среди них были также и эпитеты.

ему вопрос, на который отвечал мальчик-медиум, изучающий форму пятна. Лампа, вероятно, предназначалась для совершения воскурений.

Похожее гадание описано в PGM IV. 225–234, но там маг наливает в бронзовую чашу или блюдо простую воду: дождевую, если обращается к небесным богам, морскую — если к земным, речную — если к Осирису или Сарапису и ключевую — если к умершим. Вероятно, в данном случае речь идет о леканомантии — гадании по поведению тонкого слоя воды на широком блюде. Данный текст также интересен тем, что в нем отразилось отождествление Сараписа с Осирисом и их связь с речной водой, и следовательно, плодородием.

Во время сеанса маг, пожелавший получить оракул, должен был прочитать особое заклинание, в котором эпитеты бога сочетаются с непереводаемыми буквенными комбинациями. Сарапис в тексте назван «непобежденным», «дважды великим», «метателем ужасных грома и молний» (в древнегреческой мифологической традиции таким образом именовался Зевс).

Издатели текста выявили предположительное значение некоторых из перемежающихся с перечисленными выше эпитетами сочетаний букв. В частности, слова PNOUTE NINTHERTEROU, по их мнению, можно перевести как: «О, бог всех богов», так они напоминают древнеегипетское словосочетание *p3 ntr n3 ntr w tr w*. Помимо этого, во фрагменте, вероятно, упоминаются так называемые «варварские имена» — богов Тота и Птаха, а также ханаанского соляного бога Шамаша. Свои выводы издатели корпуса магических папирусов делали на основании сравнительного анализа различных входящих в его состав текстов, в связи с чем оснований не доверять их выводам нет.

Каждый звук заклинания человек, желающий получить оракул, должен был проговорить определенным образом. Вероятно, считалось, что в противном случае оно не подействует. Помимо слов, которые нужно произнести, в тексте говорится о том, как, получив пророчество, отпустить бога, чтобы он не навредил смертным. Видимо, в этом отразились характерные для магии многих народов представления о том, что с божеством нужно обращаться крайне осторожно. Малейшая ошибка в произнесенном заклинании или совершенном действии либо неумение правильно «отпустить» бога после совершения магического обряда может разгневать его и привести к самым тяжелым последствиям.

Вероятно, важную роль в магии римского Египта играла астрология, ставшая ее инструментом. Так, в рассматриваемом тексте говорится, что призывать Сараписа можно только при убывающей луне и ни в коем случае не в полнолуние (хотя, как отмечают издатели папируса, в других его копиях содержится совет обращаться к богу за пророчеством именно в полнолуние). К тому же цикл луны должен совпадать с определенными небесными явлениями. В папирусе не уточняется, что подразумевается под этим. Речь идет лишь о необходимости сочетания убывающей луны с восходом «благотворных планет» или с ее расположением «в хороших домах». Видимо, более подробные сведения следовало черпать в соответствующих астрологических

трактатах. Несоблюдение этих условий, очевидно, не катастрофично, однако оно резко снижает возможность получения точного предсказания.

Как папирусы, так и геммы создавались магами-профессионалами. Очевидно, первые предназначались для передачи знаний внутри профессионального сообщества, а вторые изготавливались на продажу. Появление таких магов, «профессионализм которых состоял в знании специфической демонологии, обладании специальной литературой и умении использовать и создавать то и другое» [1: с. 43], — отличительная особенность данного периода развития магии.

Прежде в Египте, очевидно, не было магов в полном смысле слова. Их заменяли мудрецы вроде легендарного Имхотепа, архитектора царя Джосера, построившего его ступенчатую пирамиду, или персонажей древнеегипетской сказки «Царь Хеопс и волшебники» царевича Джедефхора и общинника (неджеса) Джели либо жрецы (херихеб Джаджаеманх из той же истории или сын Рамсеса II царевич Хаэмуас). Имхотеп, например, стал считаться волшебником только в эллинистический период [6: р. 47].

В римский период маги зарабатывали на жизнь продажей различного рода амулетов, проведением ритуалов, цель которых заключалась в том, чтобы помочь клиенту решить ту или иную проблему, предсказать судьбу или изменить ее. Они адаптировали и использовали элементы всех доступных им религиозных культов и магических практик — египетской, греческой, вавилонской, еврейской и т.д. Маги римского периода не понимали древних языков, которые нередко применяли в своих заклинаниях, коверкая слова, нарушали ритмический строй гимнов [3: р. XLVI].

Проводя обряд, маг должен был определенным образом призвать божество (важна была даже интонация, с которой он произносил те или иные слова), совершить ряд магических действий и правильно отпустить божество. При этом ритуал, как правило, должен был осуществляться в определенное время и в конкретном месте. Аналогичная схема: обращение к божеству или демону и совершение определенных действий — характерна и для египетской магии более раннего времени (да и, наверное, для магии вообще). В качестве примера можно привести магические обряды, описанные в папирусе Бремнер-Ринд. Он был составлен в конце IV в. до н.э. [6: р. 86]. Однако в нем описаны ритуалы, проводившиеся египетскими жрецами в Карнаке и других храмах в более ранние периоды египетской истории. В частности, в нем содержится так называемая «Книга низвержения Апопа», в которой описаны ритуалы, направленные на уничтожение демона. Жрец называл тайное имя змея и разбивал сделанные из воска фигурки, изображавшие его и его соратников [6: р. 87], воздействуя таким образом на них самих (имитативная магия).

Магические амулеты использовались в Египте и в более ранние периоды. Однако их внешний вид, а также вырезавшиеся на них надписи определяли жрецы, игравшие таким образом роль магов. Вероятно, именно они разра-

батывали и утверждали форму, которую брали за основу владельцы древнеегипетских мастерских. Маги, жившие в римский период, чем-то походили на них — они также совершали определенные обряды, разработали канон изображений, вырезавшихся на геммах-амулетах. Однако цель проводившихся ими ритуалов была более практичной — все их действия были направлены на помощь клиенту, в то время как жрецы заботились о расположении божества, о поддержании мирового порядка.

Возвращаясь к роли Сараписа в греко-египетской магии римского периода, необходимо сделать некоторые выводы. Следует отметить, что в его изображениях на геммах и в посвященных ему магических папирусах прослеживаются элементы как египетской, так и эллинской магии. Более того, в них переплелись традиции многих народов Средиземноморья [1: с. 28].

Сарапис и на геммах, и в папирусах предстает в роли всемогущего божества — к нему не обращаются с мелочными просьбами. Он «отвечает» за благополучие верующего в целом, обеспечение его хорошей судьбой. Об этом свидетельствуют и содержащиеся в адресованных ему заклинаниях эпитеты. Жившие в римском Египте маги, как и рядовые адепты его культа, считали Сараписа способным преодолеть судьбу. Кроме того, по изображениям на магических геммах и заклинаниям, содержащимся в папирусах, можно судить об отождествлении Сараписа с другими богами, в частности, Осирисом, Аидом-Гадесом и Зевсом. Следовательно, в этих источниках отразились основные представления обитателей римского Египта (да и всей Империи) о божестве.

Литература

1. *Петров А.В.* Феномен теургии. Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период / А.В. Петров. — СПб.: Изд-во РХГИ; Издательский Дом СПбГУ, 2003. — 415 с.
2. *Свенцицкая И.С.* Человек и мир в восприятии греков эллинистического времени / И.С. Свенцицкая // Эллинизм: восток и запад / Отв. ред.: Е.С. Голубцова. — М.: Наука, 1992. — С. 201–247.
3. *Betz H.D.* Introduction to the Greek Magical Papyri // Betz H.D. (ed.) *The Greek Magical Papyri in Translation* / H.D. Betz. — Chicago-London: University of Chicago Press, 1986. — P. xli-liv.
4. *Bonner C.* *Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Roman* / C. Bonner. — Ann Arbor-London: University of Michigan Press, 1950. — xxiv, 334 p.
5. *Hornbostel W.* *Sarapis. Studien zur Überlieferungsgeschichte, den Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt eines Gottes* / W. Hornbostel. — Leiden: Brill, 1973. — 482 s.
6. *Pinch G.* *Magic in Ancient Egypt* / G. Pinch. — London: British Museum Press, 1994. — 191 p.
7. *Totti M.* *Ausgewählte Texte der Isis-und Sarapis-Religion* / M. Totti. — Hildesheim-Zürich-New York: G. Olms, 1985. — viii, 231 s.

Literatura

1. *Petrov A.V.* Fenomen teurgii. Vzaimodejstvie yazycheskoj filosofii i religioznoj praktiki v ellinistichesko-rimskii period / A.V. Petrov. – SPb.: Izd-vo RHGI; Izdatel'skii Dom SPbGU, 2003. – 415 s.
2. *Svencitskaya I.S.* Chelovek i mir v vospriyatii grekov ellinisticheskogo vremeni / I.S. Svencitskaya // Ellinizm: vostok i zapad / Otv. red.: E.S. Golubcova. – M.: Nauka, 1992. – S. 201–247.
3. *Betz H.D.* Introduction to the Greek Magical Papyri // Betz H.D. (ed.) The Greek Magical Papyri in Translation / H.D. Betz. – Chicago-London: University of Chicago Press, 1986. – P. xli-liv.
4. *Bonner C.* Studies in Magical Amulets, Chiefly Graeco-Roman / C. Bonner. – Ann Arbor-London: University of Michigan Press, 1950. – xxiv, 334 p.
5. *Hornbostel W.* Sarapis. Studien zur Überlieferungsgeschichte, den Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt eines Gottes / W. Hornbostel. – Leiden: Brill, 1973. – 482 s.
6. *Pinch G.* Magic in Ancient Egypt / G. Pinch. – London: British Museum Press, 1994. – 191 p.
7. *Totti M.* Ausgewählte Texte der Isis-und Sarapis-Religion / M. Totti. – Hildesheim-Zürich-New York: G. Olms, 1985. – viii, 231 s.

С.М. Крыкин

Реликты духовной культуры автохтонов Восточных Балкан

В центре древней Фракии близ города Стара Загора болгарские археологи исследовали три архитектурных комплекса виллы у реки Чаталка и на одном из них в местности Ламбата в верхнем слое открыли остатки жилищ с каменными стенами, сложенными насухо (кладка насухо или просто на глине — это было в традиции коренного фракийского населения), очаги, римские подобыя греческих пифосов — долии (*dolia*), грузы для ткацкого стана и прочее, вероятно относящееся к IV–V векам н.э. [34: с. 41, илл. 48]. Интересно, что очаги этих «ткачей» представляли собой площадки, постланные и огражденные черепицей, причем с южной стороны каждого из них неизменно была вертикально вкопана керамическая водопроводная труба. Нечто подобное было обнаружено также во фракийском ареале на сербской территории в районе Костолаца [31: с. 39]. Несколько таких очагов со следами горения сверху сравнительно недавно были открыты известным археологом из Перника Венецией Любеновой среди руин оставленного позднеримским населением вероятного ремесленного и культового центра (либо эмпория) близ нынешнего села Арбанас у города Радомир [33: с. 7–8] на трассе античного пути из Стоб через Пауталию (нынешний Кюстендил) в Сердику (нынешняя София), минуя Элею [см.: 29: с. 24]. Любопытно, что один из очагов был сооружен в алтарной части разрушенной раннехристианской церкви, которая была построена, по мнению В. Любеновой, при Константине Великом. Летом 1990 г. автору статьи удалось побывать в сопровождении В. Любеновой на объекте у с. Арбанас, откуда изобильно поступали ремесленные изделия позднеантичного времени, и убедиться в уникальности открытого памятника.

Получается, что на руины античной культуры во Фракии пришли люди некоей особенной культурной традиции, оформив загадочный предславянский период на Восточных Балканах. То, что это явно не были славяне, не вызывает сомнений. Славянские языческие капища выглядят совершенно иначе [см. 12], при этом на славяноболгарских землях (далеко не сразу и всюду до территорий независимых славянских объединений-славиний добрались тюркоболгары, или, как их иначе называют, пра- или протоболгары) такие святилища еще не зафиксированы.

Между тем еще в 1990 г. советская группа в составе совместной болгаро-советской экспедиции второй сезон раскапывала позднеантичный объект

у села Долна Граштица на древней переправе через Стримон (современная Струма) одного из путей из Пауталии в Сердику [см.: 8: с. 24–25; 26: с. 16, 43, 83; 27: с. 276; 28: с. 20, 407]. Советскую группу, работавшую в южном секторе памятника, возглавлял автор статьи под общим руководством тогдашнего директора Кюстендилского музея И. Прокопова. Удалось раскрыть свыше 400 кв. метров культурного слоя мощностью местами до трех метров. Во второй половине III – начале IV веков здесь была отстроена укрепленная вилла (*villa rustica*), снабженная помимо высококачественных и потому довольно тонких стен также и характерной U-образной башней со стороны Стримона, где неподалеку 70-метровый мост обеспечивал переправу. У самой башни к куртине примыкал мощный хозяйственный комплекс (*pars rustica*) — вблизи выращивали огромное количество винограда и из него производились товарное вино не очень высокого качества: на пяти давяльных площадках (каждая $2,60 \times 1,30$ м) сразу могли обрабатываться до 5 т винограда.

В слоях ниже выявленных указанных строительных остатков сотрудник ИА АН СССР, кандидат исторических наук А.М. Смирнов обнаружил и раскрыл сначала один очаг-жертвенник, а потом был расчищен еще один. Эти находки близ Кюстендила вполне убедительно доказывают их местный, фракийский характер, причем сооружение очагов подобного рода осуществилось еще до начала активного строительства здесь укрепленной виллы (на ее базе по приказу Юстиниана воздвигли для обороны подходов к Пауталии с севера крепость — это произошло лет двести – двести пятьдесят спустя), то есть не позднее конца II – первой половины III веков н.э. Оба удовлетворительной сохранности очага были открыты почти на трехметровой глубине возле южной оконечности вероятного фракийского селища, в полутора десятках метров один от другого вне интерьеров (см. одно «святилище» на чертеже — рис. 1) строительных остатков. Судя по характеру рельефа местности, очаги располагались практически на одном уровне, то есть они были сооружены одновременно или же очень близко по времени.

Первый очаг был сложен из четырех стандартных плинф ($0,32 \times 0,32 \times 0,04$ м) и с северо-восточной стороны двух орфостатно поднятых половин плинф, за которыми обнаружился фрагмент вертикально вкопанной трубы. Поверхность близ очага была уплотнена и содержала признаки большого горелого пятна, а на самой эшаре были собраны разбитые на месте краснолаковый, декорированный штампованным орнаментом сосуд наподобие найденного в Кюстендилье при раскопках на месте Старой школы [38: р. 66–69], традиционная для этих мест серая чашка-канфар (II–IV веков) с тремя несохранившимися ручками и «курильница» типа обнаруженной в Северо-Западном Причерноморье в античной Тире в слое римского времени (II–III веков) [3: с. 108, рис. 35]. Краснолаковый сосуд из Пауталии датируется II–III веками, а «курильница» мёзийского типа из Тире могла относиться только ко времени оккупации города римскими войсками во II – первой половине III веков [4: с. 47–59, рис. 1], хотя в последнее время утвердилось заключение об уничтожении римского гарнизона в Тире готами лишь в 269–270 гг. [6: с. 201;

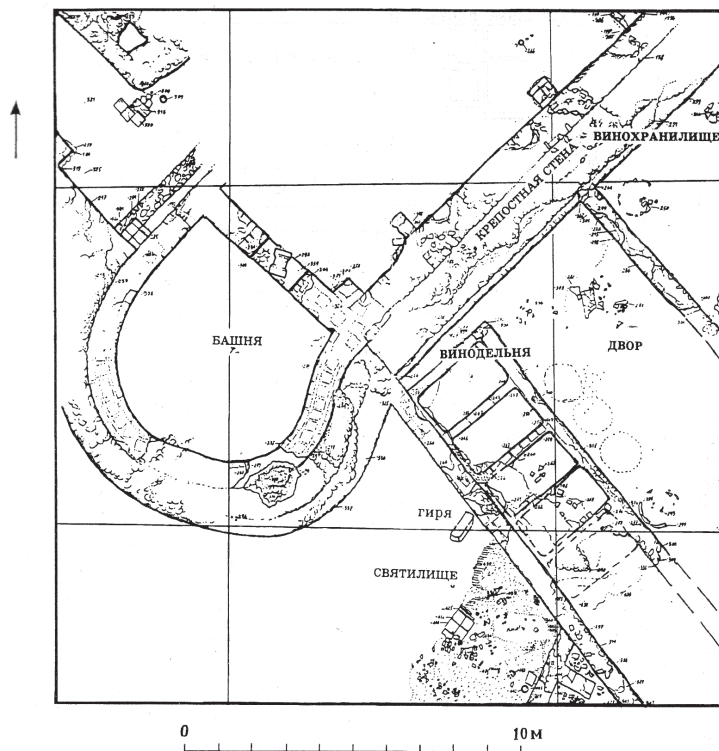

Рис. 1.

3: с. 101, 132 – ср. 1: с. 140–141; 37: р. 190]. Собственно в Нижней Мёзии похожие лаковые сосуды производились во II–III веках [39: р. 76–79], что же касается курильниц образца найденной нами, то их производство осуществлялось во второй половине II – начале III веков [39: р. 81. Table XVII; XL, 5; L, 5].

На втором очаге были открыты крупные фрагменты «серой македонской» («сива македонска») керамики (II–IV века) и рядом великолепная ручка бронзового сосуда. Эта эсхара также была построена из плинф и их крупных фрагментов и с северо-восточной стороны снабжена вертикально вкопанной трубой. Возле очагов были исследованы остатки строений, сложенных с техническими особенностями II–III веков, в частности, с применением раствора с осколками керамики¹ [20: с. 155]. Позднее, во второй половине III – первой половине IV веков н.э. остатки строений и эсхары оказались под основами комплекса роскошной укрепленной виллы, сооруженной также в смешанной технике (*opus mixtum*), популярной на Балканах в III – рубеже VI–VII веков н.э. [20: с. 195], на розовом растворе с шамотом. Следует добавить, что две плинфы первой эсхары имели

¹ Шамот — мелкодробленая керамика, в качестве присадки к обычной извести придавала большую прочность раствору и устойчивость к осадкам и температурным колебаниям. Такой раствор обеспечивал идеальную спайку для излюбленного римлянами сочетания камня и кирпича — *opus mixtum*, использовался начиная со II века до н.э. и позднее был унаследован от римлян византийцами.

повернутые вверх функциональные для лучшего схватывания раствора пальцевые штрихи крест-накрест и параллельно краям, что было характерно, согласно наблюдениям Ат. Милчева [32: с. 396], для III–IV веков. Впрочем, это не опровергает примерной датировки открытых возле Нижней Граштицы очагов первой половины III века н.э.

Было бы опрометчивым находить в последней детали скрытый сакральный смысл, тем более, что солярная символика не должна бы соответствовать этническому характеру культа домашнего очага, к которому имели непосредственное отношение фракийские эсхары. Согласно заключениям польского археолога М. Домарадского [25: с. 95–100], культ домашнего очага и вообще огня относится к числу древнейших и с эпохи ранней бронзы был известен на обширных территориях от Передней Азии до Центральной Европы. Он выделил в качестве атрибутов культа прежде всего орнаментированные глиняные алтари или «очаги», затем «коньки» — фигурки с головой (или двумя) животного, плоские сосуды на трех ножках или сосуды на высокой ажурной подставке («курильницы»), намеренно разбитую бытовую посуду и т.д. Таким образом, определять этногеографическую природу какого-либо из типичных проявлений культа домашнего очага совершенно бессмысленно хотя бы уже потому, что сложился этот культ задолго до оформления достаточно определенной этнической карты Евразии. Удивительно похожие атрибуты культа у кельтов и фракийцев IV века до н.э. — реминисценции одного общего древнего культа домашнего очага-эсхары (даже более широкого по распространению, нежели общеиндоевропейский) [см.: 9: с. 156–161; 17: с. 180–195; 30: с. 260–273].

Если ориентироваться на одну из последних, вышедших у нас, крупную археологическую работу по индоевропеистике [13: с. 92], то еще до Чатал-Хююка и, вероятно, производной от него европейской культуры Винча были характерны культовые сооружения с монументальным украшенным очагом. Над очагом по традиции на столбе вывешивался букраний, пластический орнамент покрывал плоскости печей, очагов и жертвенников, причем жертвенники украшались лепным декором, метопами с применением вообще распространенных на винчанской керамике криволинейных, спиральных и прямоугольных мотивов [13: с. 75–79]. М. Домарадский [25: с. 97] некоторые атрибуты культа домашнего очага отыскал в IV тыс. до н.э. в культурах Куро-Аракской и Лендзел, а В.А. Сафронов пытался доказать преемственность и производность культуры Лендзел от более ранней — Винча. У вероятных индоариев — носителей андроновской культуры — одним из шести типов очагов были правильные прямоугольной формы, причем именно они предположительно имели культовое назначение [10: с. 80–81], Е.Е. Кузьмина тут же отмечает наличие аналогов культовым круглым и прямоугольным очагам в Древнем Риме, причем квадратный очаг у римлян посвящался мужским божествам и предкам. Греческой богине — покровительнице домашнего очага

и вообще огня в Риме соответствовала Веста [16: с. 299; 19: с. 234], которой обычно будто бы предназначался круглый очаг для приготовления пищи.

В период между расселением индоариев и эпохой античности великолепные, богато орнаментированные очаги-жертвенники украшали дворцы мидийцев и ахейцев, более скромные известны на территориях Румынии (культура Витенберг) и Украины (Жаботин). Примеру владык Крита и Микен спустя века следовали одрисские цари Фракии, очень похожие атрибуты культа домашнего очага наблюдались у фракийцев, гетов, скифов, кельтов, причем во Фракии В. Любенова прослеживает их до рубежа IV–V веков н.э. Таким образом, эсхары из Нижней Граштицы и прочие фракийские очаги-жертвенники представляют собой памятники одной очень давней традиции.

В античном Северном Причерноморье каменные алтари прямоугольной формы выступали важной частью культового комплекса V–III веков до н.э. в Мирмекии [2: с. 110–111]; очаги-жертвенники помимо зольников Китея, Илурата и того же Мирмекия встречались и просто в быту Боспорского царства. В Зеноновом Херсонесе очаги с обгорелыми остатками жертвоприношений открыты в слое V–VI веков – заключительного периода функционирования городища на мысе Зюк [11: с. 155, 168]. В каждом конкретном случае встает вопрос о вероятной интерпретации таких памятников. В Северо-Западном Причерноморье в конце VI – первой половине V веков до н.э. в Ольвии и Никонии функционировали культовые комплексы с эсхарами для почитания хтонических, вероятно, связанных с земледелием божеств [5: с. 124–130; 14: с. 96–98]. Фракийцы тоже обращались к горным силам с пожеланием обеспечить плодородие и изобилие. Так, Румяной Георгиевой исследованы фракийские культовые ямы [21: с. 1–11; 22: с. 165–183] и она, аналогично В. Любеновой, приходит к заключению о глубокой связи во фракийском мире хтонических культов мертвых и плодородия, когда на алтаре очищение огнем сопровождалось дарами и жертвоприношениями вкупе с возлияниями (подробнее см.: [23: с. 216–232; 24: с. 233–241]). Принимая эти утверждения, можно попытаться все же истолковать наличие близ алтарей из Нижней Граштицы и Чаталки вертикально вкопанных труб. Вполне возможно, что сущность производившихся на таких эсхарах священнодействий объясняет наблюдение из довоенного исследования Кл. Шеффера об Угарите, воспроизведенное и развитое у И.Ш. Шифмана [18: с. 99]: «Значение магической церемонии, приносящей удачу, имеет, в частности, жертвоприношение Анату перед тем, как начать хлопоты о доме для Баалу: «Помести в землю жертву хлебную; / положи во прах мандрагоры; / вылей воздаяние в глубины земли, / спрячь котел в глубину полей».

Существование такого обряда подтверждается и археологически: при раскопках была найдена глиняная трубка, зарытая в землю в вертикальном положении, через нее совершались возлияния. На разных уровнях в трубке были сделаны отверстия, так что жидкость уходила в землю. У нижнего конца трубки

были зарыты котлы и ритоны, содержавшие, несомненно, ритуальные приношения. Связь описываемой церемонии с земледельческими культами очевидна; возможно, что в обычных условиях она совершалась перед началом полевых работ. Конечно же, призрачная аналогия с Ближнего Востока XIII века до н.э. отнюдь не убеждает в правомерности подобной реконструкции ритуала у фракийцев на своих эсхарах — на Балканах всегда была иная природная среда и свои глубокие традиции, ориентированные не только на специфику культурно-хозяйственного типа. В современной балканистике настойчиво ставится вопрос о выделении фракийских реликтов в болгарской средневековой культуре и некоторых даже в нынешней, то есть речь идет об устойчивом этнокультурном континуитете на землях древней Фракии [36: с. 7–34]. Имеется редкое, забытое практически исследование знаменитого российского слависта А.М. Селищева с довольно интересными наблюдениями по Македонии [15]. Так, невзирая на запрет еще императора Феодосия (Cod. Theod. XVI. 10, 12) приносить кровавые жертвы, эта греко-фракийская традиция продолжилась, причем кровь жертвенных животных у греков даже в XI–XIV веках выпускали и на землю, и на очаг [15: с. 267; 35: с. 114]. Вопреки противодействию православия это продолжалось и потом. По мнению А.М. Селищева, к XVII–XIX векам среди славян только будто бы у русских благодаря многовековому соседству с финскими народами и у болгар вследствие их близости к фракийцам и грекам сохранились кровавые жертвоприношения. Для обеспечения плодородия кровь животных спускали на землю, а иногда — на очаг (например, у финнов-вотяков). У древних греков в целях освящения и очищения места погребения на могилы умерших приносили поминальные продукты и резали черных животных, обычай заклания жертв над специальным отверстием отмечен еще Гомером (Od. XI. 33–36). Издавна хтоническим силам в честь героя-покровителя дома кровь черных животных выпускали на землю и очаг для обеспечения благополучия дому, то есть семье и роду. Любопытные моменты обрядов «стопан» (хозяин) или «стопанова гостба» и «наместник» [15: с. 273–275; 35: с. 107–110] в Болгарии истекших столетий, вероятно, воспроизводили магические действия далеких предков: «очаг очищали от пепла, делали в нем отверстие, зажигали огонь и по одной свече по обеим сторонам очага и у дверей; затем старейшая женщина резала жертву — черную курицу, так что вся кровь стекала в отверстие, после чего оно заравнивалось и замазывалось глиной», иначе же «закалывали совершенно черного барана над отверстием (ботросом), выкопанным на правой стороне очага, так что вся кровь стекала в него, после чего в отверстие складывали и внутренности барана, заравнивали и замазывали сверху глиной, а кровью смазывали и противоположную сторону очага; кровью жертвы рисовали кресты в левом углу у очага». В итоге эти казалось бы чисто домашние празднества заканчивались поеданием жертвенной пищи почему-то снаружи, вне дома. Продолжая анализ материалов, собранных Е. Теодоровым, вспоминается праздничное жертвоприношение «сбор», которое могло иметь и общественный, и семейно-частный характер, а также обряд «оброк», при кото-

ром жертвоприношение и пир осуществлялись непременно вне дома в особом месте — оброчном [35: с. 111–113]. Кстати, место для оброка обычно имело деревья, жертвенник и воду, то есть традиционно выбиралось в дубравах и у источников. Замечу, что нижнеграштицкие эсхары открыты у берега старого русла Струмы (гомеровского Стримона), где вблизи и доныне бьют холодные ключи. Они располагались вне интерьеров построек и вполне могли использоваться как жертвенники оброчного места.

Эта статья посвящена обнаруженным советским археологическим отрядом совместной болгаро-советской экспедиции близ города Кюстендила своеобразным очагам с вертикально вкопанными трубами и касается других подобных находок на древних фракийских землях, не получавших прежде научной интерпретации. Вполне возможно, что это были эсхары автохтонного населения горнобалканских районов, связанные с очень архаичным, универсальным для многих народов сельскохозяйственным культом, либо же культом поминовения предков.

Литература

1. *Буйских С.Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры) / С.Б. Буйских. – Киев: АН СССР, 1991. – 160 с.
2. *Виноградов Ю.А.* Мирмекий / Ю.А. Виноградов // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 99–152.
3. *Карышковский П.О.* Древний город Тира / П.О. Карышковский, И.Б. Клейман. – Киев: Наукова думка, 1985. – 159 с.
4. *Клейман И.Б.* Западнопонтийские и провинциалноримские культурно-экономические связи Тиры / И.Б. Клейман, Н.А. Сон // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1983. – С. 47–59.
5. *Козуб И.Ю.* Древнейший культовый комплекс Ольвии / И.Ю. Козуб // Художественная культура и археология античного мира. – М.: Наука, 1976. – С. 124–130.
6. *Крапивина В.В.* К вопросу о застройке Ольвии во II–III вв. / В.В. Крапивина // Античная культура Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 201–210.
7. *Крыкин С.М.* Долна Граштица-90: фракийские очаги и жертвенники / С.М. Крыкин // Этнографическое обозрение. – 2000. – №1. – С. 81–87.
8. *Крыкин С.М.* Позднеантичное и ранневизантийское «Градиште» у с. Долна Граштица близ Кюстендила / С.М. Крыкин // Болгаристика в системе общественных наук. II Всесоюзная конференция по болгаристике: тезисы докладов. – Харьков, 1991. – С. 24–25.
9. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античных городах Северного Причерноморья / С.М. Крыкин. – М.: Прометей, 1993. – 332 с.
10. *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? / Е.Е. Кузьмина. – М.: ВИНТИ, 1994. – 464 с.
11. *Масленников А.А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде / А.А. Масленников // Очерки археологии и истории Боспора. – М.: Наука, 1992. – С. 140–181.
12. *Русанова И.П.* Языческие святилища древних славян / И.П. Русанова, Б.А. Тимошук. – М.: НИАЦ Архэ, 1993. – 144 с.

13. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины / В.А. Сафронов. – Горький: Волговятское-Вятское изд-во, 1989. – 398 с.
14. Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н.э. / Н.М. Секерская. – Киев: Наукова думка, 1989. – 127 с.
15. Селищев А.М. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки Северо-Западной Македонии / А.М. Селищев. – София, 1929. – 439 с.
16. Тахо-Годи А.А. Гестия / А.А. Тахо-Годи // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 299.
17. Чичикова М. Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии / М. Чичикова // Studia Thracica-1: Фрако-скифские культурные связи. – София: Издательство на БАН, 1975. – С. 180–195.
18. Шифман И.Ш. Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв.) / И.Ш. Шифман. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
19. Штаерман Е.М. Веста / Е.М. Штаерман // Мифы народов мира. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 234.
20. Бобчев С.Н. Смесената зидария в римските и ранновизантийските строежи / С.Н. Бобчев // Известия на Археологическия институт. – Т. XXIV. – София, 1961. – С. 154–202.
21. Георгиева Р. Обредни ями в Тракия (края на II–I хил. пр. н.э.) / Р. Георгиева // Археология. – София, 1991. – № 1. – С. 1–11.
22. Георгиева Р. Обредни ями в Тракия (края на II–I хил. пр. н.э.) / Р. Георгиева // Етнология на траките / Р. Георгиева, Т. Спиридонов, Рехо. – М.; София: ун. изд-во св. Климент Охридски, 1999. – С. 165–183.
23. Георгиева Р. Погребението (края на II–I хил. пр. н.э.) // Етнология на траките / Р. Георгиева, Т. Спиридонов, Рехо. – М.; София: ун. изд-во св. Климент Охридски, 1999. – С. 216–232.
24. Георгиева Р. Поминални практики (края на II–I хил. пр. н.э.) // Етнология на траките / Р. Георгиева, Т. Спиридонов, Рехо. – М.; София: ун. изд-во св. Климент Охридски, 1999. – С. 233–241.
25. Домарадски М. Произход и хронология на зооморфните култови фигурки в Тракия през I хил. пр. н.э. / М. Домарадски // Thracia Antiqua-2. – София, 1977. – С. 95–100.
26. Дремсизова-Нелчинова Цв. Археологически паметници от Кюстендилски окръг / Цв. Дремсизова-Нелчинова, Л. Слокоска. – София: ДИ Септември, 1978. – 88 с.
27. Захариев Й. Кюстендилска котловина (географско-етнографско изследване) / Й. Захариев. – София: Изд-во на БАН, 1963. – 446 с.
28. Иванов Й. Северна Македония, исторически изследвания / Й. Иванов. – София, 1906. – 420 с.
29. Извори за Българската история. – Т. 2. – София: Изд-во на БАН, 1958. – 603 с.
30. Любенова В. Антична зооморфна пластика от окръжния музей — Перник / В. Любенова // Terra Antiqua Balcanica -2. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. – Т. LXXVII, 2). – София, 1985. – С. 260–273.
31. Милошевић Г. Ранновизантијска архитектура на Светињи у Костолацу / Г. Милошевић // Старинар. – XXXVIII. – Београд, 1987. – 236 с.
32. Милчев Ат. Археологически разкопки и проучвания в долината на Средна Струма / Ат. Милчев // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет (ГСУФИФ). – Т. LIII. – Кн. 1. 1959. – София, 1960. – С. 358–463.

33. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев дол, Пернишки окръг / В. Найденова // Разкопки и проучвания (РП), XIV. – София, 1985. – 152 с.
34. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско / Д. Николов // Разкопки и проучвания (РП), XI. – София, 1984. – С. 5–73.
35. *Теодоров Е.* Древнотракийско наследство в българския фолклор / Е. Теодоров. – София: Наука и изкуство, 1972. – 172 с.
36. *Фол А.* Политика и култура в древна Тракия / А. Фол. – София: Наука и изкуство, 1990. – 272 с.
37. *Krapivina V.* Olbia in the Roman Period / V. Krapivina // Limes. Studi di storia 5. – Bologna, 1994. – P. 190-195.
38. *Mikhailov St., Sestrimska M.* The Old School in Kiystendil. Materials from archaeological excavations / St. Mikhailov, M. Sestrimska. – Sofia: Bulgarski hudoznik, 1981. – 72 p.
39. *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd – IV-th. c.) / B. Sultov // Terra Antiqua Balkanica-1. (Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. – LXXVI, 2. – 1983). – София, 1985. – С. 25–117.

Literatura

1. *Buyskih S.B.* Fortifikaciya Ol'vijskogo gosudarstva (pervy'e veka nashej e'ry') / S.B. Bujskix. – Kiev: AN SSSR, 1991. – 160 s.
2. *Vinogradov Yu.A.* Mirmekij / Yu.A. Vinogradov // Oчерki arxeologii i istorii Bospora. – M.: Nauka, 1992. – S. 99–152.
3. *Kary'shkovskij P.O.* Drevnij gorod Tira / P.O. Kary'shkovskij, I.B. Klejman. – Kiev: Naukova dumka, 1985. – 159 s.
4. *Klejman I.B.* Zapadnopontijskie i provincial'norimskie kul'turno-e'konomicheskie svyazi Tiry' / I.B. Klejman, N.A. Son // Materialy' po arxeologii Severnogo Prichernomor'ya. – Kiev: Naukova dumka, 1983. – S. 47–59.
5. *Kozub I.Yu.* Drevnejshij kul'tovy'j kompleks Ol'vii / I.Yu. Kozub // Hudozhestvennaya kul'tura i arxeologiya antichnogo mira. – M.: Nauka, 1976. – S. 124–130.
6. *Krapivina V.V.* K voprosu o zastrojke Ol'vii vo II–III vv. / V.V. Krapivina // Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya. – Kiev: Naukova dumka, 1984. – С. 201–210.
7. *Kry'kin S.M.* Dolna Grashtica-90: frakijskie ochagi i zhertvenniki / S.M. Kry'kin // E'tnograficheskoe obozrenie. – 2000. – № 1. – S. 81–87.
8. *Kry'kin S.M.* Pozdneantichnoe i rannevizantijskoe «Gradishte» u s. Dolna Grashtica bliz Kyustendila / S.M. Kry'kin // Bolgaristika v sisteme obshhestvenny'x nauk. II Vsesoyuznaya konferenciya po bolgaristike: tezisy' dokladov. – Хар'ков, 1991. – S. 24–25.
9. *Kry'kin S.M.* Frakijcy' v antichny'x gorodax Severnogo Prichernomor'ya / S.M. Kry'kin. – M.: Prometej, 1993. – 332 s.
10. *Kuz'mina E.E.* Otkuda prishli indoarii? / E.E. Kuz'mina. – M.: VINITI, 1994. – 464 с.
11. *Maslennikov A.A.* Zenonov Hersones — gorodok na Meotide / A.A. Maslennikov // Oчерki arxeologii i istorii Bospora. – M.: Nauka, 1992. – S. 140–181.
12. *Rusanova I.P.* Yazy'cheskie svyatilishha drevnix slavyan / I.P. Rusanova, B.A. Timoshhuk. – M.: NIAC Arxe', 1993. – 144 s.
13. *Safronov V.A.* Indoevropeskie prarodiny' / V.A. Safronov. – Gor'kij: Volgo-vyatskoe-Vyatskoe izd-vo, 1989. – 398 с.

14. *Sekerskaya N.M.* Antichny'j Nikonij i ego okrugа v VI–IV vv. do n.e'. / N.M. Sekerskaya. – Kiev: Naukova dumka, 1989. – 127 s.
15. *Selishhev A.M.* Polog i ego bolgarskoe naselenie. Istoricheskie, e'tnograficheskie i dialektologicheskie ocherki Severo-Zapadnoj Makedonii / A.M. Selishhev. – Sofiya, 1929. – 439 c.
16. *Taxo-Godi A.A.* Gestiya / A.A. Taxo-Godi // Mify' narodov mira. – T. 1. – M.: Sovetskaya en'ciklopediya, 1987. – S. 299.
17. *Chichikova M.* Zhertvenniki e'llinisticheskoy e'poxi vo Frakii / M. Chichikova // Studia Thracica-1: Frako-skifskie kul'turny'e svyazi. – Sofiya: Izd-vo na BAN, 1975. – S. 180–195.
18. *Shifman I.Sh.* Kul'tura drevnego Ugarita (XIV–XIII vv.) / I.Sh. Shifman. – M.: Nauka, 1987. – 236 s.
19. *Shtaerman E.M.* Vesta / E.M. Shtaerman // Mify' narodov mira. – T. 1. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1987. – S. 234.
20. *Bobchev S.N.* Smesenata zidariya v rimskite i rannovizantijskite stroezhi / S.N. Bobchev // Izvestiya na Arxeologicheskiiya institut. – T. XXIV. – Sofiya, 1961. – S. 154–202.
21. *Georgieva R.* Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I xil. pr. n.e.) / R. Georgieva // Arxeologiya. – Sofiya, 1991. – № 1. – S. 1–11.
22. *Georgieva R.* Obredni yami v Trakiya (kraya na II–I xil. pr. n.e.) / R. Georgieva // Etnologiya na trakite / R. Georgieva, T. Spiridonov, Rexo. – M.; Sofiya: un. izd-vo sv. Kliment Oxridski, 1999. – S. 165–183.
23. *Georgieva R.* Pogrebenieto (kraya na II–I xil. pr. n.e.) // Etnologiya na trakite / R. Georgieva, T. Spiridonov, Rexo. – M.; Sofiya: un. izd-vo sv. Kliment Oxridski, 1999. – S. 216–232.
24. *Georgieva R.* Pominalni praktiki (kraya na II–I xil. pr. n.e.) // Etnologiya na trakite / R. Georgieva, T. Spiridonov, Rexo. – M.; Sofiya: un. izd-vo sv. Kliment Oxridski, 1999. – S. 233–241.
25. *Domaradski M.* Proizhod i xronologiya na zoomorfnite kultovi figurki v Trakiya prez I xil. pr. n.e. / M. Domaradski // Thracia Antiqua-2. – Sofiya, 1977. – S. 95–100.
26. *Dremsizova-Nelchinova Czv., Slokoska L.* Arxeologicheski pametnitsi ot Kyustendilski okr'g / Czv. Dremsizova-Nelchinova, L. Slokoska. – Sofiya: DI Septemvri, 1978. – 88 s.
27. *Zaxariev Y.* Kyustendilcka kotlovina (geografsko-etnografsko izsledvane) / Y. Zaxariev. – Sofiya: Izd-vo na BAN, 1963. – 446 s.
28. *Ivanov J.* Severna Makedoniya, istoricheski izsledvaniya / J. Ivanov. – Sofiya, 1906. – 420 s.
29. Izvori za B'lgarskata istoriya. – T. 2. – Sofiya: Izd-vo na BAN, 1958. – 603 s.
30. *Lyubanova V.* Antichna zoomorfna plastika ot okr'zhniya muzey — Pernik / V. Lyubanova // Terra Antiqua Balcanica – 2. (Godishnik na Sofijskiya universitet. Istoricheski fakultet. – T. LXXVII, 2). – Sofiya, 1985. – S. 260–273.
31. *Miloshevich G.* Rannovizantijska arhitektura na Sveti'ni u Kostolacu / G. Miloshevich // Starinar. – XXXVIII. – Beograd, 1987. – 236 s.
32. *Milchev At.* Arxeologicheski razkopki i prouchvaniya v dolinata na Sredna Struma / At. Milchev // Godishnik na Sofijskiya universitet. Filosofsko-istoricheski fakultet (GSUFIF). – T. LIII. – Kn. 1. 1959. – Sofiya, 1960. – S. 358–463.
33. *Najdenova V.* Rimskata vila v s. Krlev dol, Pernishki okr'g / V. Najdenova // Razkopki i prouchvaniya (RP), XIV. – Sofiya, 1985. – 152 s.

34. *Nikolov D.* Trakijskata vila pri Chatalka, Starozagorsko / *D. Nikolov* // *Razkopki i prouchvaniya (RP)*, XI. – Sofiya, 1984. – S. 5–73.

35. *Teodorov E.* Drevnotrakijsko nasledstvo v b'lgarskiya folklor / *E. Teodorov*. – Sofiya: Nauka i izkustvo, 1972. – 172 s.

36. *Fol A.* Politika i kultura v drevna Trakiya / *A. Fol*. – Sofiya: Nauka i izkustvo, 1990. – 272 s.

37. *Krapivina V.* Olbia in the Roman Period / *V. Krapivina* // *Limes. Studi di storia* 5. – Bologna, 1994. – P. 190–195.

38. *Mikhailov St., Sestrijska M.* The Old School in Kiykendil. Materials from archaeological excavations / *St. Mikhailov, M. Sestrijska*. – Sofia: Bulgarski hudozhenik, 1981. – 72 r.

39. *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II-nd – IV-th. c.) / *B. Sultov* // *Terra Antiqua Balkanica-1. (Godishnik na Sofiyetskiya universitet. Istoricheski fakultet. – LXXVI, 2. – 1983).* – Sofiya, 1985. – S. 25–117.

А.А. Платонова

Браки московских мещанок и крепостных в начале XIX века

Проблема социальных перемещений женщин в Российской империи остается практически неизученной. Между тем, в силу действовавшего в этот период принципа определения социального статуса женщины по отцу или супругу, изучение социальной мобильности женщин выходит за пределы исключительно «женской истории» и может дать богатый материал по проблеме формирования и динамики российского общества в целом.

Российское мещанство — низший разряд городских обывателей, самое массовое городское сословие, в течение XIX века было второй по численности после «сельских обывателей» категорией податного населения.

В конце XVIII – начале XIX веков ситуация вокруг личной свободы мещанок, выходящих замуж за крепостных, оставалась юридически неопределенной. Подчинение жены крепостного человека помещику в течение жизни мужа (вне зависимости от ее социального статуса до брака) не ставилось под сомнение и не оспаривалось. Однако известны обращения в суды вдов мещанского происхождения «отыскивающих себе свободу» после смерти крепостных мужей [8: с. 289].

В 1808 г. из судебного прецедента возникла важная для решения рассматриваемого вопроса норма права. Некий Онисим Белоусов — дворовой человек генерала от инфантерии Арбенева — женился на воспитаннице Мещанского училища при Воспитательном доме благородных девиц. Дворовой человек имел письменное разрешение своего господина, жениться на любой женщине, по своему выбору. Вступив в брак, Белоусов стал добиваться освобождения себя и супруги на основании «Учреждения» для Мещанского училища 1765 г. Сенат, рассматривавший это дело, оставил Белоусова во владении помещика «с предоставлением его жене пользоваться личной свободой». Александр I в порядке исключения распорядился освободить Белоусова с женой, а на будущее постановить следующее правило: брак крепостного с воспитанницей училища приводит к освобождению при условии, если помещик дает разрешение не просто на брак со свободной, но именно на брак с воспитанницей Мещанского училища. Во всех других случаях муж остается крепостным, хотя «вышедшая за него замуж воспитанница пользуется» «личной ея свободой, не сообщая» свободу ни мужу, ни детям [7: с. 82–83]. Указ касался только воспитанниц Мещанского училища, а не мещанок вообще. Однако он косвенно подтверждал, что брак с крепостным не уничтожает прежнего «свободного права» женщины.

В условиях отсутствия четкой правовой нормы, сохранение над вдовами-мещанками помещичьей власти или их освобождение зависело от произвола судей. В России начала XIX века продолжали действовать отдельные нормы Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года. Были случаи, когда суды оставляли женщин во владении помещиков, ссылаясь на 85 статью «Суда о холопех» [8: с.287]. Согласно этой статье Уложения, «кто кабалного своего холопа женит у себя на вольной жонке, а после того тот кабалной холоп у него умрет, а та жонка, которая за тем его человеком была, от него збегит... ту жонку по первом ее муже отдать тому ее прежнему боярину...» [9: с. 149]. В других судах вдову признавали свободной, опираясь на запрет времен Екатерины II «укреплять за собой» лично-свободных людей и на вышеописанный прецедент жены Онисима Белоусова [8: с. 287].

Ситуация оставалась юридически спорной до 1815 г., когда был издан указ «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения». Указ устанавливал следующую правовую норму: «все вольного происхождения вдовы и девки, вышедшие замуж за помещичьих дворовых людей и крестьян, по смерти мужей их, в число крепостных обращаемы быть не должны» [8: с. 287].

В издании свода «Законов о состояниях» 1842 г. подтверждается, что «браком ни в коем случае не сообщается крепостное состояние; и лица женского пола, вступившие в замужество за крепостных людей, хотя остаются в повиновении помещику по мужу, не теряют чрез то вовсе свободного своего состояния, и по смерти мужа не могут быть обращены в число крепостных». Законные дети, рожденные в браке с крепостным, признавались крепостными, «хотя бы мать их была свободного происхождения» [10: с. 177–178]. Таким образом, крепостное право для мещанки в браке с крепостным де-юре не существовало, но де-факто на период жизни супруга мещанка должна была оставаться «в повиновении помещику».

Москва первой половины XIX века была крупнейшим сосредоточением крепостного населения. Помимо дворовых людей, «жительствовавших» в домах господ и обслуживающих своих помещиков, в Москве находились (постоянно или временно) значительное число оброчных крестьян и дворовых людей, занятых в мастерских, на мануфактурах, фабриках и других предприятиях. По данным Я.Е. Водарского в Москве 1811 года крестьяне и дворовые люди составляли 61% населения, в 1852 г. — 58% [1: с. 232]. Старая столица была «общим для многих городов и уездов училищем мастерства и рукоделий». С целью обучения ремеслу и дополнительного заработка в город из уездов стекались государственные крестьяне и господские люди [2: с. 24]. Последние могли отправляться в Москву по приказу помещика. Рабочий М.П. Петров записал воспоминания своего отца — бывшего дворового, который в возрасте приблизительно двенадцати лет был отправлен в Москву «на оброк». «Сдали меня [на котельный завод] за 25 рублей в год, — рассказывал бывший дворо-

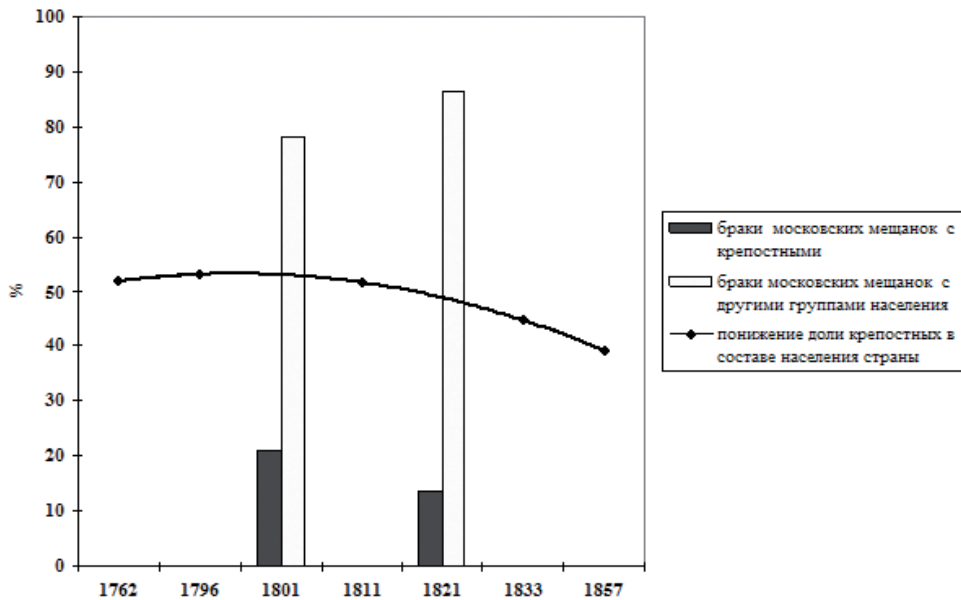
вой, — то есть заводчик должен был эти деньги уплатить помещику. Кормить и давать квартиру должен был заводчик, а обучать и одевать должен был помещик...» [6: с. 496].

Анализ метрических книг, хранящихся в фонде Московской духовной консистории (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1), позволил установить, что в первой половине XIX века браки между московскими мещанами и крепостными были явлением достаточно распространенным. В 1801 г. доля браков между московскими мещанками и крепостными составляла около 21% всех случаев замужества дочерей и вдов мещан. Двадцать лет спустя, несмотря на законодательное решение о социальном статусе вдов, которое теоретически могло бы стимулировать рост браков между мещанками и крепостными, этот показатель снижается (приблизительно на 8,4%) до 13,6%.

Уменьшение доли брачных союзов крепостных людей и московского мещанства может быть связано со снижением удельного веса крепостных людей в составе населения. В первой половине XIX века отмечается факт падения в общем составе населения доли крепостных: если в 1796 г. они составляли 53,9%, то в 1811 г. — 51,7%, в 1833 г. — 44,9%, а в 1857 г. только — 39,2% [5: с. 166]. Это явление, получившее в исторической литературе название «вымирание помещичьего крестьянства», имеет богатую историографию. Однако его причины остаются дискуссионными.

На диаграмме 1 представлен график изменения общей доли крепостного населения на фоне выявленного в результате анализа автором метрических книг колебания брачного выбора московских мещанок в первой четверти XIX века.

Диаграмма 1

Темпы снижения удельного веса крепостных людей в течение первой половины XIX века нельзя назвать стабильными. За период между пятой (1795 г.) и шестой (1811 г.) ревизиями доля крепостных в составе населения уменьшилась незначительно. Динамика «вымирания помещичьего крестьянства» явно усиливается только с 1830-х гг., когда прекращается рост его абсолютной численности [З: с. 69, 89, 117].

Таким образом, маловероятно, что отмеченное колебание брачного выбора было вызвано исключительно снижением удельного веса крепостных.

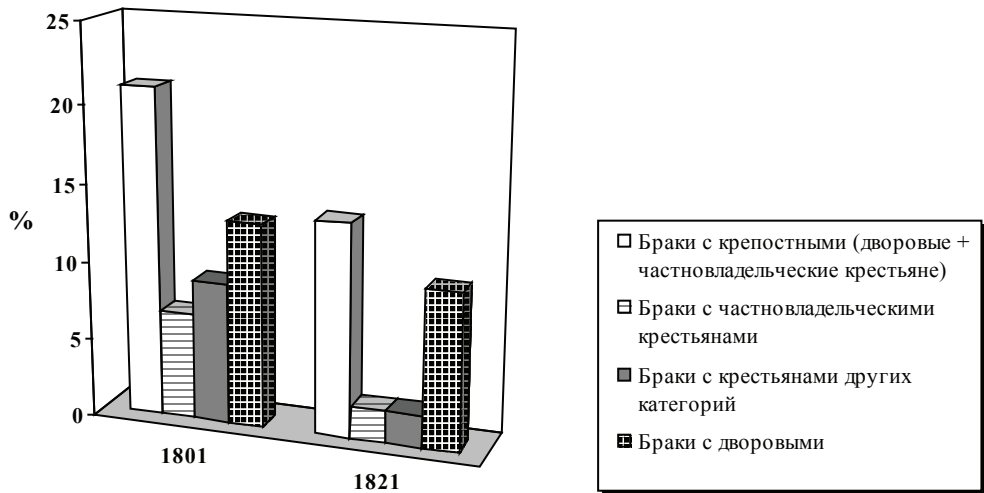
Стоит обратить внимание на то, что в 1821 г. прослеживается снижение доли браков московских мещанок с мужчинами, чье сословное состояние определяется в метрической книге как крестьянин. Причем, это относится ко всем категориям крестьян: крепостным, экономическим, удельным и пр. Если в 1801 г. в брак с крестьянами вступали приблизительно 16% мещанок, то в 1821 г. только около 4%. Среди женихов мещанок доля крепостных крестьян опустилась с 7% до 2%, доля других групп крестьян (условно назовем их государственными) — с 9% до 2%.

Крепостное население в России было представлено не только «владельчески-ми» крестьянами, но и дворовыми людьми, которые также с точки зрения закона относились к «состоянию сельских обывателей». Помещик имел право переводить крестьянина в дворовые и дворового в крестьяне по собственной воле без какого-либо юридического оформления. Указ о запрещении помещикам переводить крестьян в дворовые люди вышел только в 1858 г. В историографии дворовые как социальная группа, вычлененная из помещичьего крестьянства, рассматривается весьма редко. Тем не менее, законодательные, частнопроводные, литературные источники убеждают, что дворовые если не составляли замкнутого сословия, то, по крайней мере, выступали относительно стабильной, самовоспроизводящейся группой. Один из героев романа Ф.М. Достоевского «Подросток» подчеркивает отличие дворовых от крестьян, говоря: «Макар Иванович прежде всего — *не мужик*, а дворовый человек, ... бывший дворовый человек и бывший слуга, родившийся слугою и от слуги». Дворовые выделялись из массы крепостного населения, в первую очередь, *некрестьянским* характером трудовой деятельности: служба домашней прислугой в сельской и городской усадьбе, ремесло, работа по найму на промышленных предприятиях.

Именно дворовые люди составляли абсолютное большинство крепостных супругов московских мещанок. Доля дворовых людей среди крепостных женихов московских мещанок за 20 лет вырастает. В 1801 г. на союзы с дворовыми приходилось почти 70% всех браков мещанок с крепостными, в 1821 г. — 85%.

Таким образом, создается впечатление, что снижение доли браков мещанок с крепостными в конце первой четверти XIX века было *вызвано, главным образом, уменьшением в Москве доли мещанско-крестьянских браков.*

Браки московских мещанок

Чем можно объяснить снижение популярности брачных союзов мещанских девушек с крестьянами? В традиционном обществе существует четкая установка на социальное равенство будущих супругов: браки стремятся заключать внутри собственной или близкой страты. Логично допустить, что распространение и характер межсословных браков в мещанской среде отражали изменение стратификации московского мещанства. Среди стратификационных признаков одна из ключевых позиций принадлежит трудовой деятельности. Группы работников, сходные по характеру выполняемого труда, отличаются специфическим социальным обликом и стилем жизни.

Быт малых российских городов, а также окраин средних и больших городов вплоть до начала XX века сохранял черты аграрных поселений. Сельскохозяйственный труд занимал значимое, а иногда и центральное место в жизнеобеспечении мещан.[4: с 233–238]. В Москве конца XVIII века под пашню отводилось 306 десятин или 3,3% общей площади города, земли под сенокосы и выгоны — 1 667 десятин или около 18% [1: с. 366]. Пашни, сенокосы и выгоны в городе использовались только городскими обывателями — мещанами и купцами. В течение последующих пятидесяти лет сельскохозяйственные площади в Москве сокращаются, что отражается на характере трудовой деятельности мещан. В 1865 г. М. Щепкин, исследовавший доходы московских городских сословий, пишет: «Не имея в своем распоряжении *никаких земельных угодий*, как мещане многих других городов, московские мещане *исключительно занимаются мелкой торговлей и ремеслом*, а обедневшие, может быть до 10 000 чел., промышленяют личным наймом» [11: с. 45] (курсив мой — А.П.).

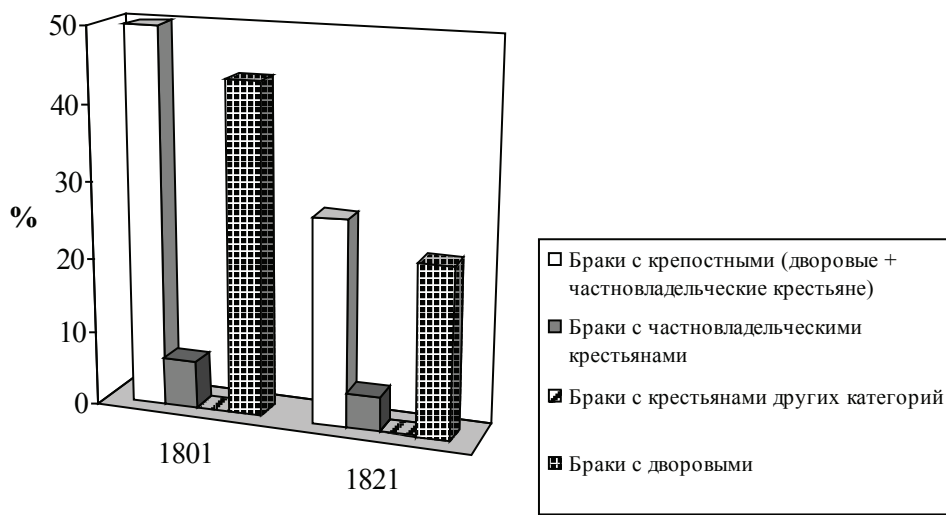
Можно предположить, что постепенное снижение роли земли и сельскохозяйственного труда в жизни московских мещан обусловило уменьшение

внутри московского мещанства страты, предельно близкой к крестьянству по характеру трудовой деятельности и образу жизни, что в свою очередь отразилось на степени распространенности крестьянско-мещанских браков.

Это предположение подтверждается сравнением брачного выбора мещанок с данными по сословию московских цеховых ремесленников. В отличие от мещан ведущая трудовая деятельность цеховых в силу сословной принадлежности *не могла носить сельскохозяйственного характера*. В 1801 г. дочери и вдовы московских цеховых выходили замуж за крестьян в два с половиной раза реже, чем мещанки. Причем среди браков с крестьянами абсолютно преобладали браки с крепостными (вероятно оброчными крестьянами), браки с государственными крестьянами встречались крайне редко, составляли менее 1 %. Двадцать лет спустя, доля браков представительниц сословия цеховых с крестьянами еще несколько уменьшилась и составила около 4,5 %. Примерно, такой же процент в 1821 г. составляли браки мещанок с крестьянами всех категорий. Таким образом, в условиях постепенной урбанизации и уменьшения сельхозугодий в черте города процент мещанско-крестьянских браков понизился и вплотную приблизился к аналогичному показателю в среде профессиональных ремесленников.

Диаграмма 3

Браки дочерей и вдов московских цеховых

Брачный выбор в рамках социальной группы всегда определяется комплексом взаимосвязанных причин. Одна из ведущих причин сокращения браков мещанок с крепостными в Москве первой четверти XIX века была, вероятно, связана с перестройкой трудовой деятельности семей московских мещан на специфически городские виды деятельности, что в свою очередь обусловило поиск брачной партии среди городских сословий.

Литература

1. *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты) / Я.Е. Водарский. – М.: Институт Российской истории РАН, 2006. – 415 с.
2. *Гаврилова И.Н.* Демографическая история Москвы / И.Н. Гаврилова. – М.: Фаст-Принт, 1997. – 300 с.
3. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. / В.М. Кабузан. – М.: Наука, 1971. – 190 с.
4. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты / Л.В. Кошман. – М.: РОССПЭН, 2008. – 448 с.
5. *Миронов Б.Н.* Демографическая загадка: уменьшение численности помещичьих крестьян в России первой половины XIX в. / Б.Н. Миронов // *Материалы церковно-приходского населения как историко-демографический источник.* – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. – с. 164-176.
6. *Петров М.П.* Мои воспоминания / М.П. Петров // *Московская старина: воспоминания москвичей прошлого столетия.* – М.: Правда, 1989. – С. 496–504.
7. Полное собрание законов Российской империи I. – Т. XXX. – СПб., 1830.
8. Полное собрание законов Российской империи I. – Т. XXXIII. – СПб., 1830.
9. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. – М.: Издание Московского юридического института, 1951. – 170 с.
10. Свод законов о состояниях. – СПб., 1842. – 402 с.
11. *Щепкин М.* Бюджеты трех московских сословий: купеческого, мещанского и ремесленного / М. Щепкин. – М.: Типография Грачева и комп., 1865. – 68 с.

Literatura

1. *Vodarskij Ya.E.* Issledovaniya po istorii russkogo goroda (fakty', obobshheniya, aspekty') / Ya.E. Vodarskij. – M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 2006. – 415 s.
2. *Gavrilova I.N.* Demograficheskaya istoriya Moskvy' / I.N. Gavrilova. – M.: Fast-Print, 1997. – 300 s.
3. *Kabuzan V.M.* Izmeneniya v razmeshhenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. / V.M. Kabuzan. – M.: Nauka, 1971. – 190 s.
4. *Koshman L.V.* Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: social'ny'e i kul'turny'e aspekty' / L.V. Koshman. – M.: ROSSPE'N, 2008. – 448 s.
5. *Mironov B.N.* Demograficheskaya zagadka: umen'shenie chislennosti pomeschich'ix krest'yan v Rossii pervoj poloviny' XIX v. / B.N. Mironov // *Materialy' cerkovno-prihodskogo naseleniya kak istoriko-demograficheskij istochnik.* – Barnaul: Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – S. 164–176.
6. *Petrov M.P.* Moi vospominaniya / M.P. Petrov // *Moskovskaya starina: vospominaniya moskvichej proshlogo stoletiya.* – M.: Pravda, 1989. – S. 496–504.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii I. – T. XXX. – SPb., 1830.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii I. – T. XXXIII. – SPb., 1830.
9. Sobornoe ulozhenie carya Alekseya Mixajlovicha 1649 goda. – M.: Izdanie moskovskogo yuridicheskogo instituta, 1951. – 170 s.
10. Svod zakonov o sostoyaniyah. – SPb., 1842. – 402 s.
11. *Shhepkin M.* Byudzhety' trex moskovskix soslovij: kupecheskogo, meshhanskogo i remeslennogo / M. Shhepkin. – M.: Tipografiya Gracheva i komp., 1865. – 68 s.

Из истории современности

А.Ф. Рагимова

Россия и СНГ: аспекты гуманитарного сотрудничества (на примере Азербайджана)

Если проанализировать историю Содружества независимых государств с момента его создания, то очевидным становится тот факт, что движение стран СНГ по пути создания единого политико-экономического пространства было трудным и сложным процессом. Но страны постепенно преодолевали и продолжают преодолевать сложности на этом пути. В 2005 году, в преддверии 15-летнего юбилея Содружества, прозвучало предложение о создании единого гуманитарного пространства.

Гуманитарное сотрудничество — важный фактор развития интеграционных процессов и укрепления связей на пространстве Содружества независимых государств. Это направление в международных отношениях способствует дальнейшему углублению взаимопонимания между народами СНГ, сохранению общего культурного наследия и гуманистических ценностей, развитию человеческого потенциала и научно-образовательных возможностей; обеспечению экономического прогресса [11: с. 153–155]. Знаковым этапом для расширения масштабов взаимодействия государств в гуманитарной сфере стал 2005 год: по инициативе Российской Федерации главами стран Содружества была подписана Декларация о гуманитарном сотрудничестве. Затем было принято соответствующее Соглашение. Последующим шагом стало создание Совета по гуманитарному сотрудничеству и подписание Договора о создании Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества и его устава. Договор предусматривает углубление интеграционного взаимодействия в гуманитарной сфере, и этот вопрос занимает важное место в практической деятельности всех органов власти СНГ [6: с. 182]. В настоящее время идет поступательное формирование единого образовательного пространства, решаются актуальные вопросы здравоохранения, социальной защиты и занятости населения, расширяются масштабы сотрудничества в области культуры и информации.

Обретение государственной независимости — это не итог исторического развития нации, а рубеж, который требует решения новых возникших проблем. Государственный суверенитет решает определенные проблемы прошлого, но вместе с тем порождает новые [6: с. 19–20].

Всякий государственный суверенитет предполагает включение в мировое сообщество, в его политическую, экономическую и духовную жизнь. В целях укрепления единого гуманитарного пространства в рамках СНГ Азербайджан присоединился к Соглашению «О гуманитарном сотрудничестве стран-участниц СНГ». Наряду с другими странами Содружества Азербайджан активно развивает двусторонние отношения с Россией. И, пожалуй, российское направление — важнейшее в системе внешнеполитических связей республики. Дипломатические отношения между Россией и Азербайджаном были установлены 4 апреля 1992 года. По историческим меркам срок небольшой. Но в современном, быстро меняющемся мире он вместил многое, начался новый этап общей истории двух стран, новым содержанием пополняется их сотрудничество [2: с. 15–16].

Следует особо подчеркнуть, что российско-азербайджанские отношения в последнее время вышли на новый уровень после официального визита в январе 2001 года бывшего президента РФ, а ныне премьер министра В.В. Путина в г. Баку, который придал существенный импульс развитию двусторонних отношений [8: с. 271]. «Мы должны вывести свои отношения на новый, более высокий уровень стратегического партнерства. Активно сотрудничать между собой в интересах превращения Кавказа в регион мира и добрососедства», — отметил В.В. Путин в выступлении перед депутатами Парламента Азербайджана (Парламентская газета. — 2001. — 11 января). В июле 2009 года, находясь с визитом в Баку, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев отметил: «Россия и Азербайджан имеют множество экономических, культурных и духовных связей, у которых прослеживается тенденция постоянного развития» (Независимая газета. — 2009. — 2 июля).

«Азербайджан всегда исходил из того, что Россия — наш большой северный сосед, с которым важно и нужно строить добрые, открытые и стабильные отношения», — об этом неоднократно заявлял ныне покойный президент Азербайджана Г.А. Алиев [4: с. 8].

Во время визита в Москву президента Азербайджана И. Алиева в октябре 2004 года оба президента отметили высокий уровень политического диалога, интенсивность контактов между двумя странами на разных уровнях. Президент Азербайджана И. Алиев отметил также, что уровень политических контактов на сегодня полностью отвечает взаимным интересам двух государств, и в настоящее время между Россией и Азербайджаном нет нерешенных проблем, а существовавшие когда-то проблемы остались позади (Независимая газета. — 2004. — 16 октября).

2005 г. был объявлен Годом Азербайджана в России, 2006 г. — Годом России в Азербайджане. Оба государства придавали большое значение проведению этих значительных событий. Благодаря мероприятиям, которые проходили во многих городах обоих государств, народы и страны становились еще ближе. Причем, надо отметить, что эти мероприятия проводились как по государственной линии, так и в рамках «народной дипломатии», что имело немаловажное значение в укреплении гуманитарного сотрудничества.

На сегодняшний день существует огромная нормативно-правовая база, на основе которой строятся отношения двух стран и осуществляются совместные проекты. Это — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности, подписанный 3 июля 1997 г. между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой; Бакинская декларация от 9 января 2001 г., Московская декларация от 6 февраля 2004 г., Совместное заявление президентов двух государств от 22 февраля 2006 г., Декларация о дружбе и стратегическом сотрудничестве от 3 июля 2008 г. и другие. В настоящее время договорно-правовая база между двумя странами насчитывает около 110 межгосударственных, межправительственных и межрегиональных соглашений [9: с. 221].

Тщательно анализируя ситуацию, сложившуюся в последние годы на постсоветском пространстве и особенно в российско-азербайджанских отношениях, можно придти к однозначному выводу: несмотря ни на какие сложности, с которыми сталкиваются оба государства, только полномасштабное экономическое, политическое и гуманитарное сотрудничество может стать фактором, способным сыграть решающую роль в укреплении отношений двух стран [14: с. 27–28].

Гуманитарная составляющая российско-азербайджанского сотрудничества занимает важное место в отношениях двух государств. Президент Азербайджана И. Алиев характеризует российско-азербайджанские взаимосвязи в гуманитарной области в качестве «основы для сотрудничества во всех остальных сферах» (Международный еженедельник. — 2010. — 25 января). Из 100 межгосударственных, межправительственных и межорганизационных соглашений, подписанных Азербайджаном и Россией, большая часть охватывает гуманитарные области. К ним можно отнести межправительственное соглашение о культурном и научном сотрудничестве (июнь 1995 г.), о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации (25 июля 1995 г.), о научно-техническом сотрудничестве (7 октября 1995 г.), об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров (3 июля 1997 г.), о сотрудничестве в области информации (16 октября 2000 г.), о научно-техническом сотрудничестве между Российской Академией Наук и Национальной Академией Наук Азербайджана (6 октября 2006 г.) и др. [12: с. 167–168].

Тесное переплетение человеческих судеб, общность духовных ценностей, взаимопроникновение и взаимообогащение самобытных культур, вековые

традиции дружбы, выдержавшие испытание Великой Отечественной войной, оказались сильнее любых конъюнктурных расчетов [1: с. 16].

Если попытаться проследить историю российско-азербайджанских отношений в аспекте гуманитарного сотрудничества, то даже краткий в нее экскурс потребовал бы проведения многолетнего исследования. Здесь можно вспомнить и российских просветителей, и профессора Санкт-Петербургского и Казанского университетов Мирзу Казым-бека, великолепного лермонтовского «Ашуг Гариба», созданного по мотивам азербайджанской легенды, и проникновенные есенинские строчки, посвященные Баку, и множество других знаковых событий и явлений в более чем двухвековой летописи общей истории двух стран. В подтверждение можно привести пример о том как, когда трагически погиб А.С. Пушкин, родоначальник азербайджанского реализма М.Ф. Ахундов написал поэму «На смерть поэта». Это был единственный на всем мусульманском Востоке отклик на невосполнимую утрату русского народа. И этот факт говорит о многом.

Немногие сейчас знают, что среди восьми полководцев-героев Первой мировой войны, награжденных Георгиевским оружием, был азербайджанец С. Мехмандаров, единственный из представителей многонационального Кавказа. Русские коллеги окрестили азербайджанца А. Шихлинского «отцом русской артиллерии», а в учебниках по военному искусству прочно закрепился термин «треугольник Шихлинского». Свыше 680 тысяч азербайджанцев сражались в годы Великой Отечественной войны, более 130 из них были удостоены звания Героя Советского Союза, 14 воинов стали полными кавалерами ордена Славы [5: с. 120].

В памяти старших поколений еще сохранились Декады и Недели дружбы, когда азербайджанская культура демонстрировала свои достижения в Москве, а азербайджанские зрители имели возможность посмотреть спектакли московских театров в Баку. Неотъемлемой частью общей истории стал триумф оперы композитора У. Гаджибекова «Кероглы» в Москве, и приезд в Баку такого корифея русской культуры, как Д.Д. Шостакович.

Открытие 12 октября 2001 г. памятника гению русской поэзии А.С. Пушкину в Баку и 9 июня 2002 г. памятника великому азербайджанскому поэту и мыслителю Низами в Санкт-Петербурге ознаменовало переход сотрудничества двух стран в новую плоскость. Фактически это был старт программы российско-азербайджанского стратегического сотрудничества в гуманитарной плоскости. Это — этап, когда от заявлений и соглашений переходят к стадии конкретной реализации намерений стран. Высказанная когда-то Г. Алиевым мысль о России, как стране, традиционно воплощающей в себе великие цивилизации Запада и Востока и играющей уникальную роль в мировой политике, ясно определяет роль и место России во внешней политике Азербайджана. При этом, говоря о духовных истоках великой русской культуры, Г. Алиев

особо подчеркивал, что для него символом истинного величия русского духа является празднование 800-летия Низами в холодных залах Эрмитажа во время блокады Ленинграда [3: с. 14].

Итак, можно утверждать, что границы возводят государства, а культурные взаимосвязи их расширяют. Это важно, чтобы народы лучше понимали друг друга.

Сегодня гуманитарное сотрудничество успешно развивается по многим направлениям, в том числе в сфере долгосрочного сотрудничества по формированию единого культурного пространства.

Известно, что «камнем преткновения» в ряде стран постсоветского пространства в отношениях с Россией стала проблема использования русского языка. Любой живущий в Азербайджане человек может подтвердить, что вышесказанное никаким образом не относится к этой стране. Поддержка русского языка — неотъемлемая часть поддержания гуманитарных отношений между двумя странами, и многое делается для совершенствования в данной области [13: с. 42–43].

Самостоятельная деятельность в Азербайджане таких информационных агентств, как ИТАР-ТАСС и РИА-Новости, говорит о том, что Азербайджан не перестает уделять внимание русскому языку в области информационного обмена. В Азербайджане смогли сохранить в системе образования не только изучение русского языка, но и обучение на русском языке. Русский язык представлен как на уровне получения среднего и высшего образования на этом языке, так и изучения русского языка как иностранного. К примеру, свыше 16 тысяч студентов получают образование в вузах на русском языке. Надо отметить, что на бытовом уровне широко распространено русскоязычие, которое превосходит по уровню распространения удельный вес русского населения республики. За время, которое прошло с момента обретения независимости, в стране не было закрыто ни одной русской школы. В Баку действует крупная Русская Община, открыт Дом русской книги, работает театр русской драмы, издаются русскоязычные газеты и журналы [10: с. 345].

Министр образования и науки РФ А. Фурсенко в ходе визита в Азербайджан в марте 2007 года посетил одну из Бакинских средних школ. Побеседовав с учениками и преподавателями как русского так и азербайджанского секторов, министр особо отметил грамотность речи на русском языке азербайджанских школьников. По указанию министра около 310 наименований книг, учебников и учебных пособий на русском языке были переданы в учебные заведения Азербайджана. Они, по заключению учителей, востребованы как дополнительные учебные пособия, так как школьники заинтересованы в глубоком изучении русского языка. Соглашение о признании документов, касающихся образования, ученых степеней и ученых званий, подписанное между двумя странами в сентябре 2002 года, оказало большое влияние на развитие науки и образования в Азербайджане.

Открытие в Азербайджане Бакинского филиала МГУ имени Ломоносова представляет собой наглядную демонстрацию того, что для успешного сотруд-

ничества имеются солидные возможности. Активно содействует формированию и развитию русскоязычного образовательного и культурного пространства Бакинский Славянский Университет, который тесно сотрудничает с российскими вузами, в частности с Московским городским педагогическим университетом. В Бакинском Славянском Университете проводится работа по приобщению к русской культуре и русскому языку не только азербайджанцев, но и сотен студентов из Ирана, Турции, стран Арабского Востока и других стран Азии [12: с. 186]. Одновременно в российских вузах получают образование сотни молодых азербайджанцев. В 2007 г. Россия выделила Азербайджану 178 государственных стипендий на различные виды подготовки в своих высших учебных заведениях. В 2008 г. было предоставлено 198, а в 2009 г. — уже 284 стипендии. В настоящее время в высших учебных заведениях России обучается 5 755 граждан Азербайджана, в том числе 1 420 за счет федерального бюджета Российской Федерации (Россия – Азербайджан: [сайт]. www.embrus-az.com/relations.html).

За последние годы произведения русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Достоевского, Булгакова, Блока, Есенина и других — были изданы в переводе на азербайджанский язык общим тиражом в полутора миллиона экземпляров. Реализация всех этих гуманитарных проектов стала возможной благодаря динамичному развитию двух стран.

Необходимо также отметить, что на протяжении последних лет на историческом факультете МГУ и РГГУ ведется преподавание ряда предметов на азербайджанском языке, и в 2009 году были защищены первые дипломные работы, посвященные истории современности Азербайджана и механизмам двусторонних отношений.

Определенный вклад в развитие отношений двух стран, особенно в гуманитарном направлении вносят общественные неправительственные организации. Сегодня, учитывая сложное геополитическое положение на Кавказе, неправительственные организации наряду с политическими руководителями, деловыми людьми стараются продумать свою модель развития отношений между Россией и Азербайджаном. Важным событием в сфере российско-азербайджанских отношений стало проведение 22 июня 2000 года в Москве учредительного съезда Всероссийского азербайджанского конгресса (ВАК), в работе которого приняли участие более 50 азербайджанских организаций, действующих в большинстве субъектов России. Этот форум продемонстрировал огромный потенциал азербайджанской диаспоры в России, ее способность оперативно мобилизоваться для решения конкретных политических и иных вопросов, актуальных как для жизни России, так и для российско-азербайджанских отношений. Азербайджан и Россия придают большое значение роли ВАК, рассматривая его как действенный механизм консолидации профессионального и интеллектуального потенциала российских граждан азербайджанской национальности, развития и углубления российско-азербайджанских отношений.

Ярким примером деятельности общественных организаций в углублении двустороннего сотрудничества выступает работа Фонда Гейдара Алиева, которую возглавляет посол доброй воли двух организаций — ЮНЕСКО и Организации образования, науки и культуры исламских стран — М. Алиева. Российское направление — одно из главных в деятельности Фонда, о чем свидетельствует создание российского представительства этой организации в Москве. При поддержке Фонда была создана самая крупная и самая активная молодежная организация в России — Азербайджанская молодежная организация России (АМОП). Цель создания АМОП — осуществление национальных культуротворческих инициатив, просветительство, благотворительность, деятельность, направленная на укрепление и развитие российско-азербайджанских отношений, активизация молодежных инициатив.

Фонд Г. Алиева патронирует некоторые образовательные программы в республике, в частности Международный фестиваль «БиблиОбраз». Основные задачи фестиваля: презентация инновационного опыта работы школьных библиотек, эффективных форм их общественной и государственной поддержки; популяризация новых программ продвижения и развития чтения среди подростков; знакомство с лучшими образцами современной художественной и научно-популярной литературы для юного читателя. Фестиваль «БиблиОбраз» проводится каждые два года и призван показать лучший опыт школьной библиотеки. Основным девизом фестиваля в 2007 году: «Узнаем лучше друг друга!». В работе Фестиваля принимали участие представители 20 стран, в том числе и Азербайджана. Фонд Г. Алиева представлял Азербайджан на международном фестивале. Делегация продемонстрировала произведения классиков азербайджанской литературы в переводе на русский и другие языки, изданные на высоком полиграфическом уровне. На фестивале были выставлены также миниатюры, мини-ковры, музыкальные инструменты и др. В студии «Книжный театр» были представлены спектакли по мотивам азербайджанских народных сказок с участием театра пантомимы. Девизом фестиваля «Узнаем лучше друг друга» предоставлял для этого широкие возможности. Учащиеся 157-й московской школы с азербайджанским этно-культурным уклоном показали красочное театрализованное представление «Национальная одежда Азербайджана глазами русского художника Г. Гагарина», оживили картины мастера, побывавшего в Азербайджане в XIX веке. Участники фестиваля стали свидетелями увлекательного «Музыкального путешествия по Азербайджану», повествующего об истории национальных народных инструментов. Также было проведено интерактивное шоу с участием зрителей и главным режиссером Азербайджанского русского драматического театра Александра Шаровского. Инициатива, затеянная взрослыми, нашла отклик в душах детей — так можно было охарактеризовать этот Международный Фестиваль «БиблиОбраз». Книга позволяет найти компромисс между народами — таков был лейтмотив фестиваля.

Формирование образа страны — новая задача, для которой нет готовых рецептов, а многие известные инструкции в постсоветских условиях просто не работают [7: с. 17]. Сотрудничество российско-азербайджанских организаций, продвигающих социокультурный образ и гуманитарные достижения друг друга, закономерно, оно упрочивает связи, делает перспективу будущего развития межгосударственных отношений в многостороннем формате более надежной.

Учитывая тот факт, что в настоящее время в Азербайджане проживают около 170 тысяч русских, а в России по разным оценкам около двух миллионов азербайджанцев, стороны сочли необходимым провозгласить в Бакинской Декларации, что азербайджанцы в России и русские, живущие в Азербайджане, — «это органичные части и российского и азербайджанского обществ, фактор сохранения близости народов, способствующий укреплению их дружественных отношений» [12: с. 352].

В сентябре 2008 г. в Баку прошла конференция под названием «Русская община — 15 лет пути». В рамках празднования юбилея состоялась церемония презентации книги «Русские в истории Азербайджана». На конференции состоялось вручение студентам стипендии мэра Москвы и подписание соглашения с Всероссийским Азербайджанским Конгрессом.

Русская община была создана в тяжелых условиях в мае 1993 года. Это самая крупная община на Южном Кавказе. И как отмечает бессменный руководитель общины, депутат Парламента Азербайджана Михаил Забелин «С приходом к власти Г. Алиева жизнь общины изменилась в лучшую сторону, сохранен русский язык, и мы говорим на нем» [10: с. 358].

Надо отметить, что Русская община полноценно представляет интересы русских в Азербайджане. В настоящее время почти во всех районах и городах республики существуют отделения этой общины. При Русской общине действуют 15 комиссий. Они работают по различным направлениям: образованию, защите прав, благотворительности, миграции граждан и т.д. Расширяются связи Русской общины с Россией. По приглашению общины в трудное для республики время Азербайджан посетили депутаты Госдумы, председатель комитета Совета Федерации по делам СНГ и другие высокопоставленные лица. Русская делегация принимала участие во встрече делегаций национальных меньшинств с представителями ОБСЕ и Минской группы по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Актив Русской общины, желая довести правду об истинном положении в этой болевой точке республики, провел пресс-конференцию в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Саратове, Воронеже и других российских городах. В последние годы у общины сложились деловые отношения с мэриями Москвы, Санкт-Петербурга, Ставропольского края, Саратовской, Ульяновской областей. Русская община вступила в Форум неправительственных организаций и была принята в Международный Совет российских соотечественников.

Итак, можно уверенно говорить о том, что международная «народная дипломатия» помогает общему делу двустороннего сотрудничества и динамичному развитию отношений двух стран. Деятельность азербайджанских общин в России, Всероссийского Азербайджанского Конгресса, русских общин в Азербайджане, присутствие азербайджанцев среди известных деятелей культуры и искусства, ученых и интеллигенции России еще раз доказывают, что между странами существуют дружеские отношения, которые имеют исторические корни.

В 2006 году в Баку была подписана «Программа сотрудничества между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией в гуманитарной сфере на 2007–2009 годы». Эта программа отражает систему мероприятий по развитию всех направлений гуманитарной сферы: культуры, информации, науки, образования, спорта, здравоохранения, защиты прав человека; она способствует расширению контактов между людьми, сохранению общего культурного наследия. Такое сотрудничество помогает одновременно укреплению общего гуманитарного пространства СНГ. Согласно программе Азербайджан и Россия должны согласовывать ряд вопросов в гуманитарной сфере, в частности, и в области истории.

Большую роль в организации различных мероприятий гуманитарного характера отводится Российскому информационно-культурному центру, открытие которого состоялось 12 марта 2009 г. в городе Баку.

За последние годы взаимодействие в сфере культуры было очень активно. И как правильно отметил один азербайджанский писатель о том, что Россия велика не своей армией или территорией, Россия всегда была велика своей культурой. Интересен и тот факт, что обе страны исторически оказались на стыке Востока и Запада, культура и мировоззрение каждой из них несут на себе отпечаток и Востока и Запада. Двусторонние отношения между двумя странами в области культуры осуществлялись в рамках Программы обменов между Федеральным агентством по культуре и кинематографии России (Роскультура) и Минкультуры и туризма Азербайджана. Конкретные мероприятия по развитию взаимодействия в этой сфере зафиксированы в Программе сотрудничества профильных структур на 2009–2010 гг. (подписана 2 декабря 2008 г.). Ключевое место было отведено проведению в первом полугодии 2009 г. Дней культуры Азербайджана в России и во втором полугодии — Дней России в Азербайджане.

Продолжается практика организации выступлений российских мастеров искусств, самодеятельных творческих коллективов организаций соотечественников Азербайджана. Различные конкурсы и выставки стали заметными событиями в общественной жизни Азербайджана. В Баку были проведены ставшие традиционными мастер-классы выдающегося музыканта, бакинца Мстислава Ростроповича. Одновременно в Москве в минувшие годы были торжественно отмечены юбилеи известных азербайджанских музыкантов, народных артистов СССР Кара Караева, Рашида Бейбутова, джазиста Вагифа Мустафазаде и других мастеров

культуры и искусства, которых знают и помнят во всем мире, но только в Москве прошли прекрасные вечера в их память, и это тоже показатель того, как велик потенциал общего культурно-исторического наследия, как много общего между двумя странами и народами, и как много можно сделать для дальнейшего развития отношений между Россией и Азербайджаном.

Взаимодействие между научными учреждениями России и Азербайджана осуществлялось в рамках соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Российской академией наук и Национальной академией наук Азербайджана. Ученые двух стран участвовали в различных конференциях, семинарах, симпозиумах.

В гуманитарной сфере новый 2010 г. начался в Азербайджане с работы Форума гуманитарного сотрудничества России и Азербайджана. Это знаменательное событие. Но не менее знаменательны были события конца 2009 года. 24 ноября 2009 г. президенты России и Азербайджана вместе открыли в городе Ульяновске памятник Гейдару Алиеву и площадь, носящую его имя. Новый мост через Волгу, который еще в 1984 году планировал Г. Алиев, был открыт в этот же день президентами России и Азербайджана. Это глубоко символическое событие, свидетельствующее о том, что история двух стран и реалии сегодняшнего дня пронизаны тысячами нитей. Форум — это тоже мост, мост с двусторонним движением, который соединяет и сближает народы. И как отметил руководитель администрации президента России С. Нарышкин, который возглавлял российскую делегацию, гуманитарное сотрудничество — это важная часть стратегического взаимодействия Азербайджана и России, и потому на форуме собрался цвет интеллигенции двух стран. Далее он отметил, что именно в Азербайджане живет очень близкий России народ, за время пребывания в Баку мы узнали много больше об Азербайджане и благодарны за сохранение позиций русского языка в Азербайджане (Международный еженедельник. — 2010. — 25 января).

Лейтмотивом на форуме звучала мысль о том, что возможность проведения форума, который подводил определенные итоги гуманитарного сотрудничества двух стран, была достигнута благодаря взаимодействию России и Азербайджана до 2010 года. Здесь также были намечены перспективы их дальнейшего развития.

«Первый российско-азербайджанский форум по гуманитарному сотрудничеству является хорошим примером сотрудничества между странами и может проводиться на постоянной основе. Этот форум может стать хорошим примером для международного сотрудничества в гуманитарной сфере», — такое мнение высказал Президент Азербайджана И. Алиев на встрече с российской делегацией (Россия — СНГ: [сайт]. www.polpred.com/country/az/free.html/).

Члены российской делегации, в состав которой входили более 140 человек, побывали в ряде министерств и ведомств, общественных организаций, общались с коллегами, со студентами, вели профессиональный разго-

вор о проблемах образования, науки, медицины, культуры. В течение двух дней на форуме велась плодотворная дискуссия, в центре которой находились темы, служащие ключом к дальнейшему укреплению диалога между двумя странами. Среди них развитие двусторонних отношений, роль России и Азербайджана в происходящих сегодня глобальных процессах, влияние международной ситуации на два государства. Деятели культуры, представители науки и образования, здравоохранения отметили, что сформировавшиеся на протяжении XX века многосторонние связи в этих областях получают новый импульс для дальнейшего усиления их роли в укреплении и развитии двух государств. Учитывая существующий уровень сотрудничества двух стран, встала необходимость новых горизонтов, нового видения перспектив совместной работы. Форум дал старт ряду перспективных проектов, которые определяют вектор сотрудничества в XXI веке.

Форум проходил в год 65-летия победы в Великой Отечественной войне. Это дата, священная для всех народов, представители которых плечом к плечу боролись против нацизма. Важно донести это до молодежи, потому что попытки исказить историю общей победы над нацизмом продолжают. Участники форума в выступлениях отметили, что разделяют общий взгляд на историю и призвали совместно противодействовать тем, кто хочет ее исказить. «Надо стараться, чтобы история Второй мировой войны не подвергалась ревизиям и искажениям. Надо сделать так, чтобы через 20 и через 50 лет не было ни малейшей возможности подвергать ревизии наше общее героическое прошлое», — отметил в выступлении И. Алиев (Эхо. – 2010. – 23 января).

В рамках первого российско-азербайджанского форума по гуманитарному сотрудничеству в Государственном музее искусств Азербайджана открылась фотовыставка «Россия – Азербайджан: 105 лет в фотографиях ТАСС». В экспозиции были представлены работы лучших фотомастеров старейшего российского информационного агентства. Фотографии вобрали в себя более чем вековой отрезок взаимоотношений двух стран, начиная со времен первого нефтяного бума в начале XX века в Баку и кончая сегодняшними реалиями. В целом, выставка представила возможность жителям Азербайджана взглянуть на свою страну глазами россиян. Вглядываясь в эти фотографии еще раз убеждаешься в том, что главное богатство страны — не недра, а люди, руками которых строится ее настоящее и будущее. Один из основных уроков истории заключается в том, что она требует к себе бережного отношения. Важно, что фотожурналисты ИТАР-ТАСС смогли сохранить связь времен.

Необходимо обратить внимание еще на один немаловажный фактор — уровень политического взаимодействия, экономической кооперации и сотрудничества в различных сферах между странами в полной мере отражается и в общественном сознании. И здесь большое пространство для эффективной работы, потому что для того, чтобы сделать правильный вывод, необходимо

знать ситуацию, а для того, чтобы знать ситуацию, необходимо общаться, ездить друг к другу и постоянно находиться в контакте. В период проведения Года Азербайджана в России и Года России в Азербайджане, в рамках этих мероприятий были постоянные контакты, обмены делегациями и это все придало очень большой динамизм отношениям двух стран.

Итак, на Форуме были обсуждены многие вопросы, заложены новые проекты, а самое главное — гуманитарное сотрудничество между странами получило новое развитие. И что очень важно, стороны предварительно согласовали проведение второго форума приблизительно в сентябре 2011 года в Азербайджане.

И тут, конечно же, встает вопрос. В каком направлении уже в ближайшей перспективе может развиваться система социо-культурных и образовательных связей? Наверное, прежде всего, должны быть созданы условия для развития гражданской инициативы. Если рассмотреть основные положения Программы сотрудничества России и Азербайджана в гуманитарной сфере, то можно заметить, что большинство из них не требуют жесткого регулирующего начала со стороны государственных органов и побуждают к координации деятельности инициативных групп интеллигенции двух стран. Если рассмотреть перспективы взаимодействия в образовательной сфере, то здесь можно предположить несколько направлений. Это формирование «общего рынка» образовательных услуг. Причем, речь идет не только о таких проектах, как например, открытие филиалов ведущих вузов Москвы, а о более глубоком интеграционном взаимодействии; создание нового, общего образовательного пространства, на основе взаимного доверия и сотрудничества. Необходимо разработать и реализовать проекты в сфере послевузовского образования, в том числе через создание специализированных центров по подготовке и переподготовке кадров.

Все эти позитивные тенденции и начинания необходимо поддерживать и развивать с учетом объективного обстоятельства — в активную жизнь вступает новое поколение, которое лишено советского опыта взаимодействия. Это поколение тяготеет к новым глобальным ценностям и приоритетам. Однако, расширяя спектр взаимодействия, налаживая новые контакты и связи, нельзя отказываться от прежних, традиционных партнеров и друзей. Совместные учебники истории, летние школы, студенческий обмен — каждая из этих составляющих эффективного сотрудничества должна быть максимально задействована как со стороны российских структур, так и Азербайджана.

В заключение хотелось бы отметить, что как бы ни складывались отношения между Москвой и Баку, при нынешней политической элите Азербайджана пространство для диалога будет сохранено, поскольку власти и народ двух стран в прямом и переносном смысле говорят на одном языке. Союз России и Азербайджана объективно предопределен схожестью их стратегических и геополитических интересов. При всем различии и даже несопоставимости потенциалов влияния, роли и места этих стран в мире, тем не менее, фак-

тически они решают общие значимые проблемы [1: с. 485]. И как отмечает профессор Института международных экономических и политических исследований А. Язькова — «Россия и Азербайджан сегодня стратегические партнеры. И здесь замешана не только политика, но и большой гуманитарный, человеческий потенциал взаимоотношений, связывающих две страны. Сегодня очень важно расставить все по своим местам, и в истории, и в современных отношениях России и Азербайджана» [13: с. 53].

Российско-азербайджанское сотрудничество в гуманитарной сфере являет собой один из положительных примеров в рамках СНГ. Нет сомнения в том, что аналогичные связи между странами Содружества активизируются, несмотря на некоторые сложности и проблемы. Причем, этот процесс происходит не только в рамках двусторонних отношений, но и – многосторонних, что служит главной основой укрепления потенциала Содружества на международной арене.

Литература

1. Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред. Д.Е. Фурман. – М.: Летний сад, 2001. – 491 с.
2. Азербайджан – Россия: новые отношения, новые горизонты / Под ред. М. Касумова. – Баку: Книжное обозрение, 2002. – 232 с.
3. *Алиев Г.А.* Верю и надеюсь (из интервью корреспонденту «Литературной газеты») // Россия и мусульманский мир. – М., 2000. – № 10.
4. *Алиев Г.А.* Россия — великая страна / Г.А. Алиев. – Баку: Книжный мир, 1997. – 180 с.
5. *Исмаилов Э.* Россия и Азербайджан: стратегическое сотрудничество / Э. Исмаилов. – М.: Флинта, 2007. – 280 с.
6. *Косов Ю.В.* Содружество независимых государств / Ю.В. Косов, А.В. Торопыгин. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 255 с.
7. *Кравченко В.В.* Общественные в международных отношениях / В.В. Кравченко. – М.: Международные отношения, 1995. – 120 с.
8. *Лузянин С.Г.* Восточная политика В.В. Путина. Возвращение России на «Большой Восток» / С.Г. Лузянин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 446 с.
9. *Моисеев Е.Г.* Международно-правовая основа сотрудничества стран СНГ. Россия и Азербайджан / Е.Г. Моисеев. – М.: Юрист, 2007. – 350 с.
10. *Мусабеков Р.* Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства / Р. Мусабеков // Азербайджан и Россия: общества и государства / Отв. ред.: Д.Е. Фурман. – М.: Летний сад, 2001. – С. 337–363.
11. *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. Исторический очерк / Е.И. Пивовар. – СПб.: Алетейя, 2010. – 397 с.
12. *Раджабли А.* Международные связи Российской Федерации / А. Раджабли. – Баку: Книжный мир, 2005. – 382 с.
13. Россия – Азербайджан: десять лет сотрудничества // Материалы научно-практической конференции. – М.: Медиа, 2002. – 83 с.
14. *Чернявский С.И.* Формирование внешнеполитической стратегии Азербайджана: 1988–2003 гг. / С.И. Чернявский – М.: Магистр, 2004. – 527 с.

Literatura

1. Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva / Otv. red.: D.E. Furman. – M.: Letnij sad, 2001. – 491 s.
2. Azerbajdzhan – Rossiya: novy'e otnosheniya, novy'e gorizonty' / Pod red. M. Kasumova. – Baku: Knizhnoe obozrenie, 2002. – 232 s.
3. *Aliev G.A.* Veryu i nadeyus' (iz interv'yuu korrespondentu «Literaturnoj gazety») // Rossiya i musul'manskij mir. – M., 2000. – № 10.
4. *Aliev G.A.* Rossiya — velikaya strana / G.A. Aliev. – Baku: Knizhny'j mir, 1997. – 180 s.
5. *Ismailov E'.* Rossiya i Azerbajdzhan: strategicheskoe sotrudnichestvo / E'. Ismailov. – M.: Flinta, 2007. – 280 s.
6. *Kosov Yu.V.* Sotrudnichestvo nezavisimy'x gosudarstv / Yu.V. Kosov, A.V. Toropy'gin. – M.: Aspekt Press, 2009. – 255 s.
7. *Kravchenko V.V.* Obshhestvenny'e v mezhdunarodny'x otnosheniyax / V.V. Kravchenko. – M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1995. – 120 s.
8. *Luzyanin S.G.* Vostochnaya politika V.V. Putina. Vozvrashhenie Rossii na «Bol'shoj Vostok» / S.G. Luzyanin. – M.: Vostok – Zapad, 2007. – 446 s.
9. *Moiseev E.G.* Mezhdunarodno-pravovaya osnova sotrudnichestva stran SNG. Rossiya i Azerbajdzhan / E.G. Moiseev. – M.: Yurist, 2007. – 350 s.
10. *Musabekov R.* Stanovlenie nezavisimogo azerbajdzhanskogo gosudarstva i e'tnicheskie men'shinstva / R. Musabekov // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva / Otv. red.: D.E. Furman. – M.: Letnij sad, 2001. – S. 337–363.
11. *Pivovarov E.I.* Postsovetskoe prostranstvo. Al'ternativy' integracii. Istoricheskij ocherk / E.I. Pivovarov. – SPb.: Aletejya, 2010. – 397 s.
12. *Radzhabli A.* Mezhdunarodny'e svyazi Rossijskoj Federacii / A. Radzhabli. – Baku: Knizhny'j mir, 2005. – 382 s.
13. Rossiya – Azerbajdzhan: desyat' let sotrudnichestva // Materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii. – M.: Media, 2002. – 83 s.
14. *Chernyavskij S.I.* Formirovanie vneshnepoliticheskoy strategii Azerbajdzhana: 1988–2003 gg. / S.I. Chernyavskij – M.: Magistr, 2004. – 527 s.

Ф.А. Михайловский

Магистратские компоненты власти Августа в оценке отечественной историографии

Вопрос о государственно-правовом оформлении императорской власти важен для целого ряда общих проблем истории принципата: его генезиса, политической формы и идеологии. Республиканские традиции в оформлении власти Августа, с правлением которого связано становление принципата как системы, определяют степень преемственности принципата по отношению к республике. На научную значимость проблемы оформления власти указывал в свое время Н.А. Машкин, крупнейший отечественный специалист по истории принципата Августа: «Нельзя... согласиться с теми, кто считает, что все изыскания, касающиеся оформления власти Августа, составляют что-то несущественное, не помогающее нам выяснить характер политических отношений того времени. В действительности же вопрос о характере и об оформлении власти, особенно в первые десятилетия принципата, играл чрезвычайно большую роль... Мы имеем дело с римской общественной средой, в которой юридические принципы всегда учитывались и принимались во внимание всеми политическими группировками независимо от их целей и задач. Мы не должны забывать и того, что имеем дело с Августом, человеком, обращавшим большое внимание на формальную сторону дела» [4: с. 395].

Магистратские компоненты власти Августа находятся в центре исследований зарубежных ученых уже около полутора столетий — со времени появления фундаментального труда Т. Моммзена [1; 7]. Вместе с тем необходимо сразу отметить, что в отечественной историографии, в отличие от зарубежной, государственно-правовой аспект не пользовался особым вниманием, поскольку никогда не признавался определяющим для характеристики принципата Августа. Исследователи, в том числе и Н.А. Машкин, давали, прежде всего, не правовую, а социально-политическую оценку созданной Августом системе принципата [6].

И все же, в отечественной историографии имеется ряд работ, авторы которых специально исследовали вопрос о правовом оформлении власти принцепса или, как минимум, достаточно подробно характеризовали ее правовой аспект. К числу наиболее важных работ в отечественной историографии относятся историко-правовое исследование Э.Д. Грима (1900 г.), фундаментальный труд Н.А. Машкина (1949 г.) и монография А.Б. Егорова (1985 г.) [2; 4; 3:]. И хотя о принципате Августа написано очень много, в настоящем обзоре речь пойдет в основном об этих исследованиях, поскольку общая цель статьи состоит в выявлении дискуссионных вопросов, входящих в общую проблему юридической базы власти Августа. При этом для большей ясности изложения и во избежание повторов предпочтительнее излагать взгляды ученых, следуя основным дискутируемым проблемам.

К настоящему времени сама формула императорской власти уже не вызывает сомнений: Август для правового оформления своего господствующего положения в государстве использовал только два конституционных элемента — *imperium* и *tribunicia potestas* — и так же несомненно, что его власть не возникла единовременно, а развивалась постепенно в форме отдельных государственно-политических и конституционных соглашений [1: с. 267; 7 с. 96]. Однако развитие полномочий правителя, иначе говоря, правовая база в отдельные периоды его карьеры, а также компетенция, квалификация и значение тех или иных властных прерогатив в научной литературе — как отечественной, так и зарубежной — остаются дискуссионными. При этом основные вопросы вызывает империй Августа, а не его трибунская власть, которая к тому же в полном объеме появляется у правителя лишь на заключительной стадии оформления его полномочий, так что начать обзор логичнее с империя.

Первая проблема, с которой имеют дело исследователи — это правовое положение Октавиана в 32–27 гг. до н.э., между II триумvirатом и «восстановлением республики». Особенно непонятен его правовой статус в 32 г. до н.э., когда, говоря кратко, он был уже не триумvir, но еще не консул. Срок II триумvirата истек 31 декабря 33 г. до н.э., а с 31 г. до н.э. Октавиан начал серию своих ежегодных консульств, которые, впрочем, стали полносрочными только с 28 г. до н.э. и продолжались вплоть до 23 г. до н.э., когда, наконец, была проведена оригинальная реформа власти. В 32 г. до н.э., начинающем своего рода интервал между триумvirатом и принципатом, была развязана война против Клеопатры и Антония, и Октавиану была принесена клятва Италией и западными провинциями (R.G., 25), а для ведения войны он должен был иметь империй. По существу, вопрос о статусе Октавиана в 32 г. до н.э. — это вопрос о развитии его полномочий от триумvirата к новому этапу, начавшемуся в шестое и седьмое консульства (28–27 гг. до н.э.), когда он, по его собственным словам, «владея при всеобщем согласии высшей властью (*per consensum universorum potitus rerum omnium*), передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа» (R.G., 34).

Не случайно Э.Д. Гримм начинал обзор карьеры Октавиана именно с выяснения его правового положения на заключительном этапе гражданских войн — в период его борьбы за власть со своим коллегой по II триумvirату М. Антонием. Правда, исследователь считал, что срок II триумvirата закончился не 31 декабря 33 г. до н.э., а годом позднее, а потому в 32 г. до н.э. Октавиан и Антоний оставались триумвирами [2: с. 82, сн. 1]. Это, впрочем, не проясняет вопрос о полномочиях бывших триумвиров, прежде всего, Октавиана в последующие годы, когда так или иначе повторный срок триумvirата закончился.

Как указывает Э.Д. Гримм, в 32 г. до н.э. Октавиан лишил Антония триумvirской власти, но и «сам по-видимому не считал возможным сохранить ее» [2: с. 83] и чуть ниже определенно утверждает: «От учредительной власти триумвира он отказался, вероятно, в 32 г.» [2: с. 87, 84, сн. 1]. Присяга, принесенная Октавиану населением, позволяла ему «неограниченно распоряжаться как войсками, так и финансами» [2: с. 84], однако и ее «правовое действие» вскоре закончилось: «полномочия, вытекавшие из «добровольной присяги» народа потеряли смысл с тех пор, как врата Януса были закрыты» [2: с. 87]. Начиная с 31 г. до н.э. Октавиан ежегодно избирался консулом — вплоть до 23 г. до н.э., но, по мнению исследователя, консульская власть не могла быть основой его чрезвычайных полномочий [2: с. 84, примеч. 2]. Дело в том, что, по оценке Э.Д. Грима, «власть консула, которую ему ежегодно давали, не только стояла над сенатом и народом, но являлась лишь исполнительницей их велений» [2: с. 87].

Вместе с тем исследователь констатировал, что власть правителя вплоть до 27 г. до н.э. оставалась фактически неограниченной, она несколько не уступала власти триумвира [2: с. 84], а по сути, даже расширилась: «Никогда его положение не было настолько монархическим, как от 29 до 27 года» [2: с. 89]. Какая же власть была у Октавиана, в чем конституционная основа его чрезвычайных полномочий, Э.Д. Гримм затруднялся точно определить [2: с. 87–88]. Но в другом разделе своего труда, обращаясь к реформе 27 г. до н.э., он писал, что это были все же узурпированные полномочия триумвира [2: с. 126], хотя ранее, как было отмечено, указывал, что Октавиан от них отказался.

Н.А. Машкин, считавший, что полномочия триумвиров истекли 31 декабря 33 г. до н.э. (сейчас это мнение большинства исследователей), указывал, что «Октавиан не сложил их, но и не считал, видимо, возможным ими пользоваться». Отметив далее, что с 31 г. до н.э. Октавиан избирался консулом, исследователь писал: «но власть его была шире, чем это было предусмотрено консульскими полномочиями» [4: с. 378], что, во всяком случае, не базировалось на клятве 32 г. до н.э. Последняя «не имела публично-правового значения» [4: с. 378] и «должна была дать не столько юридическую, сколько моральную санкцию действиям Октавиана» [4: с. 277], и именно эта моральная санкция подразумевается в словах самого Августа «*per consensum universorum potitus rerum omnium*» [4: с. 378].

По оценке А.Б. Егорова, в 32 г. до н.э. Антоний узурпировал полномочия триумвира, Октавиан же «сохранив суть, меняет форму», то есть оставаясь фактически триумвиром, просто больше не упоминает о себе как о триумвире. По мнению исследователя, именно в начале 32 г. до н.э. «auctoritas и вождистский момент составляли основу его власти». После развязывания войны Октавиан принял присягу от Италии и западных провинций, Антоний же — от восточных, и «эти присяги стали основой их власти на время войны» [3: с. 85–86]. Впрочем, и после ее завершения правитель сохранял за собой неопределенные полномочия 32 г. до н.э., от которых отказался лишь в январе 27 г. до н.э.: «Вероятнее всего, речь шла об особых полномочиях, данных ему присягой, а, кроме того, это было окончательное заявление о сложении полномочий триумвира» [3: с. 89]. Таков же взгляд на власть Октавиана и К.В. Вержбицкого, в работе которого, правда, дважды допущена досадная небрежность при указании срока окончания II триумvirата [1: с. 268, 275].

Наконец, по мнению Я.Ю. Межеричко, триумvirские полномочия оставались в силе, поскольку не был осуществлен официальный акт их сложения — «абдикация», что в сущности было узурпацией власти. Клятве, принесенной Октавиану населением Италии и западных провинций, исследователь в целом не придает юридического значения [5: с. 176 сн. 11].

Хотя мнение о том, что Октавиан в 32–27 гг. до н.э. просто узурпировал чрезвычайные полномочия триумвира, ныне принято исследователями [8: с. 393], вряд ли можно считать вопрос решенным. Все же сам Август заявляет, что триумвиром для обустройства государства он был только десять лет (R.G., 7, 1). Конечно, можно было бы предположить, что принцепс намеренно указал только законный срок своих триумvirских полномочий, скрыв факт их последующей узурпации. Однако Август, как видно из памятника, при необходимости очень хорошо умел скрывать уклончивыми и обтекаемыми формулировками нежелательные для своей репутации моменты, но о сроке триумvirата он пишет определенно. Значит, скрывать его было незачем. Кроме того, о десятилетнем сроке сообщает также Светоний (Aug., 27,1), причем в обзоре карьеры правителя, а не в качестве попутного замечания. Для того чтобы оценить значение этого указания Светония, стоит сравнить его с другим: «И с этих пор, собрав войска, он стал править государством: сперва в течение 12 лет — вместе с Марком Антонием и Марком Лепидом, а затем с одним Марком Антонием, и наконец, в течение сорока четырех — единовластно» (Ibid., 8, 3). В данном заявлении Светония выражен общий взгляд, фактическая сторона дела, а в первом — формально-правовая.

Поворотным событием в процессе оформления принципата исследователи признают реформу января 27 г. до н.э., вошедшую в историю под названием «восстановление республики», когда Октавиан отказался от власти и получил ее обратно уже на новых условиях. Тогда же ему было присвоено новое имя — Август. Вопрос состоит в том, какие полномочия сложил Октавиан, и какие полномочия принял Август. Сложил ли он все полномочия — и консульский империй, и триумvirский и как отныне квалифицировать его

власть? По реформе произошел раздел провинций между сенатом и принцепсом. Означает ли это, что Августу был дан проконсульский империй? При этом вплоть до 23 г. до н.э. он ежегодно избирался консулом. Может быть, следует говорить о некоем «расширении» консульского империя или о «сочетании»¹ двух империев — консульского и проконсульского?

Рассматривая данные источников о реформе 27 г. до н.э. Э.Д. Гримм пришел к выводу, что не было ни расширения консульской власти, ни особого проконсульского империя, последний появился позднее: «в законодательном акте 27 года устанавливался просто ряд прав Августа без подведения его полномочий под рубрику консульской власти — которой он в 27 и следующих годах и без того владел — или проконсульской власти, которую он получил лишь в 23 году» [2: с. 104–105]. Особенное значение исследователь придавал сообщению Диона Кассия (53, 12, 1) о том, что Август тогда «принял заботу и руководство всеми делами, нуждающимися в надзоре» — *προστασία τῶν κοινῶν* [2: с. 102]. Это особое право позволяло в случае необходимости вмешиваться в любые дела и было совершенно «нереспубликанским» [2: с. 106, 139].

Н.А. Машкин отверг трактовку слов Диона Кассия, предложенную Э.Д. Гриммом, об особом праве распоряжаться делами государства, будто бы предоставленном Августу. Он писал: «...Вызывает сомнение издание сенатом конституирующего постановления о том, что Августу предоставляется *προστασία τῶν κοινῶν*. Выражению Диона Кассия, навеянному разного рода философскими доктринами, придан юридический смысл» [4: с. 353]. В другом месте своего труда Н.А. Машкин проанализировал это выражение Диона и показал, что «у Диона Кассия нет устойчивой терминологии для обозначения сенатских постановлений, касающихся верховной власти Августа» [4: с. 380–381].

Н.А. Машкин квалифицировал власть Августа как «высший империй» (*imperiū maius*), указывая, что в январе 27 г. до н.э. он у Октавиана уже был, как у консула [4: с. 382–383, сн. 21]. По мнению ученого, консульский империй сам по себе был «высшим», но на практике, вследствие расширения Римской державы, ограничивался территориально Римом и Италией, и потому в 27 г. до н.э. действие консульского империя Августа просто было расширено на провинции, объявленные императорскими [4: с. 395]. Правда, каким образом произошло это расширение империя, не раскрывается.

По мнению А.Б. Егорова, в январе 27 г. до н.э. Октавиан отказался от чрезвычайных полномочий триумвира, но в тот момент у правителя имелся еще и консульский империй. Он пишет: «Нам представляется, что главным элементом власти, по крайней мере, в правовом плане, оставался империй консула, к которому добавился проконсульский империй над его провинциями... никакого же особого всеобъемлющего империя не было» [3: с. 90]. Вопрос о том, каким образом было возможно сочетание двух империев — консульского и проконсульского — А.Б. Егоров не рассматривает.

¹ «Расширение», «сочетание» — определения, часто используемые в научной литературе.

К.В. Вержбицкий, в отличие от Н.А. Машкина, полностью поддержал Э.Д. Гримма в отношении особого права на «руководство общественными делами». Он указывает: «По-видимому, Октавиану казалось крайне важным застраховаться от возможных неожиданностей, сохранив за собой власть, способную в случае чего хотя бы отчасти заменить его прежние чрезвычайные полномочия» [1: с. 270]. Оценивая реформу 27 г. до н.э., К.В. Вержбицкий пишет: «В итоге в руках Августа сосредоточились следующие основные полномочия: *προστασία τῶν κοινῶν*, расширенная *tribunicia potestas* и проконсульский империй. Кроме того, вплоть до 23 г. он контролировал консулат. Концентрация в руках принцепса столь обширного набора властных функций, которые к тому же частично перекрывали друг друга, свидетельствует о преобладании в это время (27–23 гг.) откровенно монархических тенденций» [1: с. 271]. Какое отношение к реформе 27 г. до н.э. имела трибунская власть и почему она «расширенная», и как названные полномочия «перекрывали друг друга» — неясно. Далее автор заявляет, что *προστασία τῶν κοινῶν* и консулат имели «генетическое родство» с военными диктатурами I в. до н.э., причем *προστασία τῶν κοινῶν* — «наиболее экстраординарный элемент», но «является не более чем страховкой на случай возможных осложнений», а «решающее значение в период с 27 по 23 гг. имели... консульские полномочия», и что «сочетание проконсульского империя и власти консула себя не оправдало» [1: с. 271–272].

Написанное К.В. Вержбицким выглядит, по меньшей мере, странно, но, по крайней мере, прекрасно иллюстрирует, что характер империя Августа в 27–23 гг. до н.э. остается все же невыясненным до конца. Н.А. Машкин и А.Б. Егоров одинаково отрицают наличие у Августа после 27 г. до н.э. империя, который бы действовал в сенатских провинциях, а в качестве исходного, наиболее важного элемента рассматривают консульскую власть. Однако сложность состоит в объяснении того, каким образом консульский империй Августа был расширен или в объяснении сочетания двух империев.

В 23 г. до н.э. произошла крайне важная реформа власти. Август отказался от консульства и взамен принял полную трибунскую власть. Э.Д. Гримм видел основную причину новой реформы в том, что право вмешиваться в случае необходимости в любую область государственной жизни, предоставленное Августу в 27 г. до н.э. (*προστασία τῶν κοινῶν*) было «крайне нереспубликанским», и потому он «счел желательным заменить слишком широкие, общие и монархические полномочия более определенными, охватывавшими ту или иную область государственной жизни и, так сказать, более республиканскими правами». Кроме того, Э.Д. Гримм указывал на неудобство ежегодного консульства, что вызывало недовольство аристократии [2: с. 130].

Ученый был не согласен с Т. Моммзеном, что проконсульская власть, которую Август теперь получил, была «тождественна с полномочиями, данными Августу в 27 году, и будто она и составляет истинную основу его поло-

жения в государстве». Он указывал на важное различие между этими двумя империями: «полномочия 27 года даются срочно, проконсульская власть бес-срочно» [2: с. 138–139]. По мнению ученого, «проконсульская власть 23 года и должна была расширить область постоянного влияния Августа: она давала ему *maius imperium* по отношению ко всем наместникам» [2: с. 139], в том числе к наместникам сенатских провинций [2: с. 140]. Вместе с тем империй Августа не распространялся на Италию [2: с. 139. сн. 1, 142].

Н.А. Машкин считал, что, хотя Дион Кассий (53, 32) сообщает о проконсульской власти, «нет оснований считать, что Август имел *imperium proconsulare*, являвшийся основой его власти... В словах Диона Кассия о проконсульской власти центр тяжести нужно перенести на то, что *imperium* не слагался по вступлении в черту померия, как это делали консулы» [4: с. 396]. Ученый считал, что с 23 г. до н.э. появился общий империй нового типа, который неправомерно характеризовать как проконсульский, поскольку последний послужил для нового империя лишь одним из прецедентов [4: с. 357, 397]. Н.А. Машкин квалифицирует империй Августа как *imperium maius infinitum* и указывает, что он распространялся на все провинции [4: с. 396] и «являлся юридическим, точнее говоря, «магистратским» основанием власти римских императоров» [4: с. 397].

А.Б. Егоров тоже считает, что это был империй нового типа, но, напротив, полагает, что в основе это был все же проконсульский империй, трансформированный в двух отношениях: ставший «высшим» по отношению к империи всех магистратов и неслагаемым при пересечении померия, что давало Августу власть в городе [3: с. 93]. Я.Ю. Межерицкий не рассматривает специально империй 23 г. до н.э., но определяет его как проконсульский, указывая, что он не слагался при въезде в померий, действовал на любой территории и превышал полномочия наместников провинций [5: с. 261].

Итак, с империем, легшим в основу императорской власти, ясности тоже нет. Аргумент Э.Д. Гримма в пользу принципиальной разницы между империями 27 и 23 гг. до н.э. основан на сообщении Диона Кассия (53, 32, 5) о том, что проконсульский империй (как, впрочем, и трибунская власть) был дан Августу навсегда и, конечно, не может быть принят. Как пишет А.Б. Егоров, «Понятие «навсегда» – это экстраполяция, отразившая то, что империй Августа реально стал пожизненным, и что все его преемники брали его сразу и на всю жизнь» [3: с. 93]. Действовал ли империй Августа в самом Риме все же остается под вопросом, требующим куда более детального рассмотрения. Также неясно, как возник этот новый империй, на каких прецедентах основан и какое отношение он имел к империи Августа до реформы 23 г. до н.э.

Наконец, реформа 23 г. до н.э. вывела на сцену второй компонент императорской власти — трибунскую (*tribunicia potestas*). В то время как в зарубежной историографии компетенция и значение трибунской власти принцепса вызы-

вают немалые разногласия [7: с. 92–95], взгляды отечественных исследователей отличаются единством. По вопросу о развитии трибунских прерогатив уже Э.Д. Гримм пришел к выводу, который к настоящему времени разделяет подавляющее большинство ученых: хотя в источниках имеется расхождение, полную трибунскую власть Август получил только в 23 г. до н.э. [2: с. 85, 132–133]. Той же точки зрения придерживаются Н.А. Машкин [4: с. 397–398], А.Б. Егоров [3: с. 94], Я.Ю. Межеричский [5: с. 262, сн. 53].

Тогда как в зарубежной литературе распространено мнение, что трибунская власть имела во многом символическое или чисто идеологическое значение, в отечественной историографии все исследователи подчеркивали ее реально-правовое, конституционное значение. Э.Д. Гримм писал в этой связи: «Конституционное значение трибунской власти, бесспорно, было огромно. В силу ее Август не только имел право законодательной инициативы как в сенате, так и в народном собрании, не только мог созывать и тот и другое и председательствовать в них, не только обладал чрезвычайно широким *ius auxilii*, но имел также право интерцессии как по отношению к магистратам (право интерцессии других трибунов, вероятно, было устранено по отношению к нему), так и по отношению к сенату и народному собранию. Сам неприкосновенный, он в то же время мог налагать взыскания на всех остальных граждан, не исключая и консулов. Вдобавок эти полномочия, в отличие от полномочий обыкновенных трибунов, имели силу не только в пределах померия, но во всей империи» [2: с. 133–134].

Н.А. Машкин также высоко оценивал трибунскую власть принцепса, признавая не только ее идеологическое значение, которое видел в республиканской, демократической символике этой власти [4: с. 397], но также и значение реально-правовое [4: с. 398]. И такова же оценка А.Б. Егорова: «Трибунская власть давала огромные полномочия. Через нее Август мог кассировать распоряжение любого магистрата и сената. Октавиан контролировал трибунскую коллегию, став ее главным и постоянным членом, она также давала право созывать сенат. Был и идеологический момент, подчеркивающий особую связь Августа с народом» [3: с. 94].

В результате реформы 23 г. до н.э. была выведена формула императорской власти. Правда, в последующие годы Август был наделен дополнительными правами и привилегиями, но все они не столь существенны по сравнению с его империем и трибунской властью. При всем формализме Августа и стремлении ориентироваться на республиканские традиции его принципат все же получил у большинства исследователей характеристику авторитарного, почти монархического.

По заключению Э.Д. Грима, «власть Августа не имеет единства, и это выражается в отсутствии единого официального титула: она состоит из ряда полномочий, в критическую минуту данных одному выдающемуся гражданину» [2: с. 152]. По своему происхождению и конституционной форме власть Ав-

густа была не монархией, а чрезвычайной магистратурой [2: с. 218]. В то же время ученый подчеркивал, что сущность принципата не соответствовала его конституционной форме: на практике Август в отношениях с сенатом, магистратами и народом действовал как монарх [2: с. 220]. И хотя формально в Риме с 27 г. до н.э. существует республика, «ряд привилегий принцепса и его дома вместе с династической политикой Августа доказывают, что неизбежное тяготение к чистой монархии начинается ещё в его время» [2: с. 245].

Н.А. Машкин, признавал, что «власть Августа складывалась из обычных римских полномочий» [4: с. 400]. Однако империй и трибунская власть представляли собой, в его понимании, лишь оформление власти Августа, тогда как ее монархической сущностью были «немагистратские источники»: *auctoritas*, титулы принцепса и императора [4: с. 393], так что «все его полномочия, законные формально не были результатом свободного волеизъявления, они — результат того, что, опираясь на армию, Август *de facto* диктовал власть» [2: с. 401].

А.Б. Егоров заключает раздел об оформлении власти Августа такими словами: «...все полномочия Августа основывались на республиканской традиции, но, будучи кумулированы и трансформированы, они, сохраняя генетическую связь с республикой, все же создали новое монархическое качество».

Автократичность режима, созданного Августом, бесспорна. Исследование государственно-правовых элементов власти обнаруживает не только их использование Августом для оформления единовластия, но и то новое, что в корне противоречило республиканским традициям. Тем не менее, в изучении магистратских компонентов власти принцепса остается еще немало нерешенных вопросов.

Литература

1. *Вержбицкий К.В.* Правовое оформление и реальные основы власти Августа / К.В. Вержбицкий // Проблемы античной истории: сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 260–282.

2. *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти / Э.Д. Гримм. – Т. I: Императорская власть от Августа до Нерона. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1900. – 515 с.

3. *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата / А.Б. Егоров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 225 с.

4. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность / Н.А. Машкин. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1949. – 686 с.

5. *Межеричкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: Метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я.Ю. Межеричкий. – М.; Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. – 443 с.

6. *Михайловский Ф.А.* Государственно-правовой аспект принципата Августа в оценке современной историографии / Ф.А. Михайловский // Ученые записки кафе-

дры всеобщей истории МГОПУ им. М.А. Шолохова. – Вып. IV. – М.: РИЦ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. – С. 29–39.

7. Михайловский Ф.А. Магистратские компоненты власти Августа в зарубежной историографии / Ф.А. Михайловский // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». – 2009. – № 1 (3). – С. 88–100.

8. Чеканова Н.В. Римская диктатура последнего века республики / Н.В. Чеканова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005. – 480 с.

Literatura

1. Verzhbiczkiy K.V. Pravovoe oformlenie i real'nye osnovy' vlasti Avgusta / K.V. Verzhbiczkiy // Problemy' antichnoj istorii: sbornik nauchny'x statej k 70-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2003. – S. 260–282.

2. Grimm E.D. Issledovaniya po istorii razvitiya rimskoj imperatorskoj vlasti / E.D. Grimm. – T. I: Imperatorskaya vlast' ot Avgusta do Nerona. – SPb.: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1900. – 515 s.

3. Egorov A.B. Rim na grani epoch. Problemy' rozhdeniya i formirovaniya principata / A.B. Egorov. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. – 225 s.

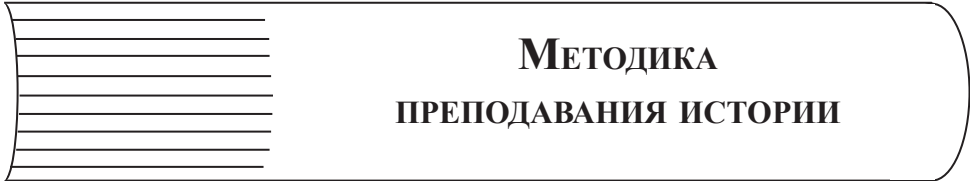
4. Mashkin N.A. Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost' / N.A. Mashkin. – M.; L.: Akad. nauk SSSR, 1949. – 686 s.

5. Mezhericzkiy Ya.Yu. «Respublikanskaya monarxiya»: Metamorfozy' ideologii i politiki imperatora Avgusta / Ya.Yu. Mezhericzkiy. – M.; Kaluga: Izd-vo KGPU, 1994. – 443 s.

6. Mixajlovskij F.A. Gosudarstvenno-pravovoj aspekt principata Avgusta v ocenke sovremennoj istoriografii / F.A. Mixajlovskij // Ucheny'e zapiski kafedry' vseobshhej istorii MGOPU im. M.A. Sholoxova. – Vy'p. IV. – M.: RITs MGOPU im. M.A. Sholoxova, 2004. – S. 29–39.

7. Mixajlovskij F.A. Magistraczkie komponenty' vlasti Avgusta v zarubezhnoj istoriografii / F.A. Mixajlovskij // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2009. – № 1 (3). – S. 88–100.

8. Chekanova N.V. Rimskaya diktatura poslednego veka respubliki / N.V. Chekanova. – СПб.: ITs «Gumanitarnaya akademiya», 2005. – 480 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

С.А. Агуреев

Историография зарубежной истории в системе комплексной подготовки профессионального историка

Современная историческая наука и историческое знание переживают бурный период ломки традиций и стереотипов, сформировавшихся в европейской интеллектуальной культуре на протяжении эпохи Просвещения и последовавшего за ней романтизма.

В последние десятилетия появились не только новые подходы к изучению истории, но и возникло представление о том, что прошлое имеет множество интерпретаций, а исторический факт приобретает реальность лишь в той мере, в которой он становится частью исторического сознания. Таким образом, за историком признается право на личный выбор, как предмета исследования, так и интеллектуального инструментария.

Комплексные знания, накопленные в процессе изучения курса историографии зарубежной истории в качестве специальной исторической дисциплины, позволяют актуализировать изученный ранее материал. Эта актуализация материала не просто акцентирует важнейшие информационные блоки, но и вводит в систему знания его движущий механизм — в виде метода исследования прошлого. Знакомство с техникой и методологией исторического познания дает практическую возможность понять и почувствовать важнейшую имманентную особенность исторического знания — парадоксальное сочетание в нем объективности и условности.

Любой научный исторический дискурс имеет своей первоочередной целью выявить как наиболее слабые, так и сильные стороны существующих исторических концепций и школ, а также многоуровневость всего исторического знания, его зависимость от культурного контекста конкретной исторической эпохи и, тем самым, по словам известной исследовательницы-историка Л.П. Репиной, осуществить «десакрализацию научной картины исторического прошлого» [6: с. 7]. Этот процесс очистки сознания от мифов и осмысле-

ния, поиска и истолкования новых смыслов и есть процесс теоретического становления самой исторической науки.

Реализация этой задачи невозможна без установления границ исторического исследования, определения его социальных функций и возможностей оказывать влияние на развитие различных форм общественного сознания в зависимости от изучаемой эпохи, тогда как главная педагогическая цель историографии как учебной дисциплины — пробуждение критического отношения к существующим оценкам прошлого и определение закономерностей социального развития в истории [6: с. 7].

Не следует забывать и о процессах, происходящих в последние годы в становлении самой теории исторического знания, увеличении числа подходов и направлений исторического исследования по сравнению с ситуацией в исторической науке немногим более двадцати лет назад. Поэтому наиболее важной задачей комплексной подготовки историков-профессионалов должно быть ориентирование современных студентов на понимание ограниченности исторического знания, обусловленной самим характером исторических источников и существующими методиками работы с ними, чтобы у них изначально выработался критический подход к огромной массе научной литературы, с которой им предстоит работать [8: с. 7–8].

Подобный осмысленный поиск тем самым повышает и ценность процесса обучения истории, помогает начинающему специалисту адаптироваться к многообразию существующей исследовательской литературы и научным концепциям, способствует формированию необходимых практических умений и навыков, сопоставить различные пути развития и механизмы взаимодействия российской и европейской исторических традиций.

Историческая наука занимает особое место в системе гуманитарных наук ввиду особой значимости, происходящих в обществе политических и культурных процессов, неразрывно связанных с эволюцией исторического сознания, изменением характера общественных форм с течением различных эпох. История имеет дело с уникальными событиями, явлениями самых разных типов — от политических и правовых до культурно-психологических, что сближает историка по методу работы со специалистами в областях экономики, социологии и правоведения. Она выступает в качестве наиболее универсальной из всех социальных наук, так как служит основой для понимания большинства общественных и политических процессов. Чрезвычайно широко и предметное поле истории, определяющееся тем обстоятельством, что и социология и психология и философия, а также другие социальные науки создают и используют понятия, которые историк применяет в своих исследованиях. Цель истории — не одно лишь усвоение конкретных знаний, она также заставляет испытывать определенные чувства, воспитывает на примерах прошлого.

Как писал известный французский историк XIX в. Э. Лависс: «Любовь к родине не заучивается на память, она заучивается памятью и сердцем» [5: с. 29]. А в другом месте своих сочинений добавил: «Не будем учить историю с тем же спокойствием, с каким мы учим причастия. Ведь здесь речь идет о нашей плоти и о крови от нашей крови» [5: с. 29].

И все же прошлое используется историческим знанием не только как сокровищница моральных и идеологических примеров. В нем также стремятся обнаружить истоки современных явлений, что нередко приводит к «современиванию» в сознании исследователя картины событий. В результате подобного подхода искусственно выстраивается схема преемственности определенных явлений, порожденных эпохой современности и не имеющих прямого отношения к прошлому, что представляет собой одну из наиболее типичных ошибок большинства начинающих историков. К истории обращаются и как к аргументу, оправдывающему актуальные для современности идеологические и политические притязания, сознательно удлиняя историческую традицию, что также не соответствует объективистскому подходу.

Заметную опасность искажения реальной картины событий в осмыслении минувших эпох представляет собой и однозначность оценок, что само по себе игнорирует сложность исторических процессов, порождает своего рода иллюзию древности и бесспорности идей и концепций, убеждает в их непогрешимости. Еще более отчетливо моральная и политическая пристрастность проявляется при изучении недавнего прошлого, живая связь с которым служит питательной средой для современного общества. Однако даже историкам-объективистам, придерживающимся принципов научной критики источников и проводящим непредвзятый анализ фактов довольно трудно очистить восприятие минувшего от его эмоциональных оценок, привнесения стереотипов собственной эпохи в осознание ушедших эпох [7: с. 240]. Широкий спектр подобных проблем максимально осложняет работу современного историка, особенно начинающего специалиста.

Кроме того, нельзя не отметить, что историография в исторической науке играет роль системы мировоззренческих выводов, доктринального взгляда на исторический процесс в целом. Преподавание историографии зарубежной истории, поэтому имеет и другие четко определенные цели, направленные на реализацию комплексного процесса обучения — образовательную, состоящую в формировании системных и целостных представлений об основных проблемах исторического познания, специфике их постановки и решения в исследовательской литературе, овладение навыками применения особого рода методик в исследовательской практике; познавательную — овладение основными историческими концепциями, понятиями и суждениями, способностью самостоятельно осмысливать и сопоставлять огромное количество исторических фактов, определять результаты научных исследований, выдвигать гипотезы, строить модели исторических процессов и явлений. Нельзя

переоценить и ее особое воспитательное значение в формировании исторического сознания, научной добросовестности, творческой инициативы, понимания общественной значимости исторической науки.

Достижение этих целей происходит путем решения целого ряда задач — расширения теоретических знаний нового поколения историков, формирования у будущих специалистов-историков неразрывной взаимосвязи теории и методов исторической науки, освоения современных научных концепций, их места и роли в развитии исторического знания [2: с. 80].

Важнейшей составляющей указанного подхода к теоретической подготовке специалистов-историков должно становиться изучение фундаментальных понятий и категорий исторической науки, для усвоения которых необходимо рассматривать их соотношение и смысл. При этом важно, чтобы в процессе обучения студенты выделяли специфику законов истории, научились распознавать влияние субъективных личностных факторов. Студенты также должны понять диалектическую связь таких научных категорий как: «событие» и «факт», «знание» и «историческое сознание», «историография» и «методология» [2: с. 83].

Другая задача освоения историографии в качестве специальной исторической дисциплины — получение комплексных знаний об эволюции исторической науки, ее развитии в течение различных эпох, становлении основных познавательных методов и подходов. Возникает и необходимость как можно подробнее остановиться на проблемах философии истории, истоках ее появления и сути, дать развернутую картину развития понятия «историзм», выделяя наиболее важные периоды и фазы в становлении объективизма. Особая роль должна отводиться анализу существовавших ранее приемов и методов исторической критики, оценкам самой проблемы достоверности исторического знания начиная с эпохи ранней древности и заканчивая постмодернистским подходом [1: с. 84].

Однако при этом крайне важно осознавать, что в отношении к прошлому историк не всегда может руководствоваться только требованием беспристрастности и объективности и тем самым полностью подчиниться принципу историзма в отражении исторической реальности. Иные эпохи и общества интересны ему с точки зрения сопоставления их с его собственным временем и системой ценностей и координат. Современность при этом остается своего рода идеальной моделью, от которой отталкивается историк в истолковании прошлого. Но как достичь подобного сочетания объективизма с актуализацией исторических событий? С чего должен начинаться осмысленный дискурс историка?

Эти вопросы, так или иначе, задают себе большинство начинающих исследователей. Для того чтобы решить поставленную в процессе исследования задачу необходимо учитывать три основные группы факторов, влияющих на поиск аналитической модели: научные концепции, которыми исследователь руководствуется при отборе и систематизации исторических фактов и явлений, политические и идеологические, культурные принципы устройства общества, высту-

пающие в качестве точки отсчета в восприятии прошлого, а также личностные мировоззренческие и идеологические установки самого историка.

Исходя из них, и вырабатывается научная гипотеза, и определяются задачи исследования, задаются вопросы прошлому, происходит отбор источников и литературы, создается интеллектуальная картина событий. Историческая теория выступает, таким образом, в качестве необходимого ориентира для исследователя в его самостоятельном научном поиске. Этим важным обстоятельством и определяется особое теоретическое значение историографии зарубежной истории в подготовке современного историка.

При этом значимость историографии как специальной исторической дисциплины не ограничивается лишь сугубо теоретической областью исследований и постановкой новых проблем, сохраняя немаловажное прикладное значение, что особенно необходимо для наиболее комплексной подготовки специалиста по зарубежной истории. Тем самым историография тесно смыкается с методологией, проверкой и апробацией методов исторического исследования. Этот крайне сложный и противоречивый процесс, который известный французский историк школы «Анналов» Марк Блок назвал «борьбой с документами» [9: с. 86] и отличает профессионального историка от любителя.

На первом этапе практической работы с источником осуществляется его внешняя критика: выясняется происхождение, авторство, порядок и особый характер изложения, являющиеся отличительными признаками создавшего их автора и эпохи (дипломатика — раздел науки, изучающий особые признаки, стиль письма). Однако установление подлинности документа или его очистка от искажений и позднейших вставок являются лишь начальным этапом работы, «но никогда не заканчиваются им» [4: с. 104].

После установления авторства и внешней характеристики источника осуществляется его внутренняя критика или герменевтика, выступающая одним из наиболее значимых разделов современной исторической науки.

Для понимания источника необходимо учитывать как степень его достоверности, так и социально-исторические условия создания документа, убеждения и идеалы его создателей, отражающие в известной мере их индивидуальные взгляды и культуру эпохи. Влияют на «надежность» источника и намерения и предрассудки автора.

Однако работая с источником, историк не должен довольствоваться лишь ролью пассивного наблюдателя. Он должен искать необходимые сведения по разным категориям источников, проводя их историко-сравнительный анализ, восполняя неполные или утраченные данные и объясняя причины существующих пробелов. Ибо, как писал известный британский историк Ричард Кобб в книге «Исследователи Клио», лишь: «Наиболее талантливые исследователи демонстрируют готовность прислушиваться к словам документа, идти

вслед за каждой его фразой, даже неразборчивой... с тем, чтобы услышать, что именно было сказано, с каким ударением и каким тоном» [10: с. 90].

Таким образом, герменевтика изначально ориентирует на самостоятельный научный поиск, овладение методологией проведения исторического исследования, критики источников и их типологизации, что особенно важно для подготовки специалиста-историка.

Необходимо и осознание того, что каждый метод выступает в качестве наиболее динамичного компонента исторической науки, в определенном смысле является ее движущей силой. Появление новых методов довольно часто приводит к изменению соотношения и роли старых и новых методов, но не к утрате первыми своего значения. В отличие от конкретно-исторических фактов и концепций, подверженных быстрому обновлению, существующие методы исследования, напротив, по мнению известного историка И.Д. Ковальченко, отличаются гораздо большей «живучестью» [3: с. 18].

Применение общенаучных методов позволяет представить исследуемую проблему как процесс в контексте исторической реальности, позволяет познать во всей полноте сущность и содержание рассматриваемых категорий. Однако более существенное значение имеет и анализ специально-исторических методов, овладение которыми позволит начинающему специалисту проводить самостоятельные исследования, определять круг стоящих перед ним задач и подбирать источники по проблеме, приходиться к осмысленным выводам и обобщениям. Немалое внимание следует уделять и анализу методов, заимствованных из других наук: квантитативным, социологическим и др.

Опыт преподавания историографии зарубежной истории позволяет прийти к выводу, что вопросы теории исторического знания, принципов и методов исследования приобретают особую значимость и представляют собой один из наиболее важных элементов комплексной подготовки специалистов по истории. Будущее профессионального историка во многом зависит от его умения решать стоящие перед ним научно-практические задачи с учетом требований современной исторической науки, в условиях которой и развивается историографический процесс.

Литература

1. *Алексеев П.В.* Теория познания и диалектика / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Высшая школа, 1991. – 382 с.
2. *Ипполитов Г.М.* Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете / Г.М. Ипполитов // Новая и новейшая история. – М., 2007. – № 5. – С. 80-88.
3. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 438 с.
4. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории / Р.Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
5. *Про А.* Двенадцать уроков по истории / А. Про. – М.: Наука, 2000. – 333 с.

6. *Репина Л.П.* История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
7. *Савельева И.М.* История и время: в поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Поletaев. – М.: Язык русской культуры, 1997. – 796 с.
8. *Toш Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Д. Тош. – М.: Весь мир, 2000. – 296 с.
9. *Bloch M.* The Historians Craft / M. Bloch. – М.: Manchester University Press, 1954. – 439 p.
10. *Cobb R.* Clio and the Doctors / R. Cobb. – Chicago: Chicago University Press, 1974. – 316 p.

Literatura

1. *Alekseev P.V.* Teoriya poznaniya i dialektika / P.V. Alekseev, A.V. Panin. – М.: Vy'sshaya shkola, 1991. – 382 s.
2. *Ippolitov G.M.* Iz opy'ta prepodavaniya metodologii istorii v Samarskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete / G.M. Ippolitov // Novaya i noveishaya istoriya. – М., 2007. – № 5. – С. 80–88.
3. *Koval'chenko I.D.* Metody' istoricheskogo issledovaniya / I.D. Koval'chenko. – М.: Nauka, 1987. – 438 s.
4. *Kollingvud R.Dzh.* Ideya istorii / R.Dzh. Kollingvud. – М.: Nauka, 1980. – 485 s.
5. *Pro A.* Dvenadcat' urokov po istorii / A. Pro. – М.: Nauka, 2000. – 333 s.
6. *Repina L.P.* Istoriya istoricheskogo znaniya / L.P. Repina, V.V. Zvereva, M.Yu. Paramonova. – М.: Drofa, 2004. – 288 s.
7. *Savel'eva I.M.* Istoriya i vremena: v poiskax utrachennogo / I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. – М.: Yazyk russkoj kul'tury', 1997. – 796 s.
8. *Toш D.* Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika / D. Tosh. – М.: Ves' mir, 2000. – 296 s.
9. *Bloch M.* The Historians Craft / M. Bloch. – М.: Manchester University Press, 1954. – 439 p.
10. *Cobb R.* Clio and the Doctors / R. Cobb. – Chicago: Chicago University Press, 1974. – 316 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Г. Афанасьев

Александр Дубчек: человек на перепутье

Во второй половине XX века в странах Восточной Европы стал очевиден кризис политических систем, который базировался на несоответствии теории и практики идей «народной демократии» в вопросах взаимоотношений общества и управляющей им властной «вертикали» [3: с. 9]. В связи с чем, происходят кризисные явления в Польше, Венгрии и Болгарии.

В Чехословакии ситуация была несколько иной: страна в наибольшей степени готова была воспринять нараставший импульс XX съезда КПСС, наметившего отход от сталинизма, как политики жесткой диктатуры с минимальным влиянием демократических институтов на власть, и провозгласившего некоторое ослабление идеологической цензуры. «Пражская весна», будучи отражением подобного рода тенденций, представляла собой пореформенный процесс (январь – август 1968 года) в Чехословакии, направленный на попытку демократизации социалистической модели общества. Несмотря на поддержку широких масс, включая интеллигенцию, членов КПЧ, беспартийных и части чехословацкого общества в целом, ход реформ был остановлен введением войск стран ОВД (Организации Варшавского Договора) в Прагу. Сама идея «Пражской весны» заключалась не в радикальном отходе от социалистической модели, а в частичной ее корректировке, выражавшейся в так называемом «социализме с человеческим лицом». Речь шла о внутреннем процессе, имевшем целью демократизацию режима, свободу печати, экономические, прежде всего рыночные реформы и защиту национальной независимости [5: с. 163]. Такая идея изначально была весьма противоречива. В частности, экономика под воздействием всех этих трансформаций должна была измениться коренным образом, став по многим ключевым параметрам капиталистической (URL: <http://www.magazines.russ.ru/nz/2008/4/tr5.html>). Не менее противоречивой в данной ситуации выглядит личность первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека. Зачастую в современной историографии его

представляют олицетворением «Пражской весны». Для многих он убежденный борец за соединение социализма с демократией [1: с. 59]. Рассмотрению роли личности этого весьма неоднозначного человека и его вклада в реформаторский процесс посвящена данная статья.

После упомянутого выше XX съезда КПСС в СССР, когда стало ясно, что строгость запретов смягчена, в Праге начали искать пути для продвижения вперед. Поиск заключался в выработке новых экономических программ. Такой вопрос ставился в частности в феврале 1957 г. на пленуме ЦК КПЧ. Предполагалось не коренным образом менять экономику, а лишь решить назревшие проблемы. Ставка делалась на частичную децентрализацию предприятий, давая им возможность зарабатывать деньги. Но половинчатая реформа не дала соответствующих результатов, более того, в стране разразился экономический кризис, связанный с провалом очередной пятилетки [8: с. 53]. Тогдашний президент и руководитель компартии Чехословакии А. Новотный слабо справлялся со своей ролью. Его нельзя было отнести к руководителям-реформаторам, но именно при нем в Праге начали происходить изменения. В первую очередь они были связаны с появлением на политической арене КПЧ новых, прагматично мыслящих политиков, среди которых были будущие реформаторы О. Черник и Л. Штроугал, О. Шик. Таким образом, задолго до 1968 г. руководство КПЧ состояло из людей, в большинстве своем понимавших необходимость реформ и перемен для дальнейшего развития Чехословакии. Вероятно, именно они оказывали определенное влияние на А. Новотного. В результате в 1964 году сложилось своеобразное положение, когда внутри КПЧ, «за спиной» просоветского руководства страны открыто обсуждалась критика системы. Такой ход событий вызывал определенные опасения в среде политической элиты Советского Союза. К 1967 г. А. Новотный оказался между двух огней: с одной стороны, критика Л.И. Брежнева, с другой — давление собственной партийной верхушки. Зимой 1968 г. все это привело к смене руководства: первым секретарем партии стал А. Дубчек, до этого возглавлявший ЦК компартии Словакии.

Родился Александр Дубчек в Словакии в 1921 г. Далее, с 1925 г. в течение 13 лет, его семья жила в Советском Союзе. Вернувшись на родину, работал слесарем. Затем вступил в Компартию Чехословакии, участвовал в антифашистском движении и Словацком национальном восстании. После войны, в 1949 г., перешел на партийную работу в качестве секретаря, а затем и первого секретаря Тренчинского обкома Компартии Словакии. Далее была учеба на юридическом факультете Братиславского университета и поступление в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В период 1960–1968 гг. политическая карьера А. Дубчека развивалась весьма бурно, он проделал непростой и насыщенный событиями путь от секретаря ЦК КПЧ по промышленности до члена президиума ЦК компартии Словакии и депутата Федерального собрания ЧССР.

В частности, в начале 60-х гг. XX века будущий первый секретарь КПЧ входит в комиссию по расследованию репрессий и политических преступле-

ний 1951–1954 гг. и активно занимается процессом реабилитации их жертв. А. Дубчек работал с документами по сфальсифицированным обвинениям в «словацком буржуазном национализме» известных общественно-политических деятелей (В. Клементиса, Г. Гусака, Л. Новомеского) [9: с. 42]. Итогом большой работы стало создание 800-страничного «Заключения» (впоследствии урезанного до 80 страниц), произведшего эффект разорвавшейся бомбы [1: с. 37–38]. Этот документ повлек за собой существенные кадровые изменения, на волне которых А. Дубчек становится секретарем ЦК КПС.

Такая деятельность, вероятно, была обусловлена не только влиянием политики антисталинизма в СССР, но и жизненными взглядами самого А. Дубчека, основанными на непоколебимом чувстве национального достоинства. Как упоминалось выше, он уже в 17 лет вступил в запрещенную тогда в Словакии коммунистическую партию, а в 1944 г. участвовал в словацком национальном восстании. Также важно отметить, что такого рода деятельность А. Дубчека вызывала явные опасения со стороны тогдашнего первого секретаря ЦК КПЧ А. Новотного, известного противника радикальных перемен в политической системе.

Несмотря на частые конфликты с А. Новотным, А. Дубчек в последующие годы постепенно усиливает свое влияние в компартии Словакии (в 1966 г. переизбирается на второй срок первого секретаря КПС), занимается развитием значительной части чехословацкой промышленности, а конкретно — вопросом индустриализации страны. В этом направлении ему удалось достичь некоторых успехов, особенно в плане увеличения производственного объема [9: с. 44]. Суть используемой концепции заключалась в постепенном устранении бюрократической централизации и высвобождении самостоятельной промышленной активности государственных предприятий, использовании рыночных механизмов для достижения более высокой эффективности. Здесь необходимо отметить, что А. Дубчек не был идеологом данной программы, скорее он был ее проводником. В основу программы, вероятно, была положена экономическая реформа Отто Шика, получившая одобрение на заседании ЦК Компартии Чехословакии в январе 1965 года (URL: <http://www.radio.cz/ru/statja/57485>).

Но результаты реформы (тормозившиеся помимо всего прочего партийным аппаратом) не выглядели впечатляющими. Стоит ли в этом винить самого А. Дубчека? С одной стороны, для Чехословакии того времени характерны проблемы экономического плана, связанные с кризисом 1962–1963 гг. [6: с. 144–145]. С другой — даже несмотря на личные успехи, он не был человеком решительным и слишком переоценивал личные взаимоотношения в политике. Его деятельность в 60-х гг. XX столетия диктовалась не только убежденностью в необходимости определенных перемен, но и трезвым расчетом, основанным на оценке соотношения сил внутри страны и политики Советского Союза [4: с. 74]. К тому же в высший политический свет А. Дубчек входил не один, а с амбициозными, но менее радикальными Й. Ленартом, и М. Вацуликом. Но именно А. Дубчек впо-

следствии стал первым секретарем ЦК КПЧ.

Дело в том, что, как уже упоминалось, деятельность А. Дубчека на посту первого секретаря компартии Словакии была неразрывно связана с потребностью восстановления чувства национального достоинства словацкого народа. На почве защиты национальных интересов и критики экономической политики Праги по отношению к Словакии у А. Дубчека многократно усилились противоречия с А. Новотным [2: с. 147]. Сам А. Новотный был ставленником Н. Хрущева и долгое время казался надежным человеком для советского руководства. Все изменило смещение Н. Хрущева со своего поста в октябре 1964 г. Такой ход событий оказался чрезвычайно выгодным для А. Дубчека и оппозиционного крыла КПЧ. В 1966–1967 гг. шло неуклонное нарастание противоречий в рядах партийного руководства Чехословакии, происходившее на фоне экономических и политических проблем. Все это привело к пленуму ЦК КПЧ, проходившему в октябре 1967 г. А. Дубчек выступил с речью, обличающей политику А. Новотного, указав на чрезмерно консервативные методы работы высшего руководства и пагубность совмещения сразу трех постов [5: с. 165]. Таким образом, первый секретарь партии, главнокомандующий и действующий президент Чехословакии оказался в окружении критически настроенных группировок ЦК и был вынужден уйти со своего поста в январе 1968 г.

На повестке стоял вопрос о выборе нового первого секретаря ЦК КПЧ, который должен был удовлетворить как прогрессивные круги в Чехословацкой компартии, так и руководство Советского Союза. Таким человеком и оказался А. Дубчек. Он воспринимался весьма молодым, перспективным и покладистым по своей натуре. Будучи азартным партийным игроком «... всегда выглядел нерешительным и совершенно не производил впечатления человека, рвущегося к власти» [6: с. 136]. Москва всецело одобрила подобную кандидатуру.

Возглавив партию, А. Дубчек сразу занялся комплектованием правительства. Нетрудно догадаться, что на первый план вышли сторонники реформ, амбициозные и не стандартно мыслящие люди. О. Черник стал премьером, О. Шик — вице-премьером, Л. Свобода — президентом Чехословакии. Вскоре была опубликована программа действий КПЧ, в которой, несмотря на всю маскировку, весьма отчетливо просматривался ее реформистский характер. В частности, программа предусматривала отмену цензуры, свободу слова и собраний, провозглашала федерализацию государства и экономическую независимость предприятий (SÚA – A ÚV KSČ, f. 01, a.j. 121, Zasedání ústředního výboru KSČ ve dnech 28. března a 1.-5. dubna 1968. Část II. Stenografický zápis. – Tisk, s. 137–139). Данный документ стал трудом коллективным, среди авторов которого значились К. Рихта, О. Шик (наиболее радикальный чехословацкий реформатор), П. Ауэсперг. Также коллективно программа была принята на апрельском пленуме ЦК КПЧ (Там же). В этом плане весьма характерной кажется роль самого А. Дубчека в политике принятия подобных решений.

По воспоминаниям З. Млынаржа первый секретарь ЦК КПЧ, как правило, степенно выслушивал различные мнения, подводил итог в общих словах, отмечая необходимость усиления позитивных явлений и нейтрализации явлений негативных [4: с. 150]. Складывается ощущение, что при таком подходе А. Дубчек мог принять абсолютно любое решение, выдвинутое партийными функционерами, не выходящее за известные рамки. Как вспоминал впоследствии сам А. Дубчек, программа действий КПЧ не собиралась играть роль провокации, а избирала лишь сдержанный и осторожный способ выражения [2: с. 148]. На наш взгляд слово «осторожность» — одно из ключевых при раскрытии государственной деятельности первого секретаря КПЧ.

Тем не менее, на дальнейших встречах в апреле – мае 1968 г. руководители стран Варшавского договора неоднократно обвиняли А. Дубчека в создании ситуации, граничащей с «контрреволюцией». Тот, в свою очередь, пытался убедить Москву в безобидности выбранного курса. В этом плане богатую пищу для размышлений дают фрагменты переписки А. Дубчека и Л.И. Брежнева. К примеру, сначала со стороны Л.И. Брежнева письма носят весьма осторожный, философско-предупреждающий характер [7: с. 79]. Затем они приобретают все более грозный, императивный тон, свидетельствующий о тревоге и крайней озабоченности [7: с. 80]. В ответах А. Дубчека звучит уверенность в правильности выбранного пути, в контроле над ситуацией. Но что самое интересное, он абсолютно уверен, что такая политика напрямую соответствует интересам жителей Чехословакии. Дело в том, что А. Дубчек всегда производил впечатление крайне доверчивого человека. Верил в добро и добрые намерения других людей [2: с. 149]. Такая особенность характера вкупе с чувством национального достоинства, с одной стороны, позволяла наивно относиться к позиции Москвы, с другой — чувствовать поддержку со стороны чехословацкого народа. Будучи опытным партийным игроком А. Дубчек как мог прикрывал пореформенный процесс, распространявшийся в собственной стране. Но сделать это было крайне трудно: в политических кругах и обществе раздавались призывы к созданию частных предприятий, отказу от плановой системы, резкому ослаблению цензуры. Западные журналисты восхищались непривычной для страны восточного блока атмосферой свободы, называя Чехословакию «самой свободной страной Европы».

Определяющей могла стать встреча с Л.И. Брежневым и другими руководителями СССР в Чиерне-над-Тисоу (29 июля 1968 г.). А. Дубчек потребовал вывода советских войск, оставшихся в Чехословакии после совместных манёвров (вероятно, опасаясь военного вмешательства). Советские представители настаивали на окончательной стабилизации ситуации внутри ЧССР. Вспоминая события той встречи, А. Дубчек говорит, что переговоры помогли «кое-что понять» [2: с. 152], но этого понимания было недостаточно. Указывает на отсутствие отделов или институтов, занимающихся изучением советской системы [2: с. 152]. Такое умозаключение выглядит весьма странным,

поскольку встреча в Чиерне-над-Тисоу была отнюдь не первой. Советское руководство неоднократно указывало на потерю партийного контроля в Чехословакии и «разгуле» антисоветизма. Более того, еще свежи были события, происходившие в Венгрии в 1956 году. Такие наблюдения наталкивают на мысль о политической близорукости первого секретаря ЦК КПЧ в преддверии августовских событий.

Несмотря на общие достигнутые договоренности (Советские войска были выведены из Чехословакии, со стороны Праги прозвучали очередные обещания о нормализации внутривнутриполитической ситуации), военного вмешательства избежать оказалось невозможно. Важным подспорьем такого решения стало письмо некоторых членов руководства КПЧ (А. Индры, Д. Кольдера, А. Капека, О. Швестки и др.) с просьбой об оказании «действенной помощи и поддержки» со стороны Москвы [5: с. 205]. Это говорит о том, что А. Дубчек уже не мог контролировать внутривнутрипартийную деятельность. В Праге он чувствовал определенное давление со стороны различных сил (как «здоровых» так и «реформистских»), зачастую не разбираясь в степени их доверия.

18 августа 1968 года советским руководством было окончательно согласовано решение о вводе войск в Чехословакию. В ночь с 20 на 21 августа, когда началась операция «Дунай», А. Дубчек от О. Черника узнал о военном вмешательстве. На заседании партии, проходившем в тот момент, А. Дубчек рассматривал вопрос, связанный с сообщением о политической ситуации, которое подготовил новый отдел сводной информации. Помимо этого на съезде обсуждался вопрос о порядке выбора новых членов в центральные органы ЦК [2: с. 149]. Такие меры кажутся весьма запоздалыми: на пути к Праге уже были советские танки, внутри партии произошел раскол (проект заявления, адресованного всему народу республики о вводе войск, получил одобрение со стороны семи человек, четверо были против) [2: с. 153]. Само заявление носило осуждающий характер, характеризующий ситуацию как противоречащую принципам взаимодействия между социалистическими государствами.

21 августа 1968 года А. Дубчек, О. Черник, Й. Смрковский и Ф. Кригель были арестованы, вступившими в Прагу советскими войсками и отправлены на переговоры в Москву. Вопрос стоял о подписании нового совместного договора. Согласно воспоминаниям А. Дубчека, Советский Союз настаивал на политической «капитуляции» партийных функционеров КПЧ и отмене решений XIV партийного съезда¹. Й. Смрковский и О. Черник предлагали поиск компромисса с Советами, хотя сам А. Дубчек продолжал отвергать участие в каких бы то ни было переговорах [2: с. 161]. Ситуация оставалась сложной. Дело в том, что Советское руководство до последнего старалось сломить А. Дубчека, заставить сказать, что его сбили с толку его же соратники. Л.И. Брежнев указы-

¹ В пражском районе Высочаны, в цеху завода ЧКД тайно собрался съезд КПЧ, который заклеил вторжение, обратился к международному коммунистическому движению и мировому сообществу с просьбой о помощи и вывел из состава руководящих органов партии всех предателей.

вал на необходимость поиска приемлемого варианта, иначе в Чехословакии может начаться гражданская война [7: с. 249]. Диалог, продолжавшийся в течение четырех дней, закончился подписанием договора, по сути одобрявшего ввод войск. В воспоминаниях А. Дубчек пишет о том, что Советы косвенно признали реформы, проводимые в Чехословакии (в плане направленности будущего развития). Что именно такой ход событий и заставил его подписать окончательное решение, регламентирующее примирение сторон [2: с. 166]. Кроме этого, находясь в определенный момент под давлением сложившейся ситуации, первый секретарь ЦК КПЧ осознал, что находится на перепутье. С одной стороны — Прага, в которой в любой момент может пролиться кровь, с другой — надежды, связанные с попыткой претворить в жизнь так называемый «социализм с человеческим лицом». Выбор пал в сторону человеческой жизни.

После возвращения в Прагу до апреля 1969 г. Александр Дубчек формально пребывал на посту первого секретаря ЦК КПЧ и возглавлял Федеральное собрание Чехословакии. На апрельском пленуме ЦК КПЧ (1969 г.) А. Дубчек был отстранен от власти и заменён другим словаком – Густавом Гусаком, лояльным к СССР. В 1969–1970 гг. А. Дубчек некоторое время был послом в Турции. В 1989 г. стал одним из активнейших участников бархатной революции в Чехословакии. С декабря 1989 г. занимал пост председателя Федерального собрания Чехословакии. 7 ноября 1992 г. Александр Дубчек погиб от серьёзных травм, полученных в автомобильной катастрофе ([URL: http://www.radio.cz/ru/statja/97293](http://www.radio.cz/ru/statja/97293)).

Подводя итог, важно отметить, что роль личности в истории неразрывно связана с жизненными взглядами человека, претендующего на данную роль, его ближайшим окружением и обстановкой в стране (так называемый «фактор ситуации»). А. Дубчек был фигурой весьма неоднозначной: с одной стороны, перед нами образованный, отзывчивый, патриотически-настроенный карьерист, с другой — нерешительный, даже порой чрезмерно зависимый политик. Ни то, ни другое ему не мешало всегда быть осторожным. Окружение А. Дубчека состояло из предприимчивых и энергичных сторонников реформ (О. Черник, Й. Смирковский, Ф. Кригель и т.д.) оказывавших безусловное влияние на их ход. Будучи убежденным сторонником происходивших перемен, А. Дубчек, тем не менее, старался проводить политику компромисса, в то время, когда ситуация требовала более решительных действий. В попытке совместить несовместимое, А. Дубчек столкнулся с непониманием со стороны Советского Союза и отступил, чтобы снова вернуться в большую политику после бархатной революции. Так или иначе, для большинства людей он остается символом идеологического основания и проведения политики «социализма с человеческим лицом».

Литература

1. Богданов Ю.В. Судьба реформатора (По страницам воспоминаний Александра Дубчека) / Ю. В. Богданов // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретро-

спектива): сб. ст. / Под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 29–59.

2. В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека / Публикацию подготовил Ю.В. Богданов, перевод И.А. Богдановой // Российская история. – 2009. – № 4. – С. 147–170.

3. Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / Отв. ред. Э.Г. Задорожнюк; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – 442 с.

4. *Млынарж* З. Мороз ударил из Кремля / З. Млынарж – М.: Республика, 1992. – 288 с.

5. *Мусатов В.Л.* Советский Союз и Пражская весна 1968 г. / В.Л. Мусатов // Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / [Отв. ред.: В.В. Марьина]; Ин-т славяноведения РАН. – Кн. 2. – М.: Наука, 2005. – С. 162–232. – (XX век в документах и исследованиях).

6. *Шик О.* Весеннее возрождение, иллюзии и действительность / О. Шик. – М.: Прогресс, 1991 – 391 с.

7. *Шинкарев Л.И.* Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году / Л.И. Шинкарев. – М.: Собрание, 2008. – 447 с.

8. *Янин А.А.* История Чехословакии (1945–1970): учеб. пособие / А.А. Янин. – М.: Изд-во МГИМО, 1985. – 80 с.

9. Alexander Dubcek. Zivot a doba / Jan Uher. – 1 vyd. – Zilina: Oriens, 1999. – 85 s.

Literatura

1. *Bogdanov Yu.V.* Sud'ba reformatora (Po stranicam vospominanij Aleksandra Dubcheka) / Yu.V. Bogdanov // 1968 god. «Prazhskaya vesna» (Istoricheskaya retrospektiva): sb. st. / Pod red. T.V. Volokitinoj, G.P. Murashko, A.S. Sty'kalina. – М.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPEN), 2010. – S. 29–59.

2. V avguste 68-go: vzglyad s drugoj storony'. K vy'xodu russkogo perevoda vospominanij Aleksandra Dubcheka / Publikaciyu podgotovil Yu.V. Bogdanov, perevod I.A. Bogdanovoj // Rossijskaya istoriya. – 2009. – № 4. – S. 147–170.

3. Vlast' – obshhestvo – reformy': Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya polovina XX veka / Otв. red. E.G. Zadorozhnyuk; In-t slavyanovedeniya RAN. – М.: Nauka, 2006. – 442 s.

4. *Mly'narzh Z.* Moroz udaril iz Kremlya / Z. Mly'narzh – М.: Respublika, 1992. – 288 s.

5. *Musatov V.L.* Sovetskij Soyuz i Prazhskaya vesna 1968 g. / V.L. Musatov // Chexiya i Slovakiya v XX veke: ocherki istorii: v 2 kn. / [Otv. red. V.V. Mar'ina]; In-t slavyanovedeniya RAN. – Кн. 2. – М.: Nauka, 2005. – S. 162–232. – (XX vek v dokumentax i issledovaniyax).

6. *Shik O.* Vesennee vrozozhdenie, illyuzii i deystvitel'nost' / O. Shik – М.: Progress, 1991. – 391 s.

7. *Shinkarev L.I.* Ya e'to vse pochni zaby'l... Opy't psixologicheskix ocherkov soby'tij v Chexoslovakii v 1968 godu / L.I. Shinkarev. – М.: Sобрание, 2008. – 447 s.

8. *Yanin A.A.* Istoriya Chexoslovakii (1945–1970): ucheb. posobie / A.A. Yanin. – М.: Izd-vo MGIMO, 1985. – 80 s.

9. Alexander Dubcek. Zivot a doba / Jan Uher. – 1 vyd. – Zilina: Oriens, 1999. – 85 s.

Отстоять правду истории

В России создана и достаточно активно действует «Комиссия при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Статус её высок — её инициировал сам Д.А. Медведев, глава государства, а возглавил руководитель президентской администрации С.Е. Нарышкин. И хотя факт далеко не беспрецедентный — подобные группы экспертов на правительственном уровне существуют в целом ряде европейских стран — он оставляет немало вопросов. Как защищать историю? От кого? Как быть с плюрализмом мнений, который необходим в ходе исследовательских поисков? Насколько эффективен административный ресурс в исторической науке, даже на столь высоком уровне?

Эти вопросы сами по себе служат предметом дискуссий. Грани проблемы заметно выявились при подготовке к 65-летию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Выступая на заседании оргкомитета «Победа» в Волгограде, президент России, призвал «не допустить реабилитации нацистских пособников и не закрывать глаза на героизацию тех, кто по сути воевал против своего народа». Конечно, речь идет далеко не только о Второй Мировой войне. «Мы должны очень бережно относиться к нашей истории», — призывает Д.А. Медведев.

К кому обращен этот призыв? Ко всем, кто любит свою Родину, дорожит её боевыми, культурными традициями, заново переживает то, что было в прошлом — будь то победы или неудачи. Но, прежде всего, он обращен к историкам — настоящим и будущим. Педагоги завтрашнего дня, специализирующиеся в данной сфере науки, сегодня, пожалуй, более остро ощущают востребованность полученных знаний. Но особенно это относится к тем, кто сам непосредственно вступает на ниву науки, занимаясь историческими исследованиями, — к аспирантам и соискателям.

Показательным в этом смысле был состоявшийся в марте 2010 года круглый стол «Отстоять правду истории». Открыл его декан исторического фа-

культета, профессор, кандидат исторических наук *В.В. Кириллов*. Основной доклад на пленарном заседании «Проблемы историографии в современной общественно-политической ситуации» сделал заведующий кафедрой всеобщей истории, профессор, доктор исторических наук *Е.И. Хаванов*.

А большинство докладчиков составили аспиранты. Практически каждый выступал по тематике будущих диссертаций. Где и что написано — в России, ближнем и дальнем зарубежье, с каких позиций, насколько правдиво отражен ход событий — вот что интересовало каждого, кто выходил на трибуны, включался в дискуссии. А центров дискуссий — по числу секций — было три. В первой из них — «Современный мир перед судом истории» — доминировали вопросы новейшей проблематики, представляющие стык прошлого и настоящего мировой политики, противостояние различных концепций и их трактовку. Уверенно прозвучали выступления *А. Афанасьева* («Историческая память как факт общественного прогресса»), *Г. Баранова* и *И. Лучая* — с анализом внешнеполитических установок британских лейбористов и германских социал-демократов, *С. Зудочкиной* и *А. Грибановой* — о коммуникационном менеджменте во внешней политике Великобритании и США.

Во второй секции «Историография отечественной истории на новых рубежах» докладчики стали отрицать современный взгляд на отдельные вопросы прошлого России, которые сегодня приобретают актуальность. Интересные сообщения подготовили *А. Мозгунов* («Командующие фронта Красной армии в период Курской битвы»), *А. Евдокимова* («Русская православная церковь в канун реформ патриарха Никона»), *Р. Андреев* («Сатирические журналы России 1905–1907 годов в исторических исследованиях») и другие.

Современное звучание получили и научные сообщения в секции «Античность и Средневековье через призму современных проблем». Их авторы попытались ответить на вопросы, почему и чем именно могут быть интересны молодым людям XXI века уроки и опыт наших столь давних предшественников. Сообщения «Спартанское общество в англо-американской историографии» (*М. Артамонова*), «Проблема взаимодействия Северной Греции с варварской периферией в современной историографии» (*Г. Сытдыков*), «Древнеегипетские предметы на территории александрийского Серапеума: несколько точек зрения» (*А. Давыдова*), «Оценка деятельности Гая Мария в отечественной историографии» (*О. Федотова*), «Проблемы изучения социальной мобильности в средневековой Испании в отечественной и зарубежной цивилизации» (*С. Гарсия*) привлекли внимание участников круглого стола.

Среди докладчиков были не только аспиранты — соискатели кандидатских ученых степеней, но и докторанты. Это — заместитель заведующего кафедрой всеобщей истории, доцент, кандидат исторических наук *А.Ф. Рагимова* («Россия и СНГ: основные черты и тенденции историографии») и доцент *Н.А. Лобанов* («Холодная война — взгляд зарубежных историков»). Их

участие в дискуссиях, конечно, повысило уровень обсуждения. Этому способствовало и присутствие научных руководителей и консультантов.

В целом круглый стол стал не просто оперативным откликом коллектива факультета на призыв Д.А. Медведева защитить историю от фальсификаций и искажений. Это был своего рода мастер-класс молодых ученых, полигон, где можно апробировать накопленный запас знаний, аргументированно отстаивать свои позиции.

К.А. Захаров

Актуальность проблемы информационных войн в мировой науке

Коммуникация в качестве оружия в борьбе с террором

Коммуникационный аспект противодействия международному терроризму приобретает все большее значение по мере использования террористическими организациями средств массовой информации.

В связи с этим возрастает внимание к данному направлению, как со стороны национальных силовых структур Европейского Союза, так и со стороны наднациональных организаций. Это показала встреча российских специалистов Международного центра социально-политических исследований и консалтинга (МЦСПИК), часть из которых — преподаватели Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, с экспертами Антитеррористического подразделения Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

28 апреля 2010 г. специалисты Международного центра социально-политических исследований и консалтинга провели в ОБСЕ (Вена) семинар, посвященный коммуникационным механизмам противодействия терроризму. Семинар прошел при поддержке Антитеррористического подразделения ОБСЕ. Среди присутствовавших были как сотрудники Секретариата ОБСЕ, так и представители дипломатических представительств стран-участниц этой международной организации.

Главной темой семинара «Модели коммуникационного противодействия терроризму» стали способы освещения террористической и контртеррористической деятельности в России и странах Европы.

Цель встречи состояла в анализе различных направлений применения коммуникаций, которые в современном мире активно используются террористическими организациями (главным образом анализировались формирование и реализация «имиджа» террора). Информационная и коммуникационная составляющие, которые служат мощным орудием воздействия на массы в арсенале террористов, могут, при определенных условиях, стать их «ахиллесовой пятой». Чтобы понять, как формируются подобные условия, необходимо осмыслить роль информации и значение управления посредством коммуникаций в современных конфликтах,

в военных кампаниях и, прежде всего, в ситуациях, возникающих в ходе осуществления террористических актов. Различные аспекты данной проблемы были затронуты в докладах участников семинара:

Доктора исторических наук, профессора *Е.Н. Пашенцева* (преподаватель Института гуманитарных наук МГПУ, преподаватель философского факультета МГУ, директор Международного центра социально-политических исследований и консалтинга, руководитель Центра коммуникационного менеджмента Российско-немецкой высшей школы управления Академии народного хозяйства при Правительстве РФ): «Управление с помощью коммуникаций: террористическая активность и ответная реакция СМИ и властей»; доктора *Г. Саймонза* (преподаватель философского факультета МГУ, консультант МЦСПИК, ведущий исследователь Центра российских и восточноевропейских исследований Университета Упсалы, Швеция, ведущий исследователь центра «Крисмарт» Национального колледжа Министерства обороны Швеции): «Глобальная война с террором в СМИ»; *С.В. Зудочкиной* (аспирант МГПУ, исследователь МЦСПИК, преподаватель философского факультета МГУ): «На тропе войны с террором: Освещение последних терактов в России в российских и британских СМИ»; кандидата исторических наук *Д.Ю. Базаркиной* (преподаватель кафедры журналистики МГГУ им. М.А. Шолохова, преподаватель философского факультета МГУ, координатор исследований МЦСПИК по коммуникационному менеджменту): «Коммуникационный аспект антитеррористической деятельности в России и Германии в условиях глобального экономического кризиса: общее и особенное».

Коммуникационный менеджмент в информационных войнах

Технологии коммуникационного менеджмента играют сегодня все большую роль в различных сферах жизни, от бизнеса до военных конфликтов и антитеррористической деятельности, что и подтвердила состоявшаяся с 30 апреля по 2 мая 2010 г. в Праге конференция «Проблемы войны и мира». Организатором конференции выступила международная исследовательская сеть «Inter-Disciplinary.Net». В рамках секции «Коммуникационный менеджмент в информационных войнах: Новые возможности и новые риски» представили свои доклады преподаватели МГПУ. Работа секции проходила под председательством Е.Н. Пашенцева и Г. Саймонза. В ней также приняли участие свыше 35 специалистов из США, Великобритании, Чехии, Германии, Нидерландов, Греции и других стран мира. На секции прозвучали доклады:

Е.Н. Пашенцева «Информационная война как составляющая коммуникационного менеджмента в современной России»; *Г. Саймонза* «Представление в СМИ конфликтов в Афганистане и Ираке»; доктора *В. Сухан* (доцент Университета штата Мэн США, консультант МЦСПИК) «Война и мир: коммуникации как средство обеспечения тотального превосходства»; *С.В. Зудочкиной* «Коммуникационный аспект деятельности МИ-6»; *Д.Ю. Базаркиной* «Информационная война с террором в ФРГ: новые возможности и новые риски».

Информация и СМИ в современных конфликтах

16 июля 2010 г. в Военной академии в Лиссабоне (Португалия) состоялся семинар «Информация и СМИ в современных конфликтах», основной доклад на котором представил д-р Г. Саймонз. В докладе шведский исследователь указал на возрастающую важность информационного оружия в современном мире, проиллюстрировав основные тезисы многочисленными исчерпывающими примерами применения коммуникационных механизмов как в военных конфликтах, так и в практике крупного бизнеса. Семинар был организован Ассоциацией по изучению конкурентной разведки и информационных войн (Competitive Intelligence & Information Warfare Association — СИИВА) — некоммерческой общественной организацией, объединяющей, в частности, исследователей в области защиты бизнес-информации.

Встреча показала высокую актуальность данной области исследований как среди бизнес-сообщества, так и в органах безопасности, представители которых были особенно заинтересованы практическими рекомендациями шведского исследователя. В дискуссии приняли участие также специалисты в области информационных войн. Россия на семинаре была представлена Е.Н. Пашенцевым, Д.Ю. Базаркиной, С.В. Зудочкиной, а также кандидатом исторических наук *О.С. Полуниной* (доцент кафедры массовых коммуникаций МГПУ).

Коммуникационный менеджмент на конгрессе IAMCR

С 18 по 22 июля 2010 г. в Университете Миньо в Браге (Португалия) прошла ежегодная конференция Международной ассоциации по изучению СМИ и коммуникаций (International Association for Media and Communication Research — IAMCR) «Коммуникация и гражданское общество». В конференции приняли участие более 1200 исследователей из 75 стран мира.

21 июля в рамках секции «Международные коммуникации» — председатель д-р Сухата Сосале (Университет штата Айова, США), состоялось заседание рабочей группы «Коммуникационный менеджмент в информационных войнах: Новые возможности и новые угрозы безопасности общественных интересов в период кризиса» — единственной рабочей группы на конференции, целиком сформированной специалистами по коммуникационному менеджменту.

Сопредседателями рабочей группы выступили Е.Н. Пашенцев и Г. Саймонз. В рамках работы группы свои доклады представили специалисты из России, США и Швеции:

Кандидат философских наук, профессор *В.В. Панферова* и кандидат политических наук *Ю.И. Зверева* (Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова) «СМИ как средство коммуникационного менеджмента в период цивилизационного кризиса»; В. Сухан «Анима и стратегические коммуникации»; *О.С. Полунина* «Коммуникационные функции наднациональных институтов во внешней политике Европейского Союза в ус-

ловиях кризиса»; Д.Ю. Базаркина «Правительственные коммуникации и массовые волнения в условиях мирового экономического и социального кризиса: На опыте Германии и Швеции»; С.В. Зудочкина «Коммуникационный аспект деятельности британской службы внешней разведки МИ-6»; Г. Саймонз «Попытки контроля над новостными потоками: «Войны «хороших новостей»»;

Помимо этого, отдельные доклады на конференции представили:

Е.Н. Пашенцев («Информационная война в условиях кризиса: Опыт России», секция «Кризисные коммуникации», председатели — *Сигурд Аллерн* и *Эстер Поллак*); Д.Ю. Базаркина («Коммуникационный аспект деятельности антитеррористических структур Германии в условиях экономического и социального кризиса и интересы гражданского общества», секция «Политические коммуникации», председатель — профессор *Филипп Маарек*).

*Д.Ю. Базаркина,
О.С. Полунина*

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ / REVOLUTIONARY MOVEMENTS

А.В.Ушаков

Рабочее движение и интеллигенция России в конце XIX – начале XX веков

Статья посвящена революционной борьбе рабочих России и роли интеллигенции в этой борьбе. Автор приводит статистические данные, использует архивные материалы и делает вывод, что в конце XIX – начале XX вв. интеллигенция выступила руководителем и организатором рабочего движения.

Ключевые слова: интеллигенция, рабочее движение, революционная борьба.

Ushakov, Anatoly V.

Working-class Movement and Intelligentsia of Russia at the Turn of the XX-th Century

The article analyzes the revolutionary struggle of workers of Russia and the role of intelligentsia in this struggle. The author adduces statistical facts, uses archive documents and concludes that intelligentsia of Russia was a leader and an organizer of the working-class movement at the Turn of the XX-th Century.

Key-words: intelligentsia, working-class movement, revolutionary struggle.

Г.Г. Касаров

Стачки рабочих Царицына (июль 1914 – февраль 1917 гг.)

В статье впервые в отечественной историографии проанализирована революционная стачечная борьба рабочих Царицына в условиях Первой мировой войны, Статья подготовлена на основе имеющейся литературы и архивных источников, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: стачки рабочих Царицына.

Kasarov, Georgyi G.

Strikes of Workers of Tsaritsyn (July 1914 – February 1917)

For the first time in the native historiography the article analyze revolutionary strike struggle of workers of Tsaritsyn during the First World War. The article is written

on the basis of existing literature and archival sources, which first introduced into scientific circulation.

Key-words: strikes of workers of Tsaritsyn.

ИСТОРИЯ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА / HISTORY OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD

Л.А. Боева

Идеологическое обеспечение нэпа

Одной из особенностей и нарастающей тенденцией нэпа было мощное и хорошо организованное идеологическое обеспечение. Оно показало умение большевиков энергично «работать в массах» в критической обстановке. Одним из важных инструментов ЦК РКП (б) в этой работе стали органы ГПУ-ОГПУ.

Ключевые слова: нэп; идеология большевиков, ГПУ-ОГПУ.

Боева, Liubov A.

Ideological Support of NEP

One of the features and the increasing trend of the NEP was a powerful and well-organized ideological support. It showed the ability of the Bolsheviks vigorously «work with the masses» in a critical situation. One of the important tools of the CC RCP (b) in this work became the GPU-OGPU.

Key-words: NEP, the ideology of the Bolsheviks, GPU-OGPU.

М.Н. Супрун

Стратегия Антигитлеровской коалиции и ленд-лиз

Статья посвящена развитию стратегии Антигитлеровской коалиции и месту в ней ленд-лиза. На основе отечественных и зарубежных первичных и вторичных источников автор прослеживает основные компоненты стратегии, важнейшим из которых был американский закон о ленд-лизе в его «концепции пула».

Ключевые слова: Вторая мировая война, международные отношения, ленд-лиз.

Suprun Mikhail, N.

The Strategy of the Anti-Hitler Coalition and Lend-Lease

The article deals with the development of the global strategy of the Anti-Hitler coalition and the *lend-lease* role in it. On the base of both Russian and foreign primary and secondary sources the author traces changes in the main components of the Allies' strategy and especially in one of the most important component — the American Lend-lease Bill in it's concept of «pool».

Key-words: Second World war, international relations, lend-lease.

**ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ /
HISTORY OF CULTURE****А.Б. Давыдова****Роль бога Сараписа в греко-египетской магии римского периода**

Египетские маги, жившие в римский период, нередко обращались за помощью к Сарапису, считая, что он может сбересть их клиентов от любой беды в целом и дурного глаза в частности, наделить их хорошей судьбой и изменить предначертанное, сделать точное предсказание. В этом отразилось широко распространенное представление о Сараписе как о всемогущем боге. Для греко-египетской магии того времени характерно сочетание элементов древнеегипетской и античной магий, употребление так называемых «варварских» имен, непереводаемых сочетаний букв и палиндромов, имевших символическое значение. Отличительная черта магии римского периода — наличие профессиональных магов.

Ключевые слова: магия; Сарапис; римский Египет.

Davydova, Alla B.**Sarapis' Role in Greco-Egyptian Magic**

Magicians, who lived in Roman Egypt, often turned to Sarapis for help. They believed that he was able to protect their clients against any trouble, including an evil eye, to grant them good fortune, to change predestined things, and to make precise prophecies. It was influenced by an idea, very common in Roman Egypt, according to which Sarapis was an almighty god, the ruler of the Universe. Mixture of ancient Egyptian and Classical magic, application of so-called 'barbaric' names, untranslatable combinations of letters and palindromes that had a symbolic meaning, were peculiar to the Greco-Egyptian magic of this period. Presence of professional magicians was another distinctive feature.

Keywords: Magic, Sarapis, Roman Egypt.

С.М. Крыкин**Реликты духовной культуры автохтонов Восточных Балкан**

Статья посвящена фракийским святилищам. Древнее коренное население и под властью Рима сохраняло особые поверья. Два таких алтаря были открыты экспедиционной группой под руководством автора статьи на раскопках крупного античного памятника в Болгарии близ города Кюстендил.

Ключевые слова: Кюстендил, эсхара, Фракия, раскопки, сельская усадьба

Krykin Sergei, M.**Relics of Spiritual Culture of Autochthons of the Eastern Balkan**

The article is devoted to Thracia sanctuaries. The ancient original population kept having special superstitions even in Roman reigning. Two alters were discovered by ar-

chaeologists (the author of this article was at the head of that group) during excavations of a large ancient object not far from the city Kyustendil in Bulgaria.

Key-words: Kyustendil, eschara, Thracia, excavations, villa rustica

А.А. Платонова

Браки московских мещанок и крепостных в начале XIX века

В статье анализируются браки мещанок и крепостных в Москве в начале XIX века. Количество таких браков постепенно сокращалось, что можно объяснить увеличением социального неравенства между горожанами и крестьянами.

Ключевые слова: история Москвы, сословие мещан, крепостные люди, историческая демография.

Platonova, Aleksandra A.

Marriages Between Moscow Bourgeoises and Serfs in the Beginning of the XIX-th Century

The article analyzes marriages between petty bourgeoises and serfs in Moscow in the beginning of the XIX-th century. The quantity of such marriages was gradually reduced, that is possible to explain by increase in a social distance between bourgeoises and peasants.

Key-words: history of Moscow, estate of petty bourgeoises, serfdom, historical demography.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ / CONTEMPORARY HISTORY

А.Ф. Рагимова

Россия и СНГ: аспекты гуманитарного сотрудничества (на примере Азербайджана)

В статье на примере сотрудничества России и Азербайджана рассматривается процесс складывания общего гуманитарного пространства России со странами СНГ. На основе анализа источников и исследований российских и азербайджанских ученых автор раскрывает проблемы и перспективы интеграции в гуманитарной сфере между двумя государствами.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, интеграция, СНГ, Россия – Азербайджан.

Ragimova Afat, F.

Russia and the CIS: key aspects of humanitarian cooperation (for example Azerbaijan)

Article on the example of cooperation between Russia and Azerbaijan through the process of folding general humanitarian space of Russia with the CIS countries. Based

on an analysis of the sources and studies of Russian and Azerbaijani scientists, the author reveals the problems and prospects of integration in the humanitarian field between the two States.

Key-words: humanitarian cooperation, integration, CIS, Russia – Azerbaijan.

**ИСТОРИОГРАФИЯ /
HISTORIOGRAPHY**

Ф.А. Михайловский

**Магистратские компоненты власти Августа
в оценке отечественной историографии**

В статье рассматривается ряд интерпретаций магистратских компонентов власти Августа (империя и трибунской власти) в работах Э.Д. Грима, Н.А. Машкина и А.Б. Егорова и др. Автор приходит к выводу, что развитие и квалификационные качества магистратских компонентов власти Августа все еще остаются под вопросом.

Ключевые слова: Август, принципат, империй, трибунская власть.

Mikhailovsky, Fyodor A.

**Magisterial Components of Augustus' Power:
Some Appraisals of the Native Historiography**

The article contains the analysis of some interpretations of the magisterial components of Augustus' Power (imperium and tribunicia potestas) in the researches of E.D. Grimm, N.A. Mashkin, A.B. Yegorov etc. The author concludes that the development and qualities of the magisterial components of Augustus' Power are still debatable question.

Key-words: Augustus, principate, imperium, tribunician power.

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ /
METHODS OF TEACHING HISTORY**

С.А. Агуреев

**Историография зарубежной истории
в системе комплексной подготовки профессионального историка**

Статья посвящена проблеме комплексной подготовки историка-профессионала в области историографии зарубежной истории. Новизна подхода автора состоит в том, что исследована проблема современных методов и подходов к историческому знанию, даются практические рекомендации к работе с историческим источником, особое внимание при этом уделяется существующим методам исторической критики, оценкам проблемы достоверности исторического знания.

Ключевые слова: исторический факт; научный дискурс; историческая школа; исторический источник; методика преподавания истории

Agureev, Stanislaw A.

The History of Historical Science in a Preparation System of Historical

The article is devoted to the problems of complex preparation system of historical in the History of Historical Science sphere. The novelty lies in the investigation of this problem consist on discovery problems of modern historical methods, gave practical recommendation of working with historical sources and methods of historical critic, problem of reliable historical sources.

Key-words: Historical fact; discourse of science; historical school; historical source; methodic of teaching history.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ / HISTORICAL PROFILES

А.Г. Афанасьев

Александр Дубчек: человек на перепутье

Статья посвящена роли Александра Дубчека в пореформенных событиях, происходивших в Чехословакии с января по август 1968 года, широко известных как «Пражская весна». На основе мемуарных источников, как давно известных, так и недавно введенных в научный оборот, автор предпринимает попытку уточнения личного вклада первого председателя ЦК КПЧ в процесс реформ. Через призму личности рассматривает характер принятых А.Дубчеком решений.

Ключевые слова: Александр Дубчек, «Пражская весна», «Социализм с человеческим лицом», КПЧ.

Afanasiev Aleksandr, G.

Alexander Dubchek: the Person at the Crossroads

Article is devoted Alexander Dubchek's role in reforms the events occurring in Czechoslovakia from January till August, 1968, widely known as «the Prague spring». On the basis of memoirs sources as for a long time known, and recently entered into a scientific turn, the author makes an attempt specifications of the personal contribution of the first chairman of Central Committee CPCZ in process of reforms. Through a prism of the person considers character of the decisions accepted by A.Dubchek.

Key-words: Alexander Dubchek, «the Prague spring», «a socialism with a human face», CPCZ.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2010, № 2 (6)**

Агуреев Станислав Александрович — старший преподаватель кафедры всеобщей истории МГПУ, кандидат исторических наук (stas.agureev@mail.ru)

Афанасьев Александр Геннадьевич — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (megalex4@Rambler.ru).

Базаркина Дарья Юрьевна — старший преподаватель кафедры журналистики МГТУ им. М.А. Шолохова, кандидат исторических наук (bazarkina-icspsc@yandex.ru)

Боева Любовь Александровна — доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ, кандидат исторических наук (boevala@mai.ru)

Давыдова Алла Борисовна — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (dawidov@mail.ru)

Захаров Константин Алексеевич — заместитель директора Института гуманитарных наук (Zakharov@MGPU.ru)

Касаров Георгий Георгиевич — профессор кафедры отечественной истории МГПУ, доктор исторических наук (Kasarov@MGPU.ru)

Крыкин Сергей Михайлович — доцент кафедры всеобщей истории МГПУ, кандидат исторических наук (smkrykin@mail.ru)

Михайловский Федор Александрович — профессор кафедры всеобщей истории МГПУ, доктор исторических наук (f.mikhailovsky@yandex.ru)

Платонова Александра Андреевна — аспирант общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (platonovaa@mail.ru)

Полунина Ольга Сергеевна — доцент кафедры массовых коммуникаций МГПУ, кандидат исторических наук (olga-polunina@inbox.ru)

Рагимова Афат Фирудиновна — доцент кафедры всеобщей истории МГПУ, кандидат исторических наук (Ragimova@MGPU.ru)

Супрун Михаил Николаевич — заведующий кафедрой отечественной истории Северного Арктического федерального университета, доктор исторических наук, профессор (САФУ), г. Архангельск (suprun.ru@mail.ru)

Ушаков Анатолий Васильевич — профессор кафедры отечественной истории МГПУ, доктор исторических наук (Ushakov@MGPU.ru)

**Authors / MСPU Vestnik,
Series «Historical studies», 2010, № 2 (6)**

Agureev Stanislav Aleksandrovich — Candidate of History, assistant professor of MGPU (stas.agureev@mail.ru)

Afanasiev Aleksandr Gennadievich — Post-graduate of MGPU (mega-lex4@Rambler.ru)

Bazarkina Darja Yurevna — Candidate of History, assistant professor of Sholokhov MGGU bazarkina-icspsc@yandex.ru

Boeva Liubov Aleksandrovna — Candidate of History, assistant professor of MGPU (boevala@mai.ru)

Davydova Alla Borisovna — Post-graduate of MGPU (dawidov@mail.ru)

Zakharov Konstantin Alekseevich — assistant director of Institute of the humanities (Zakharov@MGPU.ru)

Kasarov Georgi Georgievich — Doctor of History, professor of MGPU (Kasarov@MGPU.ru)

Krykin Sergei Mikhailovich — Candidate of History, assistant professor of MGPU (smkrykin@mail.ru)

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, professor of MGPU (f.mikhailovsky@yandex.ru)

Platonova Aleksandra Andreevna — Post-graduate of MGPU (platonovaa@mail.ru)

Polunina Olga Sergeevna — Candidate of History, assistant professor of MGPU (olga-polunina@inbox.ru)

Ragimova Afat Firuddinovna — Candidate of History, assistant professor of MGPU (Ragimova@MGPU.ru)

Suprun Mikhail Nikolaevich — Doctor of History, professor of SAFU (Arkhangelsk) (suprun.ru@mail.ru)

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, professor of MGPU (Ushakov@MGPU.ru)

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета ГОУ ВПО МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Статья объемом не менее 0,5 а.л. и не более 1 а.л. (40 тыс. знаков) должна быть напечатана на бумаге формата А4.; поля страницы: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм; выравнивание по ширине; абзацный отступ — 15 мм; в тексте, таблицах, формулах и иллюстрациях следует применять шрифты: Times New Roman, Arial, Courier New, кегль — 14, межстрочный интервал 15 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набирают: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом.

2. К статье должна быть приложена ее электронная версия на следующих носителях: CD-R; CD-RW; DVD-R; DVD-RW; USB flash в форматах Microsoft Word, RTF. Весь текст рукописи должен быть сохранен в одном файле.

3. Перед названием статьи (не более 7 слов) указываются инициалы и фамилия автора (авторов). После названия статьи должна следовать краткая аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении. Ключевые слова и словосочетания (не более 5) разделяются точкой с запятой.

4. В конце каждой статьи следует список литературы на русском и на английском языках. Литература дается в алфавитном порядке. Ссылки на нее оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [10: с. 81], где первая цифра означает порядковый номер из списка литературы, приведенного в конце статьи, а вторая — номер страницы источника; кроме этого может указываться том, параграф, книга. Например: [5: Т. II, с. 60], [5: § 5, с. 60], [5: кн. 5, с. 60].

5. **Рисунки, графики, схемы** должны выполняться в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

Выделения в тексте делаются светлым курсивом, жирным курсивом и жирным шрифтом. Подчеркивания исключаются!

6. **Библиографические ссылки на электронные ресурсы** нужно делать внутритекстовые в круглых скобках. Например: (Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.orhto-rus.ru/>), (URL: <http://www.bashedu.ru/encicle.htm>).

7. **Библиографические ссылки на архивные документы** следует делать внутритекстовые ((НБА РКП.Ф.1.0п.19 Ед.хр.8); (БГАДА. ф. 210 (Разрядный приказ. Разрядные вязки. Вязка 1.4.1) № 10. Л. 1-64)).

Иностранные издания в списке литературы идут после русских изданий и следуют тем же правилам оформления.

8. **Примечания.** Если примечания даются в конце страницы, то нумерация ограничивается пределами страницы. Если идет сквозная нумерация через весь текст, то примечания помещаются в конце статьи. В этом случае вначале идет раздел «Примечания», а затем раздел «Литература».

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются фамилия автора, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. К статье прилагается информация об авторе (авторах) (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы) на русском и английском языках, контактный телефон и электронный адрес.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (6), 2010

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Составитель:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
Р.Д. Смирнова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 19.10.2010 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж: 1 000 экз.